

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 1**

Барнаул 2009

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»

Лингвистический институт

ЯЗЫК: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 1

Барнаул 2009

ББК 81.00
УДК 81
Я41

Язык: Мультидисциплинарность научного знания : Научный альманах / под ред. О.В. Труновой. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 209 с.

ISBN 978-5-88210-491-6

Редакционная коллегия:

Трунова О.В., д-р филол. наук, профессор (ответственный редактор)

Ефремова Н.В., д-р пед. наук, профессор (зам. редактора по лингводидактике)

Зыкова Г.Н., канд. филол. наук, профессор

Калашникова Е.А., канд. филол. наук, доцент

Майзенгер Н.В., канд. филол. наук, доцент

Малинович Ю.М., д-р филол. наук, профессор (зам. редактора по лингвистике)

Романова Т.А., канд. филол. наук, доцент

Чернова М.А., канд. филол. наук, доцент

Широкова Н.П., канд. филол. наук, доцент

Первый выпуск альманаха содержит статьи молодых ученых. Статьи отражают основные проблемы лингвистики и лингводидактики в рамках современной общенаучной парадигмы, предполагающей взаимодействие гуманитарного, естественнонаучного и прикладного научного знания. Альманах адресован самому широкому кругу исследователей в области лингвистики и лингводидактики.

ISBN 978-5-88210-491-6

© Алтайская государственная педагогическая академия, 2009

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Проблема классификации языковых средств, выражающих сравнение, по их структурным особенностям рассматривалась многими учеными с различных позиций. Среди исследователей не существует единой точки зрения по поводу наименования элементов структуры сравнения, но все они сходятся во мнении, что логическая форма сравнения является общей для всех его видов, независимо от их структурных особенностей, это то общее, что сохраняется постоянным в любом сравнении.

В задачу данной статьи входит рассмотрение логической структуры сравнения с целью выявления наиболее актуальных членов компаративного отношения.

По замечанию В.И. Бартона, логическая структура сравнения сохраняется во всех ее языковых воплощениях (Бартон 1978: 32). Структура синтаксических сравнительных конструкций действительно отражает логическую структуру сравнения, но не совпадает с ней полностью. В общей схеме структурного анализа сравнения можно вычлени следующие элементы: 1) объект, который подвергают сравнению (субъект), 2) объект, с которым сравнивают первый объект, и 3) свойство, по которому сравнивают объекты. Такой признак-основание является ключевым элементом сравнения. Например:

(1) *In about a month I shall be ready to consider the question, but just now **their insides are more important than their outsides*** (Webster, 25).

Главная героиня (I) здесь выступает в роли субъекта, производящего сравнение; под объектом подразумевается внешний вид и состояние сирот (*their insides/outsides*); признаком-основанием служит степень важности того или иного состояния детей в приюте (*more important*).

В качестве самостоятельного элемента в приведенную структуру можно включить вывод из сравнения. Это объясняется тем, что термин «сравнение» употребляется для обозначения как процесса сравнения, так и результата этого процесса, или того, что называется выводом из сравнения. По мнению В.И. Бартона, невозможно выделить результат сравнения как компонент структуры, поскольку сначала для этого необходимо произвести действие (сравнить), а затем прийти к его результату-заключению (Бартон 1978: 34). Вывод из сравнения скрыт от непосредственного наблюдения. Это направленно заставляет воспринимающего прибегнуть к логической операции, чтобы выявить новые знания, которые были неизвестны до акта сравнения. В нашем исследовании мы принимаем классификацию структурных элементов В.И. Бартона как базовую, но, как было отмечено ранее, существуют другие возможные варианты систематизации и наименования компонентов сравнения.

Е.А. Некрасова в своей классификации использует термины «субъект сравнения – образ сравнения» для обозначения первых двух элементов сравнения (Некрасова 1977: 253). В.В. Павлова предлагает называть их «объект – образ» (Павлова 1995: 165).

З.А. Харитончик выделяет термины «субъект» и «объект» (Харитончик 1988: 72). Данные подходы можно назвать традиционными. Л.Н. Гуляева и Н.Л. Мурзин употребляют термины, характерные для современного языка науки, а именно: «референт – агент» (Гуляева 1980: 85) и «компаратив – компаративит» (Мурзин 1998: 83). Третий элемент сравнения (общий признак) всеми учеными обозначается стандартно – терминами «основание сравнения» или “*tertium comparationis*”.

Обосновывая логико-грамматический подход к изучению компаративных отношений, В.М. Огольцев утверждает, что структура сравнения лингвистического представлена логическими элементами: А – тема, Б – образ (объект), С – признак, положенный в основание сравнения. Необходимым элементом языковой компаративной структуры является также показатель сравнения, указывающий на уподобление одного компонента другому. Следует иметь в виду замечание В.М. Огольцева о том, что сравнению может подвергаться любой предмет с любым предметом, но при условии, если они располагают общим признаком или признаками. Однако, общий признак предметов не представляет собой нечто данное, он должен быть предварительно обнаружен, установлен, что достигается опять-таки с помощью сравнения предметов (Огольцев 1978: 34). В данном случае важную роль играет экстралингвистический фактор (многоаспектные знания об окружающей действительности). Рассмотрим следующие примеры:

(2) “*Twelve years is a long time. You know your law better than I do, and what chance it gives you.*” (Galsworthy, 63)

Темой является местоимение *you*; объектом – местоимение *I*; признак в основании сравнения – это показатель, выраженный глаголом *know*. Признак сравнения установлен и указывает на степень и качество знания законов (прилагательное в сравнительной степени *better*).

(3) *I could not look at her and think of the future with such thoughts as those* (Collins, 410).

(4) *The vindictive motive has mingled itself all along with my other and better motives, and I confess it was a satisfaction for me to feel that the surest way, the only way left, of serving Laura’s cause, was to fasten my hold firmly on the villain who had married her* (Collins, 410).

Тема и объект совпадают – *thoughts*; чтобы распознать признак в основании сравнения и понять, что подразумевается под словом *such*, необходимо обратиться к предыдущему опыту, конвенциональному окружению, то есть к экстралингвистическим знаниям. Этими данными объясняется причина, по которой говорящий не может обратиться к своей девушке – у него на уме мысли только о мести (*the vindictive motive*).

Проведенный анализ показал, что процесс сравнения предполагает два взаимосвязанных этапа: первый – обнаружение общего признака сравниваемых предметов или явлений, и второй – сопоставление предметов на основе обнаруженного общего признака. Данные два этапа сравнения можно назвать типами, поскольку они выступают как самостоятельные акты сопоставления и, таким образом, выявляют признаки классификации сравнений по структурно-семантическому типу.

Систематизируя сравнения по структурным элементам, Ю.С. Степанов классифицирует сравнения на индивидуальные и общепринятые (Степанов 1965: 161). Первые чаще всего состоят из двух частей: указания на предмет, который сравнивают, и описания предмета с которым сравнивают и характеризуют предмет или явление в аспекте его неповторимости. Во втором случае сравнения состоят из трех частей: темы и сравнения, между которыми находится указание на то, что у них общего, то есть основания сравнения. Они передают обычно только меру качества, тогда как само качество должно быть выражено отдельно. Важно подчеркнуть, что общепринятые сравнения относятся к сфере фразеологии, представляя собой устойчивые выражения. Например:

(5) *She tried to bluff her way out again, **cold as ice she was**...* (Fowles: www).

В данном предложении четко выражены все три элемента: тема *she*, основание *cold* (переменная часть) и сравнение *as ice*.

Исследуя союзные конструкции, выражающие отношения сравнения, Н.А. Широкова представляет сравнительные конструкции как построенные на параллелизме соотносимых членов. Сюда относятся конструкции, выражающие сравнение-сопоставление и сравнение-противопоставление, в которых констатируются отношения соответствия, тождества или различия (Широкова 1966: 169). Рассмотрим следующие примеры:

(6) *Well, then there was a bit in the local paper about the scholarship she won and how clever she was, and **her name, as beautiful as herself, Miranda*** (Fowles: www).

При сравнении имени девушки (*Miranda*) с ней самой (*herself*) мы выявляем качественное тождество: как обладатели красоты (*beautiful*) оба объекта тождественны.

(7) *I don't see how any little girl can preserve any self-respect when dressed in **a red flannel petticoat an irregular inch longer than her blue checked gingham dress**...* (Webster, 11).

В данном случае компаративное отношение строится посредством различия между двумя предметами: детской юбочкой – *petticoat* и хлопковым платьем – *gingham dress*. Основанием сравнения служит мера длины одного предмета относительно длины другого (*an irregular inch longer*).

Итак, рассмотрев различные подходы к классификации структурных компонентов процесса сравнения, мы выяснили, что, отличаясь терминологически, они являются сходными по логической структуре. В целом, структура компаративного отношения сводится к четырем компонентам: объекту, субъекту и основанию сравнения как основным, базовым элементам, и выводу из сравнения как отдельному самостоятельному элементу.

Однако не все компоненты сравнения эксплицитно представлены в компаративной единице. Многочисленны примеры имплицитирования основания сравнения. С точки зрения имплицитности или эксплицитности А.В. Ваганов выделяет, во-первых, сравнения с эксплицитным основанием, которые содержат прямое наименование общего для сопоставляемых явлений признака, например:

(8) *If you will pardon the statement, they have been my friends for many more years than you, and I have no intention of letting them go hang* (Webster, 14).

При сравнении субъекта, выраженного местоимением *they*, с другим человеком – объектом (местоимения *you*) – мы не только исходим из их качественного тождества – дружеские отношения по отношению к героине свойственны и субъекту и объекту, но и устанавливаем количественное различие «им» приписывается *более долгая* дружба с героиней, чем «ему». Основание сравнения представлено эксплицитно.

Во-вторых, автор отмечает сравнения с частичной имплицитностью основания (сравнения содержат те аспекты предмета, которые имеют общие признаки с соответствующими аспектами эталона, но остаются не названными), и, в-третьих, сравнения с полной имплицитностью основания (в их состав не входит ни наименование аспекта, в котором ведется сопоставление, ни наименование общего для предмета и эталона признака) (Ваганов 1998: 219). Основание в этих двух случаях восстанавливается на базе эксплицитно выраженных компонентов сравнения, либо сравнение сопровождается указанием на условия, при которых основание для сходства или различия воспринимается наблюдателем. Обратимся к примерам:

(9) *And then a week later I find I'm arguing as he would argue* (Fowles: www).

В данном сравнении-тождестве основание частично имплицировано, признак лишь подразумевается – умение спорить, но не называется – *как именно, каким образом* они (субъект *I* и эталон *he*) спорят.

(10) *The reality's worth than anything he can have seen from the waterfront* (Greene, 18).

В приведенном сравнении (10) основание полностью имплицировано, но указывается обязательное условие, с помощью которого основание, в данном случае для сравнения-различия, становится понятным воспринимающему – наличие жизненного опыта (*anything he can have seen*).

Как правило, основание сравнения можно восстановить путем внешней реконструкции, то есть на основе элементов текста, находящихся за пределами самого сравнения:

(11) *Your last letter was quite enough to make me worry about you. It was not a bit like yourself. Reading between the lines I should imagine that your engagement to this girl is making you rather unhappy, and I see you have lost all the feeling of romance that you had before the war* (Fitzgerald, 211).

Из предшествующего сравнению контекста становится ясным, что под объектом *it* подразумевается письмо (*letter*). Последующая информация раскрывает нам само основание сравнения, указывая на то, в чем это письмо непохоже на другие письма автора. Такие приемы в одних случаях побуждают человека к реконструкции опущенного основания, в других такое отсутствие направляет внимание индивида на иные компоненты изображаемой ситуации.

Таким образом, анализ языкового материала подтверждает важный логический тезис о том, что свойство одного предмета может быть выражено лишь посредством его отношения к другому, отличному от него предмету.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что логическая структура процесса сравнения представлена следующими компонентами: субъект (тема) – первый структурный элемент компаративной единицы, то, что сравнивается; субъект (образ) – второй элемент, или то, с чем сравнивается субъект (тема); признак – общее свойство, на основании которого устанавливается сходство темы и образа; результат сравнения – заключение, выводимое на основе экстралингвистических факторов. Все они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, и лишь их общность способствует пониманию сущности процесса сравнения.

Библиографический список

1. Бартон В.И. Сравнение как средство познания. Минск, 1978.
2. Ваганов В.А. Функционально-семантические особенности сравнений с имплицитным основанием // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. С. 218-220.
3. Гуляева Л.Н. К вопросу о параллелизме в сравнительной конструкции // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1980. № 4. С. 84-92.
4. Мурзин Н.Л. К структурной типологии сравнительных конструкций // Фатическое поле языка. Пермь, 1998. № 2. С. 83-90.
5. Некрасова Е.А. Сравнения // Языковые процессы современной художественной литературы. М., 1977. № 5. С. 240-295.
6. Огольцев В.М. Модели компаративного словообразования. Пермь, 1978.
7. Павлова В.В. Сравнительные конструкции в структуре простого предложения // Семантика лексических и грамматических единиц. М., 1995. № 4. С. 164-169.
8. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
9. Харитончик З.А. Сравнение в процессах языковой номинации // Синтагматика слова, словосочетания и предложения. Волгоград, 1998. № 5. С. 71-79.
10. Широкова Н.А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань, 1966.

Список источников иллюстративного материала

1. Collins W. The Woman in White. Penguin Books, 1994.
2. Fitzgerald Sc. F. This Side of Paradise. Москва, 2004.
3. Fowles J. The Collector [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://artifact.lib.ru>
4. Galsworthy J. In Chancery. Moscow, 1964.
5. Greene G. Comedians. Москва, 2004.
6. Webster J. Dear Enemy. Новосибирск, 2007.

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ПОЛУСВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема взаимодействия лексических и грамматических значений в языковой единице с точки зрения репрезентации на основе этих значений одновременно языковых и неязыковых знаний представляется малоизученной. Предлагаемое исследование затрагивает вопросы соотношения значения и смысла, взаимодействия языкового значения и энциклопедического знания (в частности, проблему соотношения знаменательных и служебных единиц в языке) и посвящено исследованию механизмов функционирования глаголов различной лексической семантики в качестве полусвязочных в современном английском языке.

Традиционно разграничение между знаменательными и служебными языковыми единицами базируется на выполнении ими различных функций. Значение глагольной связочности в языке неоднократно становилось объектом исследований многих как отечественных, так и зарубежных лингвистов, поскольку эта проблема затрагивает вопрос о синтаксической структуре предложения в целом и вопрос о роли и статусе связочного элемента в синтаксических конструкциях именного типа в частности. Полученные результаты, несомненно, представляют интерес с точки зрения изучения структурной организации языка.

Связка – это компонент составного именного сказуемого, выражающий его грамматическое значение и обычно представленный глаголом «быть» (ЛЭС 1990: 435). Впервые понятие связки было введено древнегреческими мыслителями в сочинениях по логике и философии. Под связкой понимался необходимый компонент предложения-суждения, выражающий присущность/неприсущность признака предмету и тем самым придающий высказыванию истинностное значение, причем первичным для связи считалось значение бытия.

Схоласты выдвинули теорию ингерентности (абсолютной присущности), согласно которой связка указывает на то, что субъект суждения – это знак, замещающий индивидуальные объекты, а предикат – обозначение общей категории, универсалии. Схоластам же принадлежит и теория тождества: здесь связка идентифицирует экзистенциалы двух имен – субъекта и предиката. Связка (имеется в виду только связка «быть») рассматривалась как незнаменательное слово, при этом она выделялась как элемент не чисто синтаксического, но, прежде всего, логического плана (ЛЭС 1990: 435).

На основе обобщения обширного материала в современном русском языкознании разработана следующая классификация связок по степени содержания лексического значения, которая была впервые предложена А.М. Пешковским:

- 1) отвлеченные (*быть*);
- 2) полуотвлеченные (*являться, становиться*);
- 3) вещественные (*лежать, вскочить*) (Пешковский 1956).

Подобная классификация связочных глаголов существует и в английской грамматике. Английский язык, являясь языком аналитического строя, обладает системой вспомогательных глаголов, среди которых выделяют:

- 1) глаголы-связки (link verbs);
- 2) полузнаменательные связки (semi-notional link verbs);
- 3) полнозначные связки (notional link verbs) (Blokh 1983: 89-92; Gordon, Krylova 1980: 8-11).

Исходя из того, что связка в английском языке может быть представлена и полнозначным глаголом, сохраняющим свое лексическое значение, А.И. Смирницкий делит связочные глаголы на 3 группы:

- 1) глаголы со значением бытия (link verbs of being) и пребывания в определенном состоянии;
- 2) глаголы со значением становления (link verbs of becoming) или перехода из одного состояния в другое;
- 3) глаголы со значением неизменности состояния (link verbs of remaining) (Смирницкий 1957: 125).

По мнению некоторых исследователей, отношение между подлежащим и сказуемым сводится только к одной связке «быть», а все остальные связки по своей семантике представляют собой сочетание глагола *be* «быть» с другими глаголами. Такое мнение обусловлено тем, что глагол-связка является центральным структурно-семантическим компонентом предложения и никогда не элиминируется из структуры сказуемого. Глагол *be* признается в лингвистике идеальной связкой, функция которой – выражать логические отношения между подлежащим и сказуемым. Связочному глаголу *be*, как отмечают исследователи, свойственно указание не на существование или возникновение самого предмета, а на существование в нем новых свойств и качеств. Если в предложении появляется полусвязочный глагол – то это указание на появление, возникновение свойств. В этом заключается отличие предложений со связочным глаголом в именной конструкции от бытийных предложений, констатирующих существование или наличие объекта мысли без сообщения ему каких-либо характеристик или отношений к другим объектам (Теория... 1996: 80).

Сочетание глагола-связки и именной части на уровне синтаксиса представлено составным именным сказуемым. В качестве глагола выступают полусвязочные глаголы, т. е. глаголы, выполняющие служебную функцию при сохранении в той или иной степени своего лексического значения (СЛТ: www).

В том случае, когда глагол *be* является частью такого сказуемого, можно выделить два основных семантических типа: экзистенциальное (бытийное) сказуемое, выражающее бытие, состояние и квалификативное, выражающее свойство.

Составное именное сказуемое экзистенциального типа строится при помощи глагола *be* с семантикой существования и прилагательного, выражающего состояние. При совмещении значения элементов получаем общее значение «нахождение в состоянии».

(1) *The poor dog was hungry and restless, but would not leave his master, and was waiting impatiently for some change in the scene* (Eliot, 38).

(2) *The night was very still; when Adam opened the door to look out at twelve o'clock, the only motion seemed to be in the glowing, twinkling stars: every blade of grass was asleep* (Eliot, 90).

В анализируемых примерах глагол *be* (в форме прошедшего времени *was*) имеет значение «нахождение в состоянии», а прилагательные уточняют то состояние, в котором пребывает подлежащее – *hungry* «голодный», *restless* «тревожный», *still* «тихий», *asleep* «спящий».

Функция составного именного сказуемого квалификативного типа состоит в приписывании объекту определенных качеств и свойств. Рассмотрим роль и функции глагола на примере группы абсолютных свойств, которые охватывают такие признаки как цвет, форма, вкус, а также пространственные характеристики. Например:

(3) *I was consumed with thirst – I drank eagerly; the beverage was sweet, but I tasted a drug* (Brontë, 255).

Глагол позволяет квалифицировать предмет как обладающий определенным свойством, в нашем примере это свойство представлено признаком *sweet* «сладкий».

Таким образом, глагол *be* в качестве связки объекта и признака выполняет функцию указания на существование какого-либо признака, характеризующего субъект. Тем самым, на передний план выступает бытийное или квалификативное значение глагола, которое отражает характер восприятия мира человеком.

Таким образом, несмотря на то, что полусвязочным глаголам, в отличие от смысловых (знаменательных) глаголов, несвойственно называть действие, они обладают определенным, хотя и обобщенным, лексическим значением. Об этом свидетельствует функционирование в языке так называемых полуслужебных связок, представленных двумя группами глаголов – изменения состояния и сохранения признака.

В основе семантики составного именного сказуемого с глаголом изменения/сохранения признака лежат противоположенные представления о мире – статические и динамические. Антиномия устойчивость/изменчивость определяет сущее, форму его бытия и характер претерпеваемых изменений, составляющих основу всякого развития.

Выявление корпуса глаголов, имеющих семантику изменения/неизменности предполагает проведение анализа семного состава ключевых слов по тезаурусу Роже. Так, ключевым словом для выявления значения изменения может быть выбран глагол *change*. Его семантика определяется следующим составом: ‘make different/become different/put in place of another (exchange, switch, displace etc.)/change clothing (undress, disrobe, dress etc.)’ (WNWRT, 118).

Первая и вторая семы входят в интенционал значения изменения, но только если в предложении глаголы изменения состояния входят в состав составного именного сказуемого. Третья и четвертая семы актуализируются в том случае, когда эти глаголы употребляются как полнозначные.

На основе перекрестных ссылок можно выделить ряд глаголов с семантикой изменения: *turn, make, get, grow, become, go, fall*.

При раскрытии значения неизменности в качестве ключевого слова можно выбрать глагол *keep*, в семантической структуре которого представлены следующие лексико-семантические варианты: 'hold/maintain/continue/remain/store/prevent' (WNWRT 1999: 442).

Таким образом, на основе общности значений можно выявить глаголы со значением нахождения в устойчивом состоянии, характеризующиеся комбинаторной связью с классом прилагательных (*keep, remain, stand*).

Следует еще раз обратить внимание на функциональные характеристики глаголов изменения/сохранения признака. Основная особенность заключается в том, что данные глаголы являются глаголами изменения признака/нахождения в состоянии только в том случае, когда в предложении они не являются смысловыми. Если же данные глаголы выступают в предложении как знаменательные, они несут основную смысловую нагрузку и не могут рассматриваться как глаголы изменения/сохранения признака. Рассмотрим два примера:

(4) *Jocelyn turned to the table. "They're five minutes away", she said. "Almost here."* (Fowler, 195)

(5) *The waiter said nothing but his face turned red* (Brennan, 52).

В первом примере глагол *turn* является знаменательным глаголом, выступающим в роли простого глагольного сказуемого. Во втором случае глагол *turn* в сочетании с прилагательным *red* является полусвязочным и представляет собой элемент составного именного сказуемого. Таким образом, глаголы изменения/сохранения признака имеют специфическую сочетаемость. Только при сочетании с прилагательными (иногда с существительными) они имеют значение изменения/сохранения признака. При сочетании со словами других лексико-грамматических классов они не являются показателями изменения состояния.

Как выяснилось, являясь частью составного именного сказуемого, глаголы изменения/сохранения признака выступают в сочетании с прилагательным. Значения этих двух лексико-грамматических классов обычно противопоставлены друг другу, поэтому при их сочетании в виде составного именного сказуемого один из его элементов частично теряет свое значение. В случае с группой глаголов изменения/сохранения признака часть своего значения теряет глагол.

Так, в следующем примере в составном именном сказуемом глагол указывает на процесс пребывания в неизменном состоянии, а предикатив уточняет, в каком именно состоянии находится субъект:

(6) *I must be there; I could not refuse; and I will keep as much awake as I can; but I would rather be at home, looking over William Larkins's week's account; much rather, I confess* (Austen, 257).

На основе вышеизложенного можно выделить семантическую оппозицию «статичность/динамичность», лежащую в основе группы глаголов со значением изменения/сохранения признака.

Приписывание признака при помощи глаголов изменения состояния приводит к трансформации статуса субъекта. О процессе изменения состояния свидетельствуют глаголы *turn, make, get, grow, become, go, fall*, семантическая структура которых содержит компонент, указывающий на изменение признака.

Общим для глаголов сохранения признака является значение неизменности, нахождения в определенном состоянии – это глаголы *keep, remain, stand*.

Перечисленные глаголы многозначны, их участие в построении составного именного сказуемого со значением изменения/сохранения признака определяется сочетаемостными возможностями с лексико-семантическим классом прилагательных. Только в этом случае, когда указанные глаголы выступают полусвязочными, в интенционал значения выходит семантический признак изменения/сохранения признака.

Таким образом, полусвязочные глаголы, в силу частого использования их в функции связочных, обнаруживают высокую степень грамматикализованности, что означает утрату ими в значительной степени лексического значения и сохранение в своей семантике указания на форму существования признака, выраженного предикативом. Однако же, выполняя функцию грамматического соединения субъекта и предиката предложения, представленного именем, такие глаголы, тем не менее, сохраняют лексико-грамматическое значение перехода в новое состояние или сохранения состояния, или же просто бытийно-кваликативную семантику.

Библиографический список

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
2. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
3. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
4. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. M., 1983.
5. Gordon E.M., Krylova I.P. A Grammar of Present-Day English (Parts of Speech). M., 1980.
6. [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
7. [СЛТ] Словарь лингвистических терминов / Ред. Д.Э. Розенталь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/114.Rosental/15-p-2/html/unnamed_9.html
8. [WNWRT] Webster's New World Roget's A-Z Thesaurus. New York, 1999.

Список источников иллюстративного материала

1. Austen J. Emma. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature from Shakespeare to Mark Twain // Austen-Novels vol. 4.
2. Brennan F. The Fruitcake Special and Other Stories. London, 2002.
3. Brontë Ch. Villette. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature from Shakespeare to Mark Twain // Brontë -Villette vol. 1.
4. Eliot G. Adam Bede. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature from Shakespeare to Mark Twain // Eliot-Novels vol. 1.
5. Fowler K.J. The Jane Austin Book Club. London, 2005.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПРАГМАТИКИ РАЗГОВОРНОГО СЛОВА И ПРАГМАТИКИ КОНТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В ТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

Процесс оценивания – неотъемлемая часть процесса познания. В течение всей жизни мы постоянно оцениваем предметы, явления, ситуации, события, поступки других людей, оказываем влияние на окружающих и, в свою очередь, испытываем на себе влияние оценок других людей. В лингвистике под оценкой понимается «социально устоявшееся и узуально закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта (лица, лиц, коллектива) к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта» (Вольф 1985: 18). Одним из факторов интенсификации оценочных смыслов в процессе формирования оценки в речи является расхождение прагматики слова и прагматики контекста его употребления, в частности несовпадение стилистической маркированности отдельной лексемы и стиля контекста, в котором оно употребляется. Общеизвестно, что стилистические характеристики лежат в основе таких аспектов прагматической информации языковых единиц и речевых ситуаций как регистр и тональность дискурса, они также способны передавать широкий спектр сведений об участниках коммуникации и пространственно-временных аспектах ситуации речевой коммуникации. Указанный контраст прагматики слова и контекста его употребления наблюдается при использовании разговорной лексики вне сферы разговорной речи, в нетипичном для нее контексте, например в тексте прессы. Исследование процессов формирования оценки в текстах современных британских газет с участием разговорной лексики, проведенное на базе анализа 720 контекстов употребления разговорных слов в таких британских газетах как *The Guardian*, *The Times* и др., показывает, что наблюдаемая дивергенция прагматики слова и окружающего контекста оказывает заметное влияние на процессы формирования оценочных смыслов в дискурсе.

Прагматический аспект лексического значения представляет собой «дополнительную по отношению к вещественному содержанию слова информацию об участниках коммуникации и условиях коммуникации» (Беляевская 1987: 52) или «эмоционально-оценочные компоненты значения и компоненты, выполняющие ориентационную функцию» (Ищенко 1993: 20). Таким образом, под прагматическим слоем значения слова понимается часть его значения, которая содержит информацию о ситуации общения и ее участниках, а именно: она может включать информацию о времени и месте общения, об участниках коммуникации и данном языковом сообществе, о тональности дискурса и о ролевом статусе коммуникантов, о регистре общения (формальном, нейтральном или неофициальном).

Е.Г. Беляевская выделяет пять категорий степени официальности регистра: сугубо официальный, официальный, совещательный, неофициальный и интимный, однако в большинстве случаев принимается тройная классификация с выделением официального (формального), нейтрального и неофициального (неформального) регистра (Беляевская 1987: 52-53). Компоненты прагматического аспекта тесно переплетаются между собой, и в большинстве случаев происходит совмещение разных прагматических факторов в значении одной лексемы. При этом совмещение различных компонентов может носить факультативный или облигаторный характер (там же: 54).

Как отмечает И.М. Кобозева, «о прагматической функции слова можно говорить только тогда, когда оно рассматривается в составе высказывания, употребленного в речи, т. е. как словоупотребление, а не как единица лексической системы. В обычном случае спектр прагматических функций словоупотребления лексемы выводится из ее лексического значения. Такие функции Д.Ю. Апресян предложил называть тривиальными» (Кобозева 2000: 90-91). «Кроме того, у лексем могут существовать нетривиальные прагматические функции, т. е. функции, не выводимые непосредственно из ее лексического значения, или индивидуальные ограничения на употребление в той или иной тривиальной функции. Поскольку такие отклонения от стандартного для лексем определенного класса спектра функций являются индивидуальным, идиосинкретическим свойством лексемы, они должны рассматриваться лексической семантикой как тип лексической информации прагматического характера» (там же: 91).

Наличие прагматического значения слова как единицы языка обусловлено, в первую очередь, его коннотациями. Реализация прагматического потенциала слова в полной мере осуществляется в речи во взаимодействии с прагматической информацией контекста его употребления, прежде всего лексического контекста. Прагматический аспект значения разговорного слова представляет принципиальный интерес при рассмотрении реализации оценочного потенциала разговорной оценочно-маркированной и разговорной безоценочной лексики в процессе ее функционирования в тексте газет и журналов, в частности в британской прессе, в связи с заметным влиянием разговорных коннотаций на характер и степень интенсивности формируемой в тексте оценки.

При определении взаимозависимости между прагматическим слоем значения отдельной лексической единицы и прагматикой контекста мы руководствуемся следующим представлением: в речевом контексте слова выражают не «заготовленные» значения, список которых может быть прикреплен к ним, а как бы накладывают свое понятийное содержание на условия контекста, подстраивая его к осмыслению изображаемой ситуации (Колесов 2008: 63). Таким образом значение, ассоциируемое со словом в каком-либо конкретном высказывании, оказывается частично функцией данного языкового контекста, в который оно встроено; значение слова «растяжимо», его семантический вклад в высказывание чувствителен к контексту, зависим от него, при том, что сам контекст частично создается данным словом (Evans 2005).

Определения прагматики исходят из схемы Ч. Морриса, где отмечается, что одной из сторон семиозиса являются отношения между знаком и его пользователем – человеком, которые изучаются прагматикой. Прагматические свойства включают все те условия, при которых человек использует языковые знаки. При этом под условиями пользования понимаются условия адекватного выбора и употребления языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации – воздействия на партнера. Прагматика предписывает нормы, правила употребления слова в той или иной ситуации. При этом чрезвычайно важным является изучение тех ограничений на употребление, которые должен учитывать говорящий в процессе социального общения (Заботкина 1987: 32). Таким образом, на уровне высказывания на выбор языковых средств оказывает влияние регистр речи, жанр речевого произведения и коммуникативная ситуация в широком прагматическом аспекте как совокупность интенций и целей взаимодействия коммуникантов на различных уровнях.

Коммуникативно-прагматические нормы вырабатываются в процессе социального взаимодействия людей и фиксируют стереотипы производства и восприятия речи, которые закрепляются и получают социальное признание в типовых ситуациях коммуникации. В нормах находят отражение модели коммуникативно-речевых действий в типовых условиях общения, а также способы и средства их актуализации в текстах на содержательном, композиционном, языковом уровнях (Анисимова 1988: 65).

При несовпадении заданных прагматических характеристик отдельной лексемы, в частности разговорного характера слова, и контекста ее употребления, для которого в целом не характерно использование разговорной лексики, разговорность слова оказывает существенный эффект на формирование оценки в речи. Это связано с тем фактом, что в структуре разговорного слова «стилистическая окраска и эмоциональные элементы, объективно присущие слову, находятся в несомненной связи. Однако связь эта заключается не в том, что слово эмоционально «окрашено» или, напротив, «не окрашено» в силу преимущественного употребления в той или иной речевой сфере, а в том, что в различных условиях общения существует различная потребность в эмоционально насыщенных словах. В условиях повседневного устного общения потребность в выражении (и, в частности, лексическом) эмоций очень велика...» (Мальцев 1963: 9), в то время как язык прессы характеризуется нейтральностью. В то же время одной из функций газеты является воздействие и убеждение с целью формирования общественного мнения, что часто невозможно без выражения эмоций и мнения автора.

Как показывает проведенный анализ, формирование и интенсификация оценки в тексте британских газет может происходить как за счет использования разговорной оценочно-маркированной лексики, так и за счет разговорных безоценочных лексических единиц, в последнем случае при условии наличия оценочных средств в контексте в целом. Разговорная лексика как средство создания и усиления оценки на газетной полосе используется либо в речи самого автора, либо в рамках цитирования в повествовании,

которое ведется автором. В первом случае оценка интенсифицируется за счет несоответствия разговорной окраски отдельного слова стилистическим характеристикам текста прессы. Употребление разговорного слова привлекает внимание читателя и ставит читателя на один уровень с автором, выражающим свое мнение. При этом оценочно-нейтральное разговорное слово может выступать как средство интенсификации оценочных смыслов, содержащихся в оценочно-маркированных стилистически нейтральных или литературно-книжных лексических единицах данного контекста. Усиление оценки высказывания осуществляется в условиях противопоставления прагматики разговорного слова и контекста его употребления. Подобный случай мы можем проиллюстрировать на следующем примере:

(1) *And though it was all so stimulating there was pathos too in the sight of countless **dads** and their **lads** (and **mums** and daughters too) sadly dragging themselves away after failing to get into the game* (The Guardian).

Оценка в данном контексте определяется наличием стилистически-нейтральных оценочных номинаций *drag* ‘to pull something or someone along with difficulty, for example because they are heavy’ (здесь и далее толкования даются по (MEDAL)), *fail* ‘to be unsuccessful when you try to do something’, а ее эмоциональность и экспрессивность усиливаются в результате использования слов *pathos* ‘a quality in a person or situation that makes you feel sad or sorry for them’, *countless* ‘very many, especially more than you think is reasonable’, *sadly* ‘in a way that shows sadness’. Разговорно-маркированные коллоквиализмы *dad*, *lad*, *mum*, будучи оценочно нейтральными, способны интенсифицировать имеющуюся в контексте эмоциональную оценку за счет контраста прагматики слова и контекста, поскольку употребление данных разговорных слов определяет семейный ролевой статус персонажей, что влияет на тональность дискурса в целом.

Оценочно-маркированное разговорное слово может выступать как средство создания высоко интенсивной отрицательной или положительной оценки. Например:

(2) *Backham got a **ballocking** from **Fergie** when he looked after Brooklyn* (The Guardian).

Использование разговорно-маркированной лексической единицы *ballocking*, образованной от глагола *to ballock* ‘to tell somebody in an angry way that they have done something wrong’, которое имеет помету “BrE impolite” (MEDAL), в стилистически нейтральном контексте передает симпатию автора к Бэкхему в ситуации, когда он привел с собой на тренировку сына и отрицательную оценку поведения тренера. Разговорная форма имени тренера *Fergie* указывает на неформальный характер общения между тренером и игроками, а также, возможно, близость автора к описываемой спортивной сфере. В целом несоответствие характеристик прагматического аспекта значения указанных разговорно-маркированных слов и прагматических характеристик нейтрального контекста (тональности, обусловленной деловыми отношениями персонажей, и нейтрального регистра) способствует интенсификации оценки в речи автора.

Примерами создания оценки в тексте британской прессы посредством цитирования прямой речи, содержащей разговорную оценочно-маркированную лексику, могут служить предложения, анализируемые ниже. При этом целью подобного цитирования может быть передача тональности ситуации общения и ее регистра, отношений между собеседниками, их убеждений и установок, уровня образованности и эмоционального состояния героя газетного материала, чьи слова цитируются, либо его отношения к собеседнику или предмету разговора.

(3) *Richardson vehemently denied VcGinnity's claim: "That is absolute **bunkum**", he said* (The Guardian).

В данном примере оценка интенсифицируется за счет противопоставления семантики *vehemently* 'involving extremely strong feelings or beliefs' и *claim* 'a statement that something is true you have no definite proof of', принадлежащих к общелитературной лексике и используемых в авторской речи для описания слов Ричардсона, и разговорной лексемы *bunkum* 'nonsense', используемой в прямой речи героя и свидетельствующей о накале эмоций и несдержанности говорящего. Стилистическое несоответствие привлекает внимание читателя и демонстрирует иронию или отрицательное отношение автора к человеку, чьи слова цитируются.

Разновидностью выделяемого нами типа интенсификации оценки является использование разговорной лексики в косвенной речи в повествовании, которое ведется автором.

(4) *As the Scottish Qualifications Authority began rechecking the results of all 147,000 Scottish pupils, who sat Highers and Standard grade exams this year, a spokesman admitted that the level of mistakes caused by computer **glitches** might affect more than the predicted 1 percent of pupils* (The Guardian).

В данном предложении разговорно-маркированная единица *glitch* 'a small and sudden problem' употреблена в речи (приводимой косвенно) официального представителя организации, которая подводит итоги школьных экзаменов в стране. Ее использование ясно демонстрирует негативное отношение автора к проводимой процедуре и отрицательную оценку деятельности представителей данной организации.

Таким образом, оценка в тексте британской прессы может интенсифицироваться за счет использования разговорной оценочно-маркированной лексики, а также разговорных безоценочных лексических единиц в лексическом контексте нейтрального речевого регистра при их использовании в речи автора и в рамках цитирования в повествовании.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы // Филологические науки. 1988. №6. С. 64-69.
2. Беляевская Е. Г. Семантика слова. М., 1987.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
4. Заботкина В.И. Соотношение прагматического и семантического в значении лексемы // Семантические и прагматические аспекты изучения языковых

- единиц (тезисы докладов к краевой научно-практической конференции). Барнаул, 1987. С. 31-34.
5. Ищенко И.Г. К вопросу о прагматическом аспекте значения английских производных, образованных по модели N+-y/-ie – N // Герценовские чтения. Иностранные языки. Спб., 1993. С. 20-21.
 6. Кобозева Н.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
 7. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. Барнаул, 2008.
 8. Мальцев В.М. К вопросу о выявлении эмоциональной лексики в английском языке // Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков. Минск, 1963. С. 3-29
 9. Evans V. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction: Technical Report: LxWP17 // Sussex Working Papers in Linguistics, 2005.
 10. [MEDAL] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Malaysia, 2004.

Список источников иллюстративного материала

1. The Guardian. August, 2005.

*Булгакова Д.А.
Барнаул*

НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АНТРОПОНИМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Язык и культура каждого народа тесно взаимосвязаны между собой. Язык представляет собой часть культуры того или иного этноса, и одновременно он является средством ее хранения и трансляции. Развитие культуры приводит к обогащению лексики. Ее анализ позволяет проследить процесс становления данной культуры. Исследованием проявлений культуры народа в его языке и языка в национальной культуре занимается лингвокультурология, междисциплинарная область исследования, возникшая на пересечении лингвистики и культурологии. Лингвокультурология изучает языковые единицы, понятия и другие объекты с позиции их принадлежности к тому или иному этносу. Особое значение с точки зрения изучения культурологического потенциала имеют фразеологические единицы (далее ФЕ). Под ФЕ мы понимаем воспроизводимые в речи устойчивые по составу и структуре сочетания слов, лексически неделимые и семантически целостные. ФЕ составляют часть языковой картины мира. В современной лингвистике существует понятие фразеологической модели мира, которая представляет собой систему, где каждый фразеологизм выполняет особые функции в описании реалий окружающей действительности.

О способности фразеологии в яркой, образной и экспрессивной форме отображать окружающий мир писали В.Н. Телия, Ф.И. Буслаев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др. Так, согласно точке зрения В.Н. Телия, фразеологические единицы языка являются наиболее самобытной в культурно-языковом плане частью его номинативного запаса (Телия 1999: 13). По мнению Ф.И. Буслаева, «фразеологизмы – это своеобразные микромиры, которые содержат в себе и нравственный закон, и здравый смысл,

выраженные в кратких изречениях, которые завещали предки в руководство потомкам» (Буслаев 1954: 37). Фразеологию называют душой языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации и конденсируется весь сложный комплекс культуры и психологии народа, неповторимый способ его образного мышления (Верещагин, Костомаров 1990).

Одним из перспективных направлений в лингвистике представляется изучение национальной специфики фразеологии на фоне языковых единиц, отличающихся повышенной социальностью, связью с жизнью общества. К таким единицам можно отнести собственные имена, прежде всего антропонимы, в частности, собственные именованья людей. Антропоним «живёт» в обществе и является важнейшим компонентом культуры любого народа. Будучи изначально индивидуальным обозначением отдельного лица, антропоним при возникновении ассоциаций с единичным, известным в тот или иной период времени носителем имени (реальным или вымышленным) «обрастает» коннотациями, вследствие чего он теряет связь со своим денотатом и наполняется новым значением, уже тесно связанным с основным качеством носителя имени. Таким образом антропоним фразеологизируется и может стать частью фольклора.

Материалом настоящего исследования являются 80 фразеологических антропонимов, представленных в 158 ФЕ, отобранных из Словаря немецких личных имён под редакцией Л.С. Блиновой. Первой попыткой систематизации исследуемого материала является классификация фразеологических антропонимов по происхождению.

Первую, наиболее обширную группу, составляют **библейские имена** типа *Abraham, Adam, Eva, Maria, Matthäi, Thomas* и др. (всего 25). Они выступают основным компонентом 49 ФЕ, возникших под влиянием христианской культуры, которая на протяжении веков являлась важнейшим источником формирования национальных культур. Так, в состав ФЕ *in Abrahams Schoß sitzen* входит исконное имя патриарха, родоначальника евреев и арабов, который, согласно Библии, пользовался особой божьей милостью. Отсюда следует значение данного выражения «жить как у Христа за пазухой» (букв. «сидеть в лоне Авраамовом»), т. е. жить в безопасности и достатке. В следующем примере *der alte Adam* основным компонентом ФЕ выступает библейское имя первого человека на земле, которое ассоциируется с далёким прошлым, чем-то давно устаревшим, поэтому, используя данную ФЕ, указывают на какие-то старые привычки, устарелые взгляды, пережитки прошлого (букв. «ветхий Адам»).

Следующую группу антропонимов образуют **имена античных героев**, такие, как *Apoll, Augias, Damokles, Herkules, Tantalus* и др. (всего 14). Они входят в состав 20 ФЕ, возникших под влиянием античной культуры и являющихся кальками сформировавшихся в языках-источниках (греческом и латинском) устойчивых словесных комплексов. Например, в выражении *schön wie Apoll* используется имя древнегреческого бога Аполлона – бога солнца, юности, поэзии, музыки, искусств, которого обычно изображали в виде прекрасного юноши. В результате появляется данное выражение, которое означает

«прекрасен, как Аполлон». Так называют красивого молодого человека. Во ФЕ *Herkules am Scheidewege* используется имя греческого мифологического персонажа, который, согласно сочинённой софистом Продиком аллегории, сидя на распутье, размышлял, какой путь избрать: путь Изнеженности – путь удовольствия и наслаждений, или путь Добродетели, т. е. тяжёлый путь к славе. Теперь так говорят о человеке, который затрудняется в выборе между двумя решениями.

Третья группа включает **имена всемирно известных исторических деятелей**: *Platon, Diogen, Hannibal, Napoleon* и др. (всего 9). ФЕ немецкого языка с данными антропонимами, представленные в описываемом материале в количестве 14 единиц, являются отражением событий мировой истории и культуры. Например, *Hannibal ist vor den Toren!* – Ганнибал у ворот! Это выражение впервые употребил Цицерон в одной из своих речей против полководца Антония, шедшего на Рим для захвата власти. Цицерон имел в виду карфагенского полководца Ганнибала, который был ярким противником Рима и представлял большую опасность для города. Данное выражение используется для указания на близкую опасность. Ключевым компонентом ФЕ *so viel zu tun haben wie Napoleon an seinen letzten Tagen* выступает имя французского императора, под командованием которого Франция вела многочисленные завоевательные войны. Свергнутый Наполеон провел последние годы своей жизни в изгнании на острове Св. Елены в полном бездействии, поэтому данная ФЕ используется в значении «иметь мало дел» (букв.: «иметь столько дел, сколько было у Наполеона в последние дни жизни»).

В четвёртую группу фразеологических антропонимов входят **имена литературных героев** таких известных во всём мире авторов, как Шекспир, Мольер, Сервантес и др., например, *Desdemona, Don Juan, Don Quijote (Don Quichotte), Georges Dandin, Othello* и др. (всего 7). Обнаруженные нами 17 ФЕ с данными компонентами отражают влияние мировой литературы на немецкую культуру. Например, ФЕ *hast du zur Nacht gebetet, Desdemona?* содержит имя героини пьесы Шекспира «Отелло». Как известно, Отелло, венецианский мавр, поверив клевете, из ревности душил свою жену Дездемону, а затем в отчаянии закалывает себя. Перед тем, как убить жену, Отелло задаёт ей вопрос: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?», который превратился в крылатое выражение и в настоящее время используется иронически как показатель ревности супруга. Источником другой ФЕ *Georges Dandin, du hast es so haben wollen* является пьеса Мольера «Жорж Данден» о молодом человеке, прельстившемся деньгами и женившемся на богатой, но распутной женщине, и сожалеющем впоследствии о своём поступке. Говоря «Ты сам этого хотел, Жорж Данден», мы имеем в виду, что некто сам виноват в содеянном и поэтому нет смысла сожалеть об этом.

И, наконец, последнюю, пятую группу фразеологических антропонимов составляют **собственно немецкие антропонимы**, среди которых мы выделяем: а) особо популярные немецкие имена собственные (всего 14): *Grete, Hans, Heinrich, Liese, Otto* и др.; б) антропонимы личностей, сыгравших в истории Германии важную роль (всего 5):

Adam Riese, Fritz, Wilhelm и др.; в) имена героев национальной литературы (всего 6): *Charlotte, Karl, Peter Schlemihl, Werther* и др.

Отметим несколько ФЕ, в состав которых входят данные имена. Представленные в исследуемом материале 35 ФЕ с особо популярными немецкими антропонимами имеют несколько иронический или негативный оттенок значения. Например, *Hans Liederlich* – ветреник, гуляка; *Hans Ohnesorg* – мотылёк. Имя *Hans* – одно из самых популярных мужских имен в немецком языке, поэтому с данным именем насчитывается больше всего ФЕ (15). Другое распространённое мужское имя *Otto* встречается в 8 ФЕ, например, *Otto Normalverbraucher* – средний (рядовой) потребитель. Популярное женское имя *Liese* используется в 5 ФЕ: *eine liederliche Liese* – неряха и др.

Имена немецких исторических деятелей выступают основным компонентом 12 ФЕ. Например, ФЕ *nach Adam Riese* имеет значение «если правильно сосчитать» (букв. по Адаму Ризе). Данное выражение возникло в связи с появлением в Германии в XVI в. учебников по арифметике Адама Ризе, в речи оно используется в ситуациях подсчета. В другой ФЕ *etwas ist für den Alten Fritzen* со значением «псу (коту) под хвост» ключевым компонентом является прозвище прусского короля Фридриха II, известного своей скупостью. Данную ФЕ употребляют, когда речь идёт о напрасных усилиях.

Имена героев национальной литературы послужили основой для появления 9 ФЕ. Так, во ФЕ *wie Peter Schlemihl, der seinen Schatten sucht* используется имя героя сказки А. фон Шамиссо, который продал свою тень дьяволу и преследуется несчастьями. Петр Шлемиль пытается найти свою тень, но все его усилия не приносят результата. Выражение «действовать, как Петер Шлемиль, который ищет свою тень» означает быть в погоне за недостижимым. Антропонимами ФЕ *Werther und Charlotte* выступают имена героев знаменитого романа И. Гёте «Страдания юного Вертера» о молодом человеке, влюблённом в подругу своего друга, и девушке, которая отвечала ему взаимностью. «Вертер и Шарлотта» – так называют влюблённых.

Согласно результатам проведенного анализа, в состав немецких ФЕ входят как инокультурные имена (первые четыре группы антропонимов, всего 55 единиц), так и национальные имена собственные (25 единиц). Таким образом, ФЕ с компонентом «антропоним» отражают особенности культуры немецкого народа, формирование которой происходило под влиянием внешних (античная культура, христианство, мировая история и литература) и внутренних (специфика национального имянаречения, национальная история и литература) факторов.

Библиографический список

1. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М., 1954.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Ловяникова В.В. Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук.

- Нальчик, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://diser.kbsu.ru/files/11-4-2008_ав%20Ловян.doc
4. Стерлигов С.Г. Немецкая антропонимика как лингвострановедческая проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского / Серия Филология. Н. Новгород, 2003. С. 131-137.
 5. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М., 2007.
 6. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13-24.
 7. Словарь немецких личных имён. М., 2000.

*Виноградова Н.Г.
Бийск*

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Психологи признают, что оценочная деятельность является интегральной составляющей в любой ментальной активности – познавательной, креативной, экспланаторной, констатирующей. Роль оценки кажется самоочевидной, поскольку в бытовой, научной и любой другой жизненной ситуации, требующей принятия решения, человек обращается к имеющемуся собственному или чужому, индивидуальному или общественному опыту, проводя параллели, сопоставления, пытаясь встроить то, что происходит или может произойти, в уже сформированное жизнью и обществом представление о том, что хорошо, а что плохо, но более всего в собственное представление о том, что хорошо именно для него и именно в данном случае. Становится очевидным, что в принятии решения участвуют все ментальные структуры – восприятие, воображение, память. Кроме того, в этом случае можно говорить о значительной роли индивидуальных ощущений, интуитивных, нечетко обозначенных импульсах и эмоциональной реакции.

Несмотря на то, что ученые, относящиеся к разным психологическим школам и направлениям когнитивистики, по-разному определяют значимость каждого компонента в формировании представления о воспринимаемом, все они приходят к согласию относительно того, что оценочная деятельность есть наиболее высокий вид ментальной активности в организации того, что представляет разноориентированные, принадлежащие разным областям существования сегменты общей картины мира.

Представление о мире может иметь разные уровни приближенности к воспринимаемому объекту. Оно может быть наивным, аппроксимативным, научным. Концептуальная картина мира носит собирательный характер и основывается на адекватной периоду ее создания платформе знаний, обеспечиваемых уровнем развития общества, науки, ценностных ориентиров, культуры, моральных норм и установленных социумом правил сосуществования. Другими словами, концептуальная картина мира включает более частные картины, или сегменты. Формы репрезентации представления о

мире также могут быть различными. Они могут быть вербализованы (языковая картина мира), отображены в виде абстрактных конструктивных построений: формул, уравнений, схем, таблиц (фрагменты научной картины мира), переданы в архитектуре, живописи, музыке, танце (фрагменты культурной картины мира). При этом в объективированную картину может вписываться оценочная составляющая, отображающая общее состояние ценностной шкалы, интересы общества и индивида.

Развитие познавательного процесса можно представить в виде непрерывного спиралевидного продвижения от одного синхронного среза, фиксирующего определенный уровень достигаемого понимания или осознания мира, к другому. При этом оценочная деятельность может носить характер антиципации (предваряющая оценка), происходить параллельно с восприятием (оценка по факту наличия объекта или признака), производиться на основе сопоставления известного и вновь познанного. Сказанное позволяет предположить, что мыслительная деятельность (в ходе которой формируется картина мира) является по преимуществу оценочной.

Оценка как вид человеческой деятельности входит в широкий круг общенаучной парадигмы, связанный более всего с познавательным процессом. Тем самым определяется целесообразность ее изучения в рамках когнитологии, направления, совмещающего различные области научного знания на основе доминанты когниции, или познания человеком окружающего его мира и осознания им собственного положения и собственной значимости в этом мире.

Изучение оценки в лингвистическом плане, являясь лишь одним из обозначенных сегментов ее анализа, предполагает учет тех положений и постулатов, которые сформулированы в соположенных лингвистике областях науки.

В настоящей работе мы исходим из того, что оценочная деятельность в познавательном процессе является наиболее значимой, в силу чего в языке должны существовать средства ее репрезентации, предположительно не только на лексическом, но и на грамматическом уровне его структуры. Доказательство правомерности такого утверждения строится на последовательном рассмотрении вопросов о квалификативных признаках познавательной деятельности, структуре и характере оценки и механизмов грамматизации некоторой языковой формы, передающей оценочное значение.

Считается доказанным, что познавательный процесс является одновременно отражательным (сенсорным, предполагающим наличие разных каналов восприятия) и оценочным (Хапсироков 1983). Познавая мир, человек не только суммирует знания о нем в виде фактивных представлений, но и оценивает то, что им воспринято, с тем, чтобы сориентироваться в своем поведении и своих приоритетах при наличии или необходимости выбора.

Согласимся также и с тем, что оценка является по природе антропологической, поскольку оценивать что-либо может только разумное мыслящее создание, а именно, человек. Поскольку в научной литературе не существует четкой систематизации

оценочных репрезентантов, согласимся также с утверждением О.В. Труновой, что оценочные смыслы передаются в языке опосредованно, через категориальные значения отрицания, детерминации, субъективной модальности и аксиологической оценки (Трунова 1995). При этом считается, что эпистемическая оценка может выражаться разными языковыми средствами, в том числе модальными глаголами, вводными модальными словами и так называемыми пропозициональными установками (Максименко 1998), или модусными конструкциями (Балли 1976), то есть синтаксически, что позволяет говорить о ее категоризации (грамматизации) в языке.

В то же время существует точка зрения, согласно которой аксиологическая оценка, основанная на противопоставлении абсолютных оценочных предикатов «хорошо/плохо», представлена в языке только лексическими средствами (лексика оценочной семантики: *wonderful, beautiful, tremendous, ugly*), то есть не категоризируется, иными словами, не выходит на уровень грамматических репрезентантов.

Известно, что познавательный процесс имеет четырехчастную структуру, которая включает воспринимаемый объект, субъект познания, условия протекания познавательного процесса и его характер. На такой основе формируются все суждения, средством выражения которых в языке является предложение. Предложения такого рода несут информацию о реальных или вымышленных фактах и передают характер отношений в рамках «объект – признак», как, например, в:

(1) *You are divided, and division is a parent of tension and tension is the father of disease* (Shaw, 45).

При этом один из компонентов структуры познавательного процесса, а именно основание, или условие, как правило, остается невыраженным.

Представляя собой часть познавательного процесса, оценка организуется на основе его модели и включает следующие компоненты: субъект оценки, объект оценки, основание оценки и характер оценки. В эпистемической оценке оценочная составляющая может быть вынесена за рамки пропозиции:

(2) *I realize that direct experience is the most valuable experience one can have* (Crichton, 67).

Основанием оценочного суждения полагания является фоновое знание, предопределяющее представление коммуникантов о прототипических ситуациях (Максименко 1999).

Аксиологическая оценка имеет несколько иное основание, так как ее сущность состоит в значимости оцениваемого объекта для оценивающего субъекта. Этот тип оценки определяется положением на оценочной шкале, растянутой от абсолютного оценочного предиката «хорошо» до его полярной противоположности «плохо». Следует отметить, что данная шкала релятивна, относительна, поскольку известно, что то, что хорошо для одного индивида, может оказаться плохим для другого (Шаховский 1987). Сравните:

(3) *The greatest day in Gregory Morgenstern's life was the blackest in Sandy's* (Segal, 45).

Именно поэтому существуют расхождения во мнениях, может происходить непонимание и возникать конфликт. Кроме того, понятие нормы как ориентира, или точки отсчета «хорошести», также подвижно, так как подвержено изменениям, обусловленным развитием общества и мира в целом, что подтверждается известными фактами.

Следует заметить, что достаточно аргументированная логическая система оценочной мотивации и зависимости характера оценки от заинтересованности индивида не вполне совпадает с прагматическими показателями. Так, если в приведенном ниже случае такая зависимость очевидна:

(4) *Fortunately, [for him and everybody else] there was one financial resource that Adam had not reckoned on* (Segal, 124),

то в следующей ситуации эмоциональная оценка одним из ее участников научной гипотезы, выдвинутой другим, определяется безотносительным к нему лично основанием, а именно – доказательностью утверждаемого:

(5) *I mean a theory in physics always tries to be the simplest explanation, and your hypothesis is an exquisite example. It's also extremely elegant and self-consistent and agrees with earlier work. In other words, it's magnificent.*" (Segal, 106)

И в том, и в другом случае собственно характер оценки (положительная оценка) является эксплицитованным. В примере (5) основание оценки также вербализовано: *a theory in physics always tries to be the simplest*, в (4) – оно выводимо из более широкого контекста. Основание оценки может и опускаться. Равным образом характер оценки может быть имплицитным, то есть его определение может потребовать логической операции соотнесения высказываемого с уже известным.

Оценочная шкала изменчива во времени. То, что было неприемлемо двадцать или даже десять лет назад, может оказаться в зоне нормативности сегодня. То есть фактически в обозначенном составе оценочной структуры неизменными, константными остаются объект и абсолютные оценочные полюса. Характер же оценки должен зависеть от субъекта и изменяющегося основания оценки. Именно поэтому в логике принято говорить скорее об относительности оценочных значений и о сравнительной оценке, чем об абсолютной.

До последнего времени считалось, что оценочные значения не выходят на уровень грамматизации, то есть предполагалось, что в языке нет формальных маркеров, специфицирующих оценку. Наиболее рекуррентным способом ее выражения считались лексические единицы языковой системы и стилистические средства. Однако обращает на себя внимание тот факт, что целый ряд синтаксических конструкций также передает оценочные значения. Обратимся к конкретным примерам:

(6) *She wasn't powerful or important enough to influence the outcome of the newly formed committee in any shape or form* (Jordan, 89).

Применяя простые процедуры переразложения, реконструкции и формулировки пресуппозиций, получаем следующие варианты:

(6.1) *She wasn't powerful or important.*

(6.2) *She wasn't powerful or important enough.*

(6.3) *She wasn't powerful or important enough to influence the outcome.*

Вариант (6.1) представляет собой обычную дескрипцию, рациональное описание, определяющее отсутствие некоторых внутренних и внешних качеств, обусловленных характеристиками референта. Введение в предложение модификатора *enough* частично изменяет референциальное значение предложения, что становится очевидным при реконструировании пресуппозиции для второго варианта (6.2), который может быть сформулирован следующим образом:

(6.2) *[In fact /generally speaking] she was not powerful.*

В третьем варианте (6.3) оценочное значение лексического сочетания *not powerful or important enough* в силу действия закона иррадиации распространяется на всю конструкцию *not powerful or important enough to influence the outcome of the newly formed committee in any shape or form*:

(6.1) *her power and importance were limited [under certain circumstances].*

В данном случае имеет место оценочная ситуация, так как очевидно сопоставление с тем, что принято считать «достаточным», или, другими словами, «нормативным», и отклонение от нормы в сторону «меньше», что в рассматриваемой ситуации может быть приравнено к «хуже». Прочтение такого высказывания в логике может быть следующим:

(6.2) *Her power was limited (and) → it was bad (under the present condition).*

Таким образом, в данной конструкции наряду с упомянутой выше эпистемической семой по меньшей мере имплицативно присутствует значение аксиологической оценки.

В (6) оценочное значение сочетания *not powerful or important enough* в силу действия закона иррадиации распространяется на всю конструкцию *not powerful or important enough to influence the outcome of the newly formed committee*. Таким образом, конструкция **N-V-Adj-enough-to-Inf** приобретает значение оценки, не зависящее от конкретного лексического наполнения. Одновременно референциальная область высказывания сужается до строго определенной, ограниченной ситуации.

Смысловое содержание грамматических конструкций оценочного характера может представлять совокупную семантику аксиологического и эпистемического. Характер аксиологической оценки в этих случаях зависит от более широкого контекста и может быть как положительным, так и отрицательным. В этом проявляется своего рода смысловая амбивалентность конструкции.

Основание оценки может быть выраженным или подразумеваться, оставаясь в пресуппозиции. Например:

(7) *You know, Silvie is too good to risk losing (Goldsmith, 56).*

В данном примере коммуниканты знают того, о ком идет речь, и причины, могущие привести к нежелательным результатам. Именно эти знания служат основанием оценки: «Сильвия не станет рисковать», «Сильвия достаточно умна». В данном случае

происходит следующая ментальная операция: знания данной ситуации сопоставляются с имеющимися обобщенными знаниями аналогичных ситуаций. При этом в сознании индивида и общества существует абстрактная оценочная шкала, согласно которой адюльтер, развод, утрата социального статуса находятся в области оценочного предиката «плохо».

Содержание оценочных конструкций представляется усложненным за счет того, что оно формируется разноплановыми значениями. В частности, в нем могут быть выражены или имплицированы такие смысловые составляющие, как отрицание или причинно-следственные связи:

(8) *She wanted to finish up quickly with Honey [a student taking private tutoring in music] and present her plan to her husband, but she was too professional to do it (Goldsmith, 23).*

Данное предложение допускает перифразы:

(8.1) *It was impossible for her to finish her class earlier* (передается значение объективной невозможности – объективная модальность);

(8.2) *She couldn't do it, because she was a true professional [and professional ethic forbade it]* (причина и следствие);

(8.3) *She did not do it* (значение отрицания).

Очевидно, здесь можно говорить о наличии структурной компрессии при расширении семантического наполнения, то есть о структурно-семантической асимметрии исследуемой конструкции.

В целом все прилагательные, встречающиеся в данной конструкции, могут быть представлены в виде следующей схемы:

Схема 1.

Рассмотрим еще один пример:

(9) *One, an artistic-looking man, bearded, and with long hair, was a noted pianist and also the first music-teacher in Villette; he attended twice a week at Madame Beck's pensionnate, to give lessons to the few pupils whose parents were rich enough to allow their daughters the privilege of his instruction (Bronte, 222).*

Вычленим исследуемое конструкционное образование:

(9.1) *Parents were rich enough to allow their daughters the privilege of his instruction.*

Используя прием усечения, приведем данное предложение к основной ядерной модели:

(9.2) *Parents were rich.*

В этом случае, как представляется, актуализируется дескриптивное значение, дается описание социального уровня семьи.

При включении в структуру предложения наречия *enough* ситуация восприятия изменяется, поскольку данное наречие является показателем «наложения» субъективной оценки на дескрипцию. «Достаточно/недостаточно» может выступать в качестве альтернативной формулировки для «хорошо/плохо».

Следовательно, включение компонента *enough* в конструкцию играет роль смены характера восприятия и отражения в режиме «дескрипция → оценка» и представляет языковой механизм, за которым закреплена данная функция. Расширение конструкции инфинитивным оборотом представляет собой эксплицированное основание уже сформулированной оценки.

Необходимо отметить, что функция инфинитива в конструкциях данного типа не всегда сводится к экспликации основания оценки. Это, видимо, зависит от того, насколько референтна ситуация. В том случае, если референтная ситуация в большей мере определена или конвенциональна, то есть касается установленных или известных привычных норм существования социума, экспликация оснований оценки не требуется, поскольку в менталитете любого представителя данного социума сформировано стереотипное представление об однотипных ситуациях.

При осуществлении анализа прагматического потенциала высказывания, основывающегося на использовании постулатов теории речевых актов (Серль 1986, Грайс 1986, Остин 1986), устанавливается иллокутивная сила высказывания (прагматическая цель) и его перлокутивный эффект (ответная реакция респондента). Обе составляющие достаточно просто определяются в устном диалоге. В письменной речи иллокутивная сила может быть скрытой и выявляется лишь путем интерпретации контекста. Перлокутивный эффект может быть описан или выявлен при анализе ситуации.

С этих позиций рассматривается пример, демонстрирующий актуализацию модели **N-V-worth-Ger**, где прилагательное *worth* является эвалютивным:

(10) *So grab your Express Bank note and play again today to see if you are a lucky winner. The game is worth paying (Daily Express).*

Прагматическая значимость исследуемой конструкции раскрывается в отдельно взятом предложении. В данном случае иллокутивная сила высказывания заключается в стремлении заставить читателя платить за участие в игре в надежде на более серьезный выигрыш. Основание оценки раскрывается в предшествующем контексте:

(10.1) *Today starts the second week of our fantastic Pay Day, where you can continue to pay to win up to £ 100,000 instantly. Many readers have already won cash prizes. But with a massive total of £ 500,000, there are still loads more to be won.*

Иллокутивная сила высказывания в этом случае определяется также общей экстралингвистической ситуацией, поддерживаемой публикациями фотографий тех, кто выиграл, интервью с ними о том, что они и не мечтали выиграть, с лозунгами на страницах газеты (*£ 500,000 in cash prizes to be won – game continues*).

Перлокутивный эффект имплицитруется как однозначно положительный, поскольку сразу после предложения *The game is worth paying* следуют условия игры. Представляется, что в конкретном примере иллокутивная сила высказывания увеличивается за счет игры слов: *The game is worth paying ↔ The game is worth playing*.

В модели **there/it-V-no-N(use/sense)-(Prp)-Ger** компонентом, детерминирующим общее значение конструкции, является существительное с отрицательным формативом *no*. При этом корпус существительных, могущих замещать позицию предикатива, ограничен. В него входят лексические единицы, принадлежащие к одному лексико-семантическому полю оценочной семантики (*use, sense, need, point*):

(11) *There is no sense in moving now except to make it easier for you* (Hemingway).

Согласно словарным дефинициям, существительное *sense* выражает оценочное значение: *sense* ‘good judgment’; ‘the characteristic of having good judgment’. В силу закона иррадиации семантика сочетания *no sense* «распространяет» оценочное значение на всю конструкцию.

Таким образом, можно заключить, что факторами, обуславливающими переходную ступень к грамматизации форм выражения оценочного значения, являются: семантическая и структурная несамодостаточность компонентов, экспликация или импликация оценочности в одном из компонентов модели, процесс иррадиации значения с лексической единицы на включающую ее структурно целостную форму. В совокупности все названные показатели способствуют формализации средств выражения аксиологической оценки.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985. С. 217-238.
3. Максименко О.Г. Структура, семантика и функционирование эпистемического компонента высказывания в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.

4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986. С. 22-130.
5. Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности в английском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
6. Трунова О.В. О категоризации, категориях и категориальном значении // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. Барнаул-Москва, 2004. Ч 1. С. 261-268.
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 52-92.
8. Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.

Список источников иллюстративного материала

1. Bronte C. Jane Eyre. Kindle book, 1980.
2. Crichton M. Disclosure. Ballantine books, 1995.
3. Goldsmith O. Switcheroo. Harper Collins, 1998.
4. Hemingway E. A Farewell to Arms. М., 1980.
5. Jordan P. Woman and Love. Mira books, 2003.
6. Seagal E. Prizes. Ivy books, 2000.
7. Shaw I. Top of the Hill. Dell books, 1998.

*Володченко Т.А.
Москва*

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

(к постановке проблемы)

В настоящее время научная проблема исследования категории оценки, с одной стороны, привлекает многих лингвистов, изучающих разнообразные аспекты речевого поведения и речевого воздействия на собеседника (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф), а с другой – исследуется в той или иной степени в смежных науках – логике, философии, социологии, антропологии, когнитологии, психологии.

Понятие оценки, как и многие другие, вошло в сферу лингвистического анализа из логики оценок, или формальной аксиологии, предметом которой является анализ выводов, посылок и заключениями которых, в свою очередь, являются оценки. В логике под оценкой понимается «мнение о чем-либо» (Кондраков 1975: 426), «установление ценностного отношения между субъектом и предметом» (Ивин 1970: 25).

В философии оценка рассматривается как «философская категория, обозначающая аксиологическое отношение человека ко всему нормативно представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения» (СФС 1998: 631), как «определение субъектом социальной значимости явлений для его жизни» (Философия 1997: 237).

Следует отметить, что антропоцентрический подход к изучению языковых явлений является одним из ведущих в современной лингвистике, что объясняется, прежде всего, признанием современной наукой тесной связи языка и мышления. Именно на языковом

уровне человек имеет возможность наиболее ярко и образно выразить свое отношение к окружающей действительности во всем ее многообразии, то есть оценить эту действительность. Языковая оценка, таким образом, категория собственно антропоцентричная, ориентированная на отражение интересов и мнений человека и не существующая в отрыве от них. Иными словами, как отмечает А.А. Шмелева, «когда речь идет об оценке, на первый план выступает человеческий фактор» (Шмелева 2004: 109).

Многие исследователи предлагают определять оценку через философско-логическое понятие ценности, поскольку именно система ценностей, согласно А.К. Абишевой, составляет осевой смысл бытия человека в мире, его смысловой центр (Абишева 2000: 14). По мнению А.А. Ивина под оценкой понимается «высказывание о ценностях», при этом под ценностью понимается «всякий предмет любого интереса, желания, стремления», а выражение или приписывание ценности – оценивание – является «установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее предметом» (Ивин 1970: 12-13). При этом по отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям (Самигуллина 2005: 47). В этом смысле наиболее общее определение оценки предлагает В.И. Банару, в чьем понимании оценка – это аксиологический термин, отражающий результативный аспект процесса установления отношения между субъектом оценки и ее предметом, причем в класс предметов оценки включаются не только ценности, имеющие для субъекта положительную значимость, но и нулевые и отрицательные ценности, что доказывает общую относительность этого понятия (Банару 1987: 14). Человек, посчитав некоторый объект хорошим или плохим, полезным или вредным, красивым или безобразным, высказывает оценочное мнение о нем. Иными словами, он приписывает ценность или антиценность некоторому объекту путем выражения положительной или отрицательной оценки. Таким образом, оценка становится возможной, если имеется объект оценки (т. е. объект, которому приписывается та или иная ценность в широком смысле), субъект оценки (лицо, выражающее позитивную или негативную оценку) и основание оценочного маркера (позиция или доводы субъекта при одобрении или порицании). При этом ценностная ориентация субъекта проявляется в высказываемых им оценочных суждениях, рематические элементы которых содержат оценочные понятия.

Следует отметить, что оценочные суждения обычно содержат как собственно выражение (субъективной) оценки, так и некоторые качественные характеристики оцениваемого объекта. Соотношение субъективного и объективного в рамках одного оценочного высказывания, их тесное взаимодействие привлекли самое пристальное внимание лингвистов. Ряд исследователей считает субъективное начало первичным в оценочном суждении. Так, Н.П. Сучкова полагает, что оценка не является внутренним, природным свойством каких-либо вещей и явлений, а приписывается им людьми в

зависимости от того, как они относятся к этим вещам и явлениям считают ли их приятными, нужными, полезными и наоборот. Такие понятия как «мнение», «суждение», «отношение», часто встречающиеся в различных дефинициях оценки, прямо указывают на естественность, изначальность субъективного фактора в оценке (Сучкова 1989: 2). Именно личностный аспект, или так называемая личностная интерпретация по линии «субъективное – объективное», формирует базис для исследования оценки в эмоционально-экспрессивном контексте (Самигуллина 2005: 47); оценка субъективна по своей сути (Близнюк 2001: 84). Однако следует уточнить, что субъективный фактор при всей его важности и значимости не существует в отрыве от фактора объективного.

Подобного мнения придерживается А.Я. Хапсировов, утверждая, что оценки могут быть как объективными, так и субъективными, при этом внешним показателем того и другого служит их направленность (Хапсировов 1972: 161). Если оценка направлена на реально существующий объект, ее содержание объективно, и наоборот, если она направлена на объект вымышленный, объект, который в действительности не существует и не может существовать, ее содержание будет субъективным.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что субъективное и объективное начала в оценочном выражении представляют собой единый сплоченный комплекс, и выявление первичности того или другого представляется нам нецелесообразным: оценочное высказывание всегда подразумевает оценочную корреляцию между субъектом и объектом. Е.М. Вольф указывает на то, что всякое оценочное суждение в равной степени предполагает субъект суждения (то есть лицо, от которого исходит оценка) и его объект (то есть тот предмет, индивид или явление, к которому оценка относится), но при этом подчеркивает, что противопоставление субъекта и объекта в структуре оценочного высказывания, а также субъективности и объективности в значении оценки, – это не одно и то же. И субъект, и объект предполагают сосуществование обоих факторов – субъективного и объективного. Так, субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки, а с другой – на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки. В то же время в оценочном объекте сочетаются субъективные (отношение «субъект – объект») и объективные (свойства объекта) признаки (Вольф 2002: 22-23). Таким образом, сочетание субъективного и объективного элемента в оценочном смысле – явление сложное и многоаспектное, что во многом определяется еще и тем, что каждый из этих элементов неоднороден по своей смысловой структуре и предполагает учет целого ряда различных факторов.

Как уже отмечалось, в языке оценка материализуется в виде оценочных предложений-суждений. Однако вопрос о том, какие же именно высказывания следует признать собственно оценочными, представляется в определенной мере спорным. М.Я. Блох и Н.В. Ильина четко указывают, что «оценочной конструкцией может быть признана не любая конструкция, содержащая лексическую единицу оценочной семантики,

а лишь та, в которой лексическая единица находится в предикативной позиции», в остальных случаях «оценка ... передается как факт уже известный, а не приписываемый субъектом по основному смысловому заданию высказывания» (Блох 1986: 15). А.Н. Баранов, в свою очередь, не поддерживает такое узкое понимание оценочных высказываний (как предложений-суждений с оценочной лексемой в позиции предиката), утверждая, что с лингвистической точки зрения суженное понимание оценки вряд ли будет оправдано, поскольку в этом случае из сферы анализа исключается целый ряд естественных языковых феноменов, реализующих «периферию» когнитивной процедуры оценивания. Он отмечает тот факт, что зачастую оценка в высказывании передается при помощи лексических единиц, не являющихся в строгом смысле оценочными (Баранов 1989: 75).

В логике под оценочным суждением понимается суждение, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-либо объекта. Его структура состоит из 4-х компонентов, в совокупности образующих так называемую оценочную рамку: субъект, объект, характер и основание оценки. Под субъектом понимается лицо или группа лиц (социум), которые производят оценивание, объект (предмет) оценки – то, на что направлен познавательный процесс – предметы, явления, события, факты окружающей действительности. К основаниям оценки относят широкий спектр явлений – знания, убеждения, нормы, принципы, другую оценку – то, с точки зрения чего производится оценивание. Характер – собственно оценка – определяется ее отнесенностью к разряду абсолютных и сравнительных.

В целом следует отметить, что оценка складывается под воздействием целого ряда факторов, среди которых выделяют цели, интересы, потребности субъекта оценки, ценностную шкалу, характер объекта оценки, стереотипы, нормы, правила. Через оценку реализуется ценностное отношение человека к миру. Именно изучение языковой оценки в широком понимании с учетом всех ее многочисленных аспектов способно дать исследователям объяснение основ мировоззрения и обозначить ценностную картину мира как отдельного человека, так и целого языкового сообщества, существующего в определенных социокультурных условиях.

Библиографический список

1. Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. №3. С. 139-146.
2. Банару В.И. Оценка, модальность, прагматика // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 14-18.
3. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. №3. С. 74-90.
4. Близнюк Н.А. Понятие и структура оценки в системе языка // Теоретические и прикладные аспекты лингвистических исследований. Сургут, 2001. С. 84-87.
5. Блох М.Я. Структура и семантика оценочной конструкции // Функциональная семантика синтаксических структур. М., 1986. С. 14-23.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

7. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
8. Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
9. Самигуллина А.С. Языковая периферия концепта «оценка»: Введение в проблематику // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. М., 2005. С. 45-61.
10. Сучкова Н.П. Функционирование категории оценочности в английской разговорной речи. Горький, 1989.
11. Философия. Основные проблемы философии / В.И. Кириллов. Ч.2. М., 1997.
12. Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.
13. Шмелева А.А. Оценочность в прагмасемантике высказывания // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. Бирск, 2004. С. 109-114.
14. [СФС] Современный философский словарь / В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск, 1998.

Гаськов М.В.
Барнаул

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОНИМОВ: К ОБОСНОВАНИЮ МЕТОДА

В настоящей статье мы рассматриваем особенности семантической структуры онимов (иначе – имен собственных), а также формулируем процедуру, позволяющую подвергнуть семантику онима анализу.

Разделение лексико-грамматического класса имен существительных на *nomina propria* (имена собственные) и *nomina appellativa* (имена нарицательные) сложилось, как известно, еще в античной грамматической традиции. Однако это деление нуждается в уточнении, т. к. отсутствуют принципиальные ограничения для перехода любой части речи, а также непредикативных словосочетаний в имя собственное (Теория... 1986: 37-38). Например, словосочетание *Old Brompton Road* полностью переходит в годоним (название улицы), что, в частности, подтверждается и переводом – «Олд Бромптон-роуд», а не *«Старая Бромптонская дорога». Очевидно, что данное словосочетание (*Old Brompton Road*) при употреблении в качестве названия субстантивируется, приобретая характеристики имени существительного, однако вне такого употребления оно не является именем в грамматическом смысле, но представляет собой сочетание трех имен – *old*, *Brompton* и *road*. Из изложенного следует, что противопоставление *имя собственное* :: *имя нарицательное* выходит за рамки лексико-грамматических классов слов, что отражено в избираемой нами терминологии: **оним** :: **апеллятив**. Данная пара терминов не указывает на именной характер ее членов, подчеркивая тем самым несводимость противопоставления к различению подклассов имени существительного. Основанием рассматриваемой оппозиции является, прежде всего, функция ее членов. Различие исполняемых функций реализуется на языковом уровне различной семантической организацией рассматриваемых единиц.

Апеллятивы специализированы в функции квалификации и, в процессе актуализации, описывают обозначаемый объект, указывая на его существенные свойства и признаки (Никитин 2001: 70 и след.). Существенность признака означает здесь его достаточность для отнесения сущностей, актуально или потенциально обладающих данным признаком, к отдельному классу (денотату). Указанные признаки закреплены, в частности, в толковых словарях в виде дефиниций слов и могут быть выделены, например, при помощи компонентного анализа. Результатом анализа является набор сем, т. е. «элементарных составляющих значения (...) языковых единиц, отражающих различаемые языком (выделено нами – М.Г.) признаки обозначаемого» (Арнольд 1991: 50). Из определения семы, сформулированного И.В. Арнольд, видно, что определенные признаки наличествуют в семантике апеллятива еще в языке, до его актуализации в речи, что соответствует выполняемой апеллятивом функции.

В отличие от апеллятива, оним специализирован в функции репрезентации, т. е. служит для представления объекта в речи, в общем случае никак его не описывая. В этом смысле мы считаем допустимым сравнение на уровне языка онимов с личными местоимениями, также выполняющими функцию репрезентации и лишенными описательного потенциала. При сравнении лексем *he* и *John* очевидна приблизительно одинаковая степень их семантической неопределенности, пустоты. Действительно, невозможно дать даже самое общее определение означаемого этих лексем. *John*, обычно выступающее как мужское имя, может при речевой актуализации оказаться, например, кличкой собаки. Напротив, апеллятив *man* 1) семантически наполнен (может быть определен в одном из своих лексико-семантических вариантов как “an adult male human” [MED]) и 2) в силу определенности выражаемых признаков не может оказаться названием какого-либо животного или иного объекта, кроме человека.

При переходе к анализу функционирования онимов и местоимений в речи картина меняется. Местоимение остается заместителем того или иного слова, представляющим некую сущность. Актуализированный оним, однако, приобретает семантическое наполнение.

Указанная семантическая «противоречивость» онимов приводит к нечеткости определения их семантики и появлению большого числа теорий, часто противоречащих друг другу. Применение определенной теории зависит от избранного подхода к исследованию. Так, в ряде работ полностью игнорируется наличие у онима лексического значения. Это особенно характерно для прагмалингвистики, где собственное имя определяется (по Х. Кальверкемперу) как «то, что говорящим осознается и намеренно употребляется как собственное имя». Слушающий также воспринимает данный знак как собственное имя (цит. по (Васильева 2001: 7)). Имя собственное выделяется благодаря ситуативным маркерам, а не особенностям своей семантики. В данной статье мы пренебрегаем прагматическими характеристиками онимов и придерживаемся функционального направления при анализе семантики.

Применяемый нами подход основывается, прежде всего, на трудах таких логиков и философов, как Г. Фреге, Б. Рассел, С. Крипке.

Основным положением концепций значения имени собственного Г. Фреге и Б. Рассела является понятие *д е с к р и п ц и и*. Дескрипция – это описание определенного объекта, которое позволяет уникальным образом идентифицировать его среди подобных объектов того же класса. Недостатком такого подхода к значению онимов является нерешенность (и, по-видимому, неразрешимость) вопроса о выборе подходящей дескрипции. Рассмотрим пример (заимствован у С. Крипке). При определении лексемы «Аристотель» как «учитель Александра Великого» возможен случай, когда учителем Александра являлся другой человек. Однако это не будет означать, что Аристотелем был тот, другой, человек. Аристотель останется Аристотелем вне зависимости от того, что ему приписывается. Мы видим, что выбранная дескрипция не способна уникальным образом задать референт имени. Попыткой разрешения данной проблемы было создание теории кластеров дескрипций. Согласно ей, значением онима является определенное множество дескрипций – кластер, который позволяет точнее выделить объект среди ему подобных. Следует отметить, что данная теория также не лишена недостатков, в частности, остается невыясненным вопрос, должен ли объект соответствовать всем дескрипциям в кластере или только какой-либо (какой?) части из них (подробнее см. последовательную критику дескриптивных теорий в работе С. Крипке *Naming and Necessity* (Kripke 1980)).

С точки зрения функционального подхода к семантике, теория дескрипций в «чистом» виде противоречит выполняемой онимами функции. Дескрипция, представляя собой описание, способствует выполнению, прежде всего, описательной, квалификативной функции, характерной для апеллятивов. Задача онима – не в описании объекта, а в его репрезентации. Таким образом, первичной является фиксация референта, а его описание вторично. Следует отметить, что описание невозможно исключить из рассмотрения семантики онима, поскольку выделение объекта из ряда подобных ему с необходимостью влечет за собой конкретизацию значимых индивидуализирующих различий. Семантическая структура онима позволяет сохранять эти различия в виде описаний. При этом они имеют ярко выраженный окказиональный характер и могут включаться в семантику только после актуализации онима в речи.

Из вышесказанного следует принципиальная невозможность полноценного семантического анализа онима на уровне языка. Это вынуждает исследователя отказаться от стандартных методов семантического анализа, в том числе компонентного. Рассмотрим ряд случаев употребления онима в художественном тексте, сформулировав на их основе процедуру семантического анализа (все примеры в настоящей статье взяты из рассказа О. Генри «Дары волхвов» – “*The Gift of the Magi*”).

(1) *Three times Della counted it.*

Это первое употребление антропонима *Della* в тексте. Анализ контекста не позволяет выделить какие-либо особенности референта имени, однако само употребление

имени человека в тексте задает категориальную принадлежность референта (человек). Через принадлежность данного антропонима к женской части английского ономастикона выражен другой объективный признак референта – пол (женский). В целом, в предложении (1) фиксируется референт имени и указываются некоторые его объективные признаки.

(2) *While the mistress of the home is gradually subsiding from the first stage to the second.*

Данное предложение находится в расширенном контексте предложения (1). Из текста ясно, что речь здесь идет о том же самом референте. Контекстуально устанавливается связь имени *Della* и определенной дескрипции *the mistress of the home*. Обратим внимание, что форма *mistress* (не *master*) в составе дескрипции обусловлена объективным признаком пола, содержащимся в семантике онима. Включение данной дескрипции в семантику окказионально и существует только в рамках данного текста (действительно, не всякая Делла будет являться хозяйкой дома).

(3) (...) *he was greatly hugged by Mrs. James Dillingham Young, already introduced to you as Della.*

Здесь устанавливается тождество референтов антропонимов (не самих антропонимов) *Mrs. James Dillingham Young* и *Della*. Лингвистически установление тождества реализуется через фразу *already introduced as* с указанием уже известного читателю способа именованного референта. Таким образом, в предложении (3) наблюдаем множественность равнозначных способов именованного, что характерно для онимов, но нехарактерно для апеллятивной лексики в силу более жесткой определенности ее семантики. Дополнительно следует отметить, что основа вводимого антропонима принадлежит к мужской части ономастикона, а это противоречит признакам референта, зафиксированными антропонимом в (1). Это противоречие снимается введением в структуру антропонима (в соответствии с культурными установлениями данного социума) элемента *Mrs.*, который одновременно содержит сведения о поле и матримониальном статусе референта.

(4) *A very thin and very agile person may, by observing his reflection in a rapid sequence of longitudinal strips [a pierglass], obtain a fairly accurate conception of his looks. Della, being slender, had mastered the art.*

Контекст (4) повторяет (2) в смысле влияния на семантику рассматриваемого антропонима. Семантическое наполнение обогащается признаками *slender* и *mastered the art (of using a pierglass)*. Различие (2) и (4) формально – предложение (2) контекстуально близко к акту закрепления референта за именем, поэтому сам антропоним в нем опущен.

(5) *Now, there were two possessions of the James Dillingham Youngs in which they both took a mighty pride. One was Jim's gold watch (...) The other was Della's hair.*

В приведенном контексте создается еще один признак референта: *took a mighty pride in her hair*.

(6) *Della's beautiful hair fell about her rippling and shining (...).*

Предложение (6) добавляет к признаку, указанному в (5) атрибут *beautiful*, усиливая его и выдвигая на первый план в создаваемом кластере дескрипций. Именно *takes a mighty pride in her beautiful hair* является в соответствии с сюжетом произведения важнейшим отличительным признаком героини.

В рамках статьи приведенный список случаев употребления антропонима представляется достаточным для формулировки процедуры семантического анализа, который заключается в:

- 1) выделении момента закрепления референта за онимом;
- 2) определении дополнительных способов именования данного референта;
- 3) выявлении объективных признаков и свойств референта, зафиксированных всеми способами именования;
- 4) составлении списка окказиональных элементов значения онима на основании вспомогательного анализа контекста.

Такая процедура анализа формализует исследование ономастической семантики, проясняет структуру значения онима. Важным в анализе является разграничение узуальных, объективных признаков референта (см. примеры (1), (3)) и окказиональных признаков, сформированных контекстом (примеры (2), (4)-(6)). Информация, полученная в результате такого анализа, позволяет охарактеризовать влияние контекста на семантическое наполнение онима, а также выявить языковые механизмы, стоящие за разнообразными семантическими процессами в онимах.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учебное пособие. М., 1991.
2. Васильева Н.В. О некоторых аспектах прагматики антропонимов // Scripta Linguisticae Applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2001. С. 7-18.
3. Никитин М.В. Знак – значение – язык: Учебное пособие. СПб., 2001.
4. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
5. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, Mass., 1980. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm
6. [MED] Macmillan English Dictionary. New York, 2006.

Список источников иллюстративного материала

1. Henry O. The Gift of the Magi [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext05/magi10.txt>

СОЗДАНИЕ РЕАЛИСТИЧНОЙ КАРТИНЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК ВЕДУЩАЯ ФУНКЦИЯ ВСТАВНЫХ ТЕКСТОВ

Вставные тексты, разнообразные по своей форме (стихотворения, послания, изречения, статьи и др.), могут играть в нарративе различные роли, реализовывать определенные информативные и прагматические функции. Ведущей из них, насколько можно судить на основании осуществленного анализа 720 вставных текстов в 62 прозаических произведениях англоязычных авторов XIX-XX веков, является создание реалистичной картины повествования.

Говоря о механизме реализации данной функции, следует отметить, что по содержанию тексты можно условно разделить на «излагающие правду» и «излагающие вымысел». Разумеется, деление это весьма условно, поскольку далеко не всегда истина очевидна. Однако предполагается, что работы научного стиля должны нести информацию о каком-либо реальном явлении или событии, в то время как художественные произведения имеют право на известную долю вымысла. Этим стереотипом авторы нередко пользуются: тексты любого из вышеперечисленных жанров могут быть включены в повествование как вставные.

Автор художественного произведения может использовать встроенный текст жанрово-стилистической принадлежности, характерной для текстов, «излагающих правду», для создания впечатления документальной достоверности. В качестве примера можно привести применение вставного текста статьи в романе А.К. Дойла “The Land of Mist”. Главный герой этого произведения – журналист Эдуард Мелоун – занялся исследованием спиритизма, хотя изначально относился к нему с недоверием. В одной из глав романа, именуемой “De profundis”, описан спиритический сеанс, свидетелем которого, по приглашению спиритуалиста Алджернона Мейли, стал Мелоун. Как следует из повествования, в ходе сеанса, в числе прочего, была спонтанно установлена связь с человеком, судя по его словам, придавленным балкой и взывавшим о помощи. Завершается глава эпизодом, в котором повествуется о том, как, вскоре после описанного сеанса, Мейли принес все еще продолжавшему сомневаться Мелоуну свежий выпуск газеты “Evening News” и зачитал опубликованную там статью:

(1) *ACCIDENT IN THE CITY.*

This afternoon shortly after five o'clock, an old house, ... suddenly collapsed. It was situated between Lesser Colman Street and Elliot Square, and next door to the Veterinary Society's Headquarters. Some preliminary crackings warned the occupants and most of them had time to escape. Three of them, however, James Beak, William Moorson, and a woman whose name has not been ascertained, were caught by the falling rubbish. Two of these seem to have perished at once, but the third, James Beale, was pinned down by a large beam and loudly demanded help. A saw was brought, and one of the occupants of the house, Samuel Hawkin,

showed great gallantry in an attempt to free the unfortunate man. Whilst he was sawing the beam, however, a fire broke out among the debris around him, and though he persevered most manfully, and continued until he was himself badly scorched, it was impossible for him to save Beale, who probably died from suffocation. Hawkin was removed to the London Hospital, and it is reported to-night that he is in no immediate danger (Doyle, 352).

В данной газетной публикации дается описание последствий обрушения одного из старых домов Лондона, причем содержащиеся в ней сведения явно перекликаются с данными, полученными в ходе спиритического сеанса. Например, сообщается о том, что один из жителей дома был придавлен большой балкой и звал на помощь. Помочь ему пытался его сосед по фамилии Хоукин, а именно так называл «спонтанно вышедший на связь» того, к кому взывал о помощи. Кроме того, в обоих источниках упоминается о возникшем в разрушенном доме пожаре.

Таким образом, эта включенная в рассматриваемый нарратив вставная статья выступает в качестве документального и, главное, независимого источника информации. Эффект реалистичности повествования усиливается точным указанием места происшествия и действующих лиц. В финале главы озвучивший статью персонаж предоставляет адресату (называя его “*Thomas Didymus*”, т. е. «Фома Неверующий») возможность самому сделать вывод. Однако этот вывод можно считать хотя бы отчасти предрешенным – ведь вышеприведенная статья в романе “*The Land of Mist*” выступает в качестве объективного документального доказательства верности данных, полученных в ходе спиритического сеанса. Можно предположить, что А.К. Дойл, известный как убежденный сторонник спиритизма, пытается таким образом воздействовать на читателя с целью его убеждения в правильности своей точки зрения. Это подтверждается и авторским комментарием к главе, в котором К. Дойл указывает, что изложенные в ней события основаны либо на его личном опыте, либо на достойных доверия сообщениях лиц, перечисленных поименно (Doyle 1995: 416).

Итак, «текст в тексте» помогает созданию более реалистичной картины повествования, приданию ему наглядности. При этом вставным текстам, выдержанным в определенных жанрах, придаются характерные для этих жанров специфические черты. Примером тому служит вставной текст телеграммы с выражением соболезнования, включенный в «Завтрак у Тиффани» Т. Капоте:

(2) *Received notice young Fred killed in action overseas stop your husband and children join in the sorrow of our mutual loss stop letter follows love Doc* (Capote, 81).

Вышеприведенный текст составлен с использованием специфического «телеграфного стиля»: информация изложена в сжатой форме, знаки препинания либо отсутствуют вовсе, либо передаются посредством слов (*stop* вместо точки).

Для усиления эффекта реалистичности автор может включать в свое произведение вставные тексты на языке, который в действительности мог бы быть использован в данной ситуации, даже если этот язык иной, нежели тот, на котором ведется само повествование.

В романах К. Дойла «Белая компания» и «Сэр Найджел», в которых описываются события времен Столетней войны между Англией и Францией, приводятся вставные тексты на архаизированном английском или французском языках (который тогда был не только языком населения Франции, но и вообще языком межнационального общения для европейского рыцарства). В качестве примера можно привести фразу, вложенную в уста одного из основных персонажей этих романов – английского рыцаря Найджела Лоринга:

- (3) *“My creed shall ever be that of Chandos:
‘Fais ce que dois – adviegne que peut,
C’est commandé au de chevalier”* (Doyle, 237).

Этот девиз, смысл которого заключается в том, что рыцарь должен делать то, что должен, невзирая на последствия, способствует эксплицитной характеристике данного персонажа как человека долга. Кроме того, использование реального (или квазиреального) текста – своего рода приметы эпохи – способствует погружению читателя в атмосферу описываемого времени.

Аналогичную функцию выполняет данный в зеркальном отражении фрагмент стихотворения “Jabberwocky” в произведении Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»:

- (4) *“YK COWREBBAJ
sevot yhtils eht dna ,gillirb sawT
ebaw eht ni elbmig dna eryg diD
,sevorgorob eht erew ysmim llA
.ebargtuo shtar emom eht dnA”* (Carroll: www).

По сюжету, изначально главная героиня воспринимает данный текст как иноязычный, однако затем, поняв, что книга, в которой он опубликован – «зеркальная», осуществляет чтение стихотворения с помощью зеркала – и далее в нарратив включен прочитанный ею полный текст данного поэтического произведения в «нормальном» виде. Поскольку в описанном Кэрроллом мире Зазеркалья, согласно сюжету, все существует в искаженном виде (в зеркальном отражении), тексты также изменены соответствующим образом (хотя автор в данном произведении ограничивается лишь вышеприведенным образцом зеркального текста). Этот пример показывает, что определенная реалистичность может быть придана изображаемому и с помощью текстов, от которых, согласно существующим стереотипам, не ожидается изложения абсолютной истины.

Используя языковые средства, автор формально выделяет вставные тексты из основного нарратива. При этом может быть создан эффект включения в основной текст реальных или квазиреальных примет ситуации. Рассказчик как бы устраняется от самостоятельного описания: о событии свидетельствует не персонаж, от лица которого ведется основное изложение событий и который может быть воспринят как заинтересованное лицо, а некий другой (беспристрастный) источник. Читателю же предлагаются своего рода «документы» – «доказательства» того, что излагаемые факты не

представляют собой плод фантазии основного рассказчика (который, по сути, снимает с себя ответственность за истинность или ложность сообщаемой информации – ведь ее предоставляет некто другой). Таким образом, повествованию придается более объективный, независимый от рассказчика характер.

Придание повествованию большей реалистичности – роль, свойственная основной массе проанализированных вставных текстов вне зависимости от их жанрово-стилистической, авторской и языковой принадлежности. Однако факт наличия у конкретных «текстов в тексте» данной функции отнюдь не исключает возможности одновременного их использования и с другими целями (в частности, выражение идейной позиции автора или персонажа, описание событий с другой точки зрения, осуществление ретроспекции, создание второго плана повествования). Известно также, что создание «текстов в тексте» может выступать в качестве основы сюжета произведения, в роли содержания всего повествования (Руднев 1997: 308).

Вставные тексты, как правило, характеризуются многофункциональностью. Различные их функции, согласно полученным в ходе исследования данным, не являются взаимоисключающими и даже проявляют определенную общность. Эта общность, как представляется, состоит в том, что при их реализации осуществляется своего рода дистанцирование вставного текста от основного нарратива. Такое дистанцирование может носить характер как смены угла зрения на уже упомянутые в повествовании предметы или действия (при создании реалистичной картины, выражении идейной позиции автора или персонажа и рассмотрении событий с другой точки зрения), так и вовлечения в описание новых объектов (персонажей, обстановки, событий – при создании второго плана повествования и осуществлении ретроспекции). В любом случае, вводный текст является таким вкраплением в основной нарратив, которое демонстрирует определенную степень формального и семантического отличия от него, но, тем не менее, представляет собой органичную и неотъемлемую часть текста произведения.

Библиографический список

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Список источников иллюстративного материала

1. Капоте Т. Завтрак у Тиффани. М., 2002.
2. Carroll L. Through the Looking-Glass [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext91/lglass18.txt>
3. Doyle A.C. The Lost World & Other Stories. Wordsworth Editions Limited, 1995.
4. Doyle A.C. The White Company. Wordsworth Editions Limited, 1998.

ИМПЛИКАЦИЯ СЕМАНТИКИ СТРАННОГО

Структура оценочного суждения была изначально разработана в логике, откуда она была заимствована в лингвистический аппарат описания оценки в языковой представленности. Такое заимствование представляется совершенно правомерным в силу того, что экспонентом суждения (в том числе и оценочного), как логической структуры мысли, является предложение. В полном соответствии с логической теорией (Ивин 1970) структура оценки определяется наличием субъекта и объекта оценки, основания (или критерия) и характера (собственно оценочное слово – «ремарка, исходящая из определенного источника и направленная на определенный объект» (Ляпон 1986: 26)).

Структура оценочной ситуации несколько расширяется Г.Г. Сильницким, который определяет ее наличием следующих компонентов: а) автора оценки; б) оценочной пропозиции или суждения («способ представленности» оценки); в) предмета оценки; г) адресата (объекта оценочной пропозиции); д) критериев оценки; е) характера (позитивный или негативный) (Сильницкий 1987). Расширение структуры оценочной ситуации в ряде случаев осуществляется за счет введения некоторых необлигаторных компонентов, например, мотива, объясняющего характер оценки, и шкалы оценок (Вольф 1985). При этом мотив может быть эксплицированным или контекстуально восстанавливаемым, в то время как шкала – это всегда имплицитный конвенциональный метрический эталон. Возможность такой импликации (как подразумеваемого, невыраженного, не маркированного (Власова 1973: 63)) предопределяется системой (фреймом) фоновых знаний, общих для продуцента и реципиента речи (shared knowledge), что позволяет реструктурировать импликатуры и восстановить пресуппозиции оценочного (в принципе, любого) высказывания. Считается, что такая организация работы сознания является энергосберегающей и предполагает существование принципа экономии в актуализации языковой системы (Слышкин 1999).

Анализ языковой фактологии позволяет сделать вывод о том, что не все компоненты структуры оценочного действия облигаторны в вербальной оценочной ситуации. В импликации, как уже указывалось, остается оценочная шкала и, чаще всего, основание оценки. Может остаться невыраженным и субъект оценочного высказывания.

Характер, механизмы формирования, способы языковой экспликации оценочных значений систематизированы в целом ряде работ. Дано определение понятия оценки (Вольф 1985, Аругюнова 1988, Падучева 1996), выявлена ее роль в познавательном процессе (Трунова 1995, Никитин 2000), описан ее характер (Карасик 2002, Коваленко 2006) и актуализационные грамматические конструкции (Виноградова 2004). Однако, как показывает анализ научных публикаций в этой области лингвистических проблем, за рамками исследований оказались случаи импликации оценочности.

Адекватная интерпретация высказывания, в котором имплицитруется оценочность, требует обращения к широкому функциональному контексту, поскольку только на его

фоне возможно выведение заключения как о присутствии оценочного смысла, так и о характере оценки. Значим в этом плане и общий тезаурус читателя.

Концепции, в рамках которых рассматриваются проблемы имплицитности, в своей основе имеют сформированную базу, обозначившуюся в разных аспектах лингвистического анализа – лексике, грамматике, стилистике, прагматике, теории речевых актов. Наиболее полно и четко механизм имплицитности раскрывается в работах Ю.М. Скребнева, который, в частности, отмечает, что имплицитность в плане психологии речевого акта «представляет собой переоценку содержания используемой языковой единицы, приписывание ей узуально несвойственного содержания <...>. Имплицитивные отношения между фактической языковой манифестацией и нормативной манифестацией представляют собой функциональное обогащение плана содержания языковой единицы, являющейся под углом зрения узуса неадекватной, недостаточной для данных информационных целей...» (Скребнев 1985: 67).

Следует отметить, что импликационность и экспликационность не относятся друг к другу как экономия и избыточность. Экспликационность и импликационность – это универсальная оппозиция для анализа и «интерпретации фактов культуры – как вербальных, так и невербальных» (Богин 1984: 9). Следовательно, понятием «имплицитность» могут быть охвачены фоновые знания, пресуппозиции, характеристики партнеров, их горизонты и т. д.

В контекстах, имплицитующих оценку, может просматриваться своя собственная шкала ценностей с особым пониманием прекрасного и безобразного в разных национальных культурах. Интерпретация такого рода контекстов требует широких фоновых знаний, информации национально-культурного плана.

Фоновые знания в свою очередь определяются как знание говорящим и слушающим каких-либо реалий, которые подразумеваются, но явно не выражаются в коммуникации. Являясь основой языкового общения, они представляют собой «идеальную модель внешнего мира или его части. Вербализация фонового знания является отдельной познавательной задачей и в повседневном общении не происходит (Крюков 1998: 23).

Такие неявные оценочные высказывания вскрывают новые свойства и черты предмета речи посредством нахождения особых, необычных сходств в семантически различных сферах. Благодаря этому появляются всевозможные оттенки экспрессивности.

Семантика странности может быть включена в слабый импликационал обычных дескриптивных языковых единиц, системно не выражающих отклонения от нормы. Ее актуализация в таком случае должна быть детерминирована контекстом. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Content. He's doing well. His mind is keen, his play is excellent. Young as he is. We've never had a boy better prepared for command. Usually they go at eleven. But at nine and a half he's top flight* (Card: www).

В данном случае предложения *Usually they go at eleven* и *But at nine and a half he's top flight* выстраиваются в последовательности суждений и в содержательном плане являются противопоставленными. Это противопоставление маркируется союзом *but* и предопределяет контекстуальное приращение смысла, подчеркивая необычность ситуации (*not as in a usual case: two years too early*), когда ребенок в возрасте девяти с половиной лет обладает способностями одиннадцатилетнего. Это является отклонением от нормы, а потому воспринимается как странное.

Странность в данном случае характеризуется знаком «+», поскольку в контексте присутствует оценочная форма *better*, имеющая положительную коннотацию, которая в результате процесса иррадиации распространяется на всю ситуацию в целом.

Рассмотрим еще один пример:

(2) *"This is best for Ender, too. We're bringing him to his full potential."*

"I thought we'd give him two years as commander. We usually give them a battle every two weeks, starting after three months. This is a little extreme." (Card: www)

В данном примере наблюдаются контекстуальные показатели, аналогичные предшествующему. Прежде всего, это противопоставление того, что происходит обычно и оценки частотности событийной повторяемости как чрезмерной. Системно дескриптивное прилагательное контекстуально приобретает значение отрицательной оценки, проявляющейся в прагматическом смысле «неодобрение».

Странность может также быть имплицирована в контекстах с модальными глаголами, что наглядно демонстрируется в следующем примере:

(3) *After killing at least three men, after being shot at repeatedly, after stealing two cars, after surviving a chase that had harried her through three counties, she might have expected to dream of death, of blasted bodies and blood, with the cold chatter of automatic weapons fire as background music to the nightmare. She might have expected to dream of losing Chris, for he was one of the two remaining lights in her personal darkness, he and Thelma, and she dreaded the thought of going on without him. But instead she dreamed of Danny, and they were lovely dreams, not nightmares* (Koontz: www).

Здесь структуры составного глагольного модального сказуемого приобретают смысл, интерпретируемый в генерализованном виде как «что-то, что могло произойти, но не произошло»: *...she might have expected to dream of death* и *She might have expected to dream of losing Chris*. В осмыслении происходящего на фоне неотдаленных событий героиня оценивает их как ночной кошмар (страшный, но нереальный и уже прошедший) – *nightmare*. Это подтверждается при помощи дефиниционного анализа: *nightmare* – “a frightening dream; a frightening or horrible experience”. Наличие в дефиниции лексем *frightening* и *horrible* определяет отрицательную семантику слова. Таким образом выявляется отрицательная оценка событий, которые произошли (убийство, перестрелка, угон машин) и моделируется пост-эффект того, что могло бы случиться, но не случилось (значение невыполненности действия передается сочетанием модального глагола с

перфектной формой инфинитива). Противопоставление того, что могло быть при сложившихся обстоятельствах, и того, что наблюдается в действительности, содержит имплицативную оценку. Именно за счет контекстуальных факторов возникает импликация оценки ситуации как странной: *she might have expected to dream of death vs they were lovely dreams, not nightmares*, где *lovely dreams* выступает резким контрастом к *nightmares*, передавая положительную оценку. Ситуация, проявляющаяся в несоответствии ожидаемого (нормальной, естественной реакции) и данного представляется отклонением от нормы и понимается как «странное», но «странное» со знаком плюс, то есть оцениваемое положительно.

Нереальность или невозможность происходящего также может имплицировать понятие «странного»:

(4) *In spite of the swelling and the discoloration and the disgusting disfigurement, the dead man was clearly Jerry Stein. But Jerry has been dead for thirteen years. In that time, death would have visited upon him considerably more corruption than this. His flesh should have completely decomposed years ago. By now he should have been little more than a skeleton with a few strands of brittle hair clinging to its fleshless skull, the bleached bones bound together loosely by scraps of mummified skin and leathery ligaments. Yet he appeared to have been dead for only about ten days or a week, perhaps less* (Koontz: www).

В тексте примера говорится о том, что автор увидел тело человека (*the dead man was clearly Jerry Stein*), который уже давно мертв (*But Jerry has been dead for thirteen years*), что само по себе является неординарным событием. Необычность или странность ситуации подчеркивается не только конструкциями, выражающими «невыполненность действия», противоречие ожидаемому (*His flesh should have completely decomposed years ago*), но выявляется на фоне имеющихся обыденных элементарных знаний о том, что происходит с телом усопшего за несколько лет после его ухода из жизни (*he appeared to have been dead for only about ten days or a week, perhaps less*). Следовательно, нереальность происходящего свидетельствует об отклонении от общеизвестного и событие воспринимается как «странное». Это «странное» культурологически во всех этносах воспринимается со знаком «-», то есть в смысле отрицательной оценки.

Значение странности может имплицироваться в риторическом (или, как в приведенном ниже примере, косвенном) вопросе:

(5) *“Well, yes. For a few minutes there, it actually occurred to me to wonder what kind of a man would heal a broken child of some of his hurt, just so he could throw him back into battle again. A little private moral dilemma. Please overlook it. I was tired.”* (Card: www)

Исходя из имеющегося фрейма знания о характере протекания боев, поведение того, кто определяет разворачивание ситуации в данном контексте, представляется наблюдателю необъяснимым. Невозможность объяснить явление, как свидетельствует анализ семантики оценочных предикатов *normal* и *strange*, является одной из семантических составляющих странности как признака воспринимаемого объекта. Форма (косвенного) риторического

вопроса подчеркивает противоречивость поведения и определяет характер отношения к происходящему в терминах отрицательной оценки.

В том случае, если контекстуально, вербализованно представлены запланированный и реальный результаты, фактором актуализации оценочного значения «странный» может быть отрицание:

(6) *“It wasn't supposed to work this way. Locke was supposed to be the respected one.”*

*“He is! Real respect takes longer than official respect. Peter, don't be **angry** at me because I've done **well** with the things you told me to do.”* (Card: www)

В данной ситуации ожидалось, что Локки должен был быть уважаемым, а вышло не так как ожидалось, необычно, странно, о чем свидетельствует утверждение *It wasn't supposed to work this way*. Контекст ситуации раскрывает, почему это произошло, и показывает, что нежелательное отклонение от нормы будет преодолено через какое-то время.

Проведенный анализ показывает, что оценочный смысл может быть не только вербализован, но и имплицирован в содержании высказывания. Интерпретация скрытого оценочного значения зависит не только от широты знания ситуации, но и способности увидеть контекстуальные показатели, которые детерминируют порождение оценочного смысла.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дисс. ... док. филол.наук. Л., 1984.
3. Виноградова Н.Г. Синтаксические репрезентанты оценочных значений // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. Ч.П. Барнаул, 2004. С. 158-160.
4. Власова Н.С. К вопросу об имплицитности предложно-падежных сочетаний // Филологические науки. М., 1973. №1. С. 63.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
6. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
8. Коваленко Е.В. Языковые экспоненты пейоративных оценочных смыслов // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике. Барнаул, 2006. Ч.1. С. 88-91.
9. Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. М., 1988. С. 19-34.
10. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений). М., 1986.
11. Никитин М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях // *Studia Linguistica* – 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000. С. 6-11.
12. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
13. Сильницкий Г.Г. Семантическая структура оценочных глаголов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987. С. 105-109.
14. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.
15. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
16. Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб, 1995.

Список источников иллюстративного материала

1. Card O.S. Ender's Game [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/card_orson_scott/ender_wiggins_1_ender_s_game/card_ender_wiggins_1_ender_s_game.html
2. Koontz D. Lightning [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/koontz_dean/coldfire/koontz_lightning.html
3. Koontz D. The house of Thunder [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/koontz_dean/coldfire/koontz_the_house_of_thunder.html

*Жогова И.Г.
Барнаул*

ОБРАЗ VS ОБРАЗНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

«Там, где нет образов, там нет и побуждения к мышлению...»

Л. Фейербах

Исследование проблемы образности осуществляется в рамках антропоцентрической парадигмы знания с позиции интегративного подхода, синтезирующего знания смежных наук – лингвистики, философии, логики, психологии, литературы, искусствоведения, информатики. В связи с этим термин «образ» и «образность» рассматриваются и как категории сознания, мышления, и как категории психики человека (когнитивные, психологические), и как категории текста, и как категории лексико-семантические, характеризующие свойства определённых единиц лексикона. По мере трансформации взглядов ученых на природу и сущность познавательного процесса меняется их мнение по поводу значимости и роли экспрессивно-образных средств языка в этом процессе.

Среди множества наук, занимающихся исследованием и раскрытием сущности термина «образ» особое место принадлежит философии, где на протяжении многих веков складывалось, уточнялось и изменялось концептуальное наполнение понятия «образ». Классические греческие философы, поставив вопрос о сущности образности, задали тон последующим дискуссиям в решении этого вопроса. Платон говорит (метафорически) о некоем живописце в нашей душе, рисующим в ней картины (Платон 1971: 49) и предполагает, что память аналогична куску воска, на котором наши восприятия, ощущения и мысли «отпечатывают» наши впечатления (там же: 912). Аристотель, в свою очередь, вводит в употребление понятие умственной способности воображения, соединенного с перцепцией, которая ответственна за создание и воспоминание «образности». Аристотель является первым теоретиком-когнитивистом, который утверждал, что образность занимает центральное место в процессе познания: «Душа никогда не мыслит без образов» (Аристотель 1976: 438). Согласно Аристотелю, предметно-изобразительная способность языка происходит из образности: слова, которые мы употребляем – это символы внутренних образов (Аристотель 1976: 420).

Аристотель также затрагивает вопрос о влиянии образных средств (и в данном случае он имеет в виду метафору и сравнение) на человеческие умы, процесс познания и, как следствие, появление «нового знания». Он говорит о метафоре как о сокращенном сравнении. Приписывая метафоре наглядность, выразительность и остроумие, он подчеркивает, что «чем фраза короче и чем сильнее в ней противопоставление, тем больше ее успех..., познание от противопоставления больше, а от краткости оно быстрее» (Аристотель 2000: 133).

Мировоззрение Ренессанса переосмысливает метафизическое мышление Платона и Аристотеля и отодвигает идею об образе как копии божественного Абсолюта, принятую в эпоху Средневековья. Д. Бруно радикально переосмысливает и разрушает сложившийся веками взгляд на образ как продукт воспроизведения и копии некоего оригинала, утверждая, что воображение человека может быть самостоятельным источником познания и силой создания разума. В философии Ренессанса понятие «образ» смещается от метафизики трансцендентности к психологии творческого начала самого человека (Библиотека...: www).

В настоящее время философы продолжают работать над вопросами квази-перцепционного опыта и образности как теоретически центральной позиции в сфере познания. Аналитическое философское движение, возникшее в 20-м столетии и все еще оказывающее влияние на многих философов, утверждает, что многие философские проблемы должны быть решены посредством анализа языка с использованием нового инструментария официальной логики.

Являясь междисциплинарным понятием и объектом изучения многих дисциплин, образ в психологии – это формируемый в сознании человека мысленный (ментальный) образ воспринимаемого им в окружающей среде объекта. При восприятии объекта органами чувств в сознании человека формируется мысленный образ этого объекта. Образ может возникать и без непосредственного восприятия определенного объекта. В психологической науке образ рассматривается как некое психическое образование, функционально включенное в структуру познавательных процессов. Образность играла огромную роль в экспериментальной психологии. Так, В. Вундт, родоначальник экспериментальной психологии, основавший первую учебную лабораторию в 1876 г. в Германии, был убежден, что образность занимает центральное место в познавательной теории. Высказывая противоположное мнение, другой немецкий психолог, О. Кюльпе, занимающийся в основном проблемой воли, сформулировал концепцию «детерминирующей тенденции» как её психологического механизма. О. Кюльпе разработал метод систематической интроспекции, в котором происходит ретроспективное воспроизведение проделанных испытуемым действий по решению задачи. Применение этого метода позволило проанализировать новые аспекты деятельности мышления: его направленность, целостность, активность, детерминированность задачей, безобразность (Wikipedia: www).

Известный отечественный психолог А.Н. Леонтьев указывал, что психологией образа является научное знание о процессе жизнедеятельности людей, где они создают образ мира – мира, в котором они творят, существуют, действуют, который сами частично формируют и создают; это знание о том, как функционирует образ мира, опосредуя их деятельность в объективно-реальном мире. Мир не столько отражается, сколько воссоздается в психике человека. В процессе восприятия реального мира человек «разбирает» окружающую действительность на отдельные элементы и затем «собирает» его во внутреннем психическом плане в виде образа (модели, картины). Слово выступает важным инструментом восприятия, при помощи которого вычленяются отдельные элементы мира, преодолевается «естественная» структура перцептивного поля, человек начинает воспринимать мир и получать информацию не только посредством органов чувств, но и через коммуникацию. Являясь проявлением психического, образ составляет ядро в категории сознания, основной компонент в его структуре (Леонтьев 1983: 251-261).

Природа и сущность образных средств порождает разнообразие точек зрения, которые дополняют друг друга, не являясь при этом абсолютно тождественными. Это существующее противоречие ставит перед исследователем задачу полного и логического осмысления вопроса с целью нахождения расхождения в терминологическом аппарате, равно как и во внутреннем содержании терминов. Понятия «образ» и «образность» в современной научной парадигме знаний скорее соплагаются и взаимодействуют, нежели противопоставляются друг другу. Исследователи пытаются уловить и осознать «границы» между двумя смежными понятиями, трактуя термины довольно широко и неоднозначно. Объяснением может служить «емкость», которая присуща данным понятиям. Более того, расплывчатость термину «образ» добавляют эпитеты, которые часто ему аккомпанируют: «поэтический», «художественный», «творческий». Данный термин обростаёт разными семантическими значениями и «становится по-разному семантически нагруженным» (Лосев 1994: 175).

Выделяя в образе умственно-психический аспект, следует отметить, что образ – это ментальное отражение предмета или явления действительности в сознании индивида, некое представление, несущее содержательную информацию о некотором классе объектов, наделенное индивидуальным отношением: «... средой обитания образов является человеческое сознание; в нём они субъективно окрашены и погружены в ассоциативные отношения» (Арутюнова 1999: 322).

Образ как результат познавательной деятельности субъекта предполагает два этапа своего формирования. Первый этап заключается в восприятии объекта посредством органов чувств в процессе эмпирического освоения реальности, по которым в сознании отпечатывается внешний облик объекта, а именно, характеризующие его данные, также «тактильные и звуковые ощущения от объекта, доступные чувственному восприятию» (Юрина 2005: 13).

Второй этап заключается в запечатлении в сознании воспринятых характеристик данного объекта, позволяющих актуализировать образы при отсутствии прямого контакта с

самими объектами, т. е. «переход образа восприятия в образ представления» (Юрина 2005: 13). Схожую мысль высказывает и Б.М. Гаспаров, говоря о «погружении в запасы образной памяти» и «запасы коммуникативных фрагментов». Согласно его точке зрения образы могут всплывать в нашем сознании, откликаясь на языковой материал, и, что не менее важно, автор подчеркивает «субъективную» природу образов (Гаспаров 1996: 246-273).

Лингвистическая наука оперирует языком, и в качестве минимальной единицы языка, способной передавать образ, традиционно рассматривалось слово. К.В. Харченко предлагает совершать «экскурсы в этимологию» слов, если мы хотим воссоздать и ощутить образ данного слова, т. е. мы должны усмотреть заложенную в семантике слова «образность», которая не является сознанием, а скорее существенным признаком самого значения слова. «Образы» слов имеют под собой гносеологическую основу, тогда как в художественном произведении образу присущи прагматические свойства: в текстах создание образов продиктовано прежде всего желанием автора воздействовать на аудиторию (Харченко 1976: 67-68). Далеко не все лингвисты разделяют предложенную точку зрения, отмечая, что «морфемы, слова, словосочетания ... образностью не обладают», но в определенном контексте обычное слово может приобретать образ (Мезенин 1983: 49).

В языкознании термин «образность» рассматривается как способность лексической единицы возбуждать в сознании индивида некий чувственный образ. Это говорит о наличии в языке лексических единиц, которые обладают эмоционально-экспрессивным потенциалом создавать определенные образы в сознании человека. Рассмотрение смысловой структуры слова предполагает детальный анализ «полутон» в виде эмоциональности, образности, экспрессивности, которые представляют собой характерные особенности многих слов и свойственны семантике слова. В целом все «полутона» значений можно объединить термином «коннотация», т. е. дополнительные тона значения лексемы, которые «накладываются на основное значение слова» (Харченко 1976: 67-68).

Делая акцент на знаковости образа, следует разделять понятия «образ» и «знак». Знак отличается от образа своей объективной природой, тройственностью и произвольностью. Знак входит в определенную семиотическую систему, которая принадлежит определенному социуму и является ее элементом. М.В. Никитин, приписывая знаку интенциональность, указывает на общественную договоренность между людьми в создании средств коммуникации. Знак произволен, не мотивирован по своей сущности связями реального мира и свободен от природы обозначаемого. Знак есть коллективное достояние, «намеренно установленное орудие общения мыслящих существ» (Никитин 2001: 9).

В свою очередь, значение образа находится в тесной взаимосвязи со свойствами слова или слов. Создание образа происходит благодаря взаимодействию предметно-логического и контекстуального значения на основе ассоциативных связей. Оба значения «сосуществуют в контексте» и понятны для сознания. В процессе развития предметно-

логическое значение слова может порождать производные предметно-логические значения. В условиях контекста лексические единицы могут обрести дополнительные значения, которые иногда могут значительно расходиться с предметно-логическим значением, особенно это касается переносных значений (Гальперин 1958: 123).

В художественной литературе образность может просматриваться как на уровне одного слова, так и на уровне микро- и макротекста. Частными случаями создания образности могут являться фигуры речи, а также синтаксическая и ритмико-фонетическая организация произведений словесности. В лингвистических работах в области лингвистики текста (А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев и др.) образность трактуется как стилистическая категория – и в таком понимании «образность» близка, но не тождественна таким семантико-стилистическим категориям как «выразительность», «экспрессивность», «метафоричность» (в широком смысле слова), «символичность» и «поэтичность» (к примеру, у А.А. Потебни). Однако экспрессивность является более широким понятием, чем образность (Ольховиков 1999: 341). Сравнительно менее исследованным остается такой аспект образности, как ее развитие и присутствие в словарных единицах языка, т. е. признание наличия образных номинаций как элементов языковой системы.

В лингвистике образность рассматривается как способность лексических единиц вызывать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях окружающего мира. Отсутствие образности у единицы языка указывает на изначальное отсутствие или потерю у нее наглядно-чувственной опоры.

Очевидно, что слово соотносится с предметами объективной реальности и психической стороной жизни человека и имеет собственную «языковую сторону». Оно актуализируется в нашем сознании своим лексическим значением и как «элемент самого языка», который соединен различным спектром значений (семантические, грамматические и т. д.) с другими представителями языковой системы. Каждое отдельное слово ассоциативно связано для нас с другими словами языка и представлениями о реалиях окружающего мира, и данная способность слов открывает перед нами возможность оживить наши воспоминания, чувства и образы (Шмелев 1964: 52-56). Рассматривая образность как лингвистическую категорию, следует говорить о наличии в контекстуальном переосмыслении языковых знаков.

Вопросом о влиянии образности на познавательный процесс и мышление занимаются литераторы и лингвисты со времен античности до наших дней. основоположником современных концепций и методов исследования экспрессивно окрашенной речи можно по праву считать Ш. Балли. В основу его теории было положено деление и противопоставление между логическим (интеллектуальным) и эмоциональным началом (Ольховиков 1999: 342-345).

Деление образности на языковую и художественную предложено в работе С.М. Мезенина. Категория образности манифестируется в художественном произведении

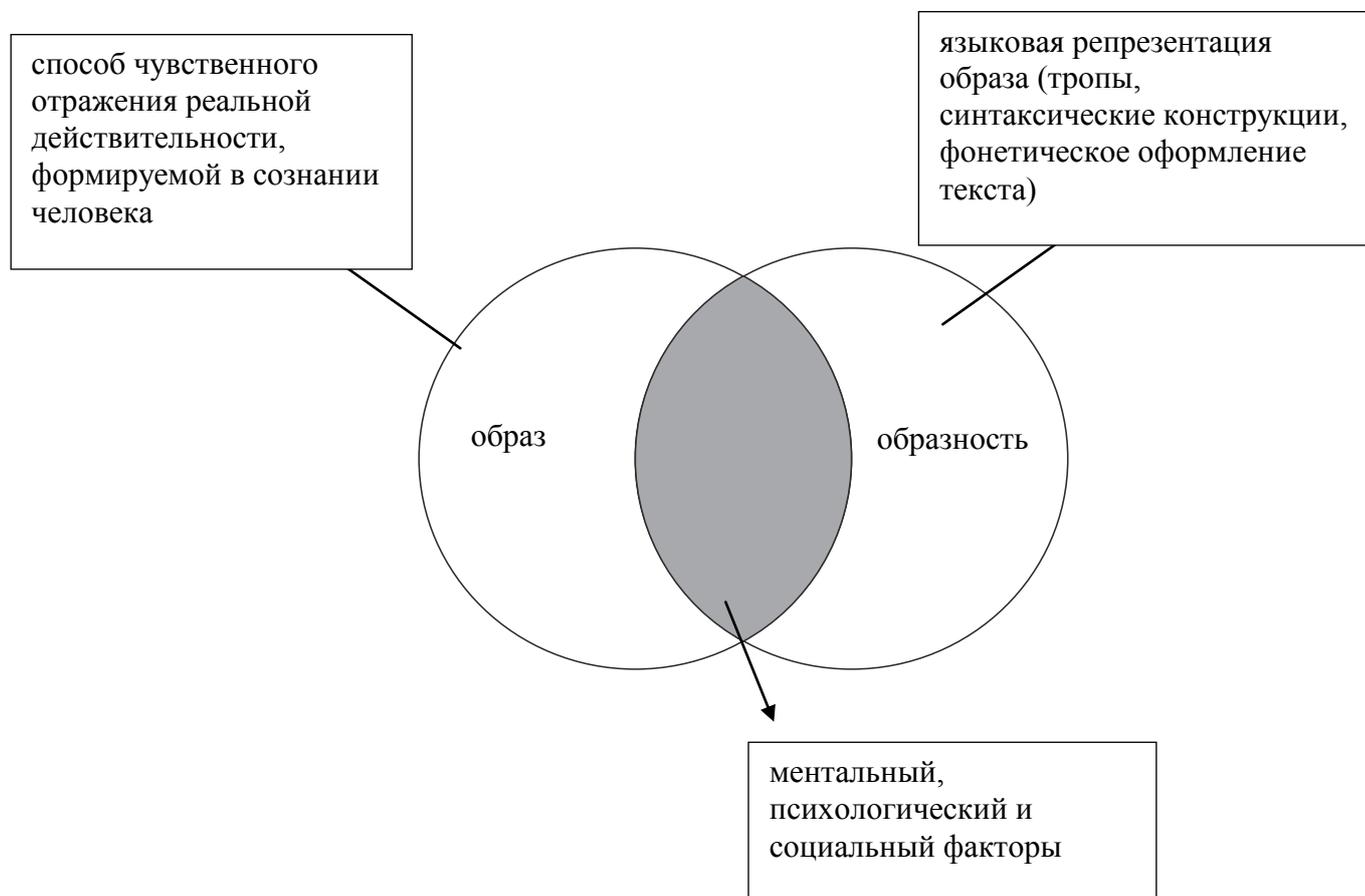
в виде художественных образов. Художественный образ рассматривается как смысл, нашедший свое воплощение в языковой форме, основываясь на логических законах. В основе художественной образности лежит языковая образность. Речевая образность несет в себе «высокую степень абстрактности агента», так как употребляя слово в переносном значении, мы наделяем его отвлеченным понятием и, таким образом, утрачивается связь с этимологией исходного значения (Мезенин 1983: 50-51).

Исследователи расходятся во мнениях по поводу определения языковой образности. Одни говорят, что за каждым знаком закреплен определенный образ (В.Н. Телия), другие утверждают, что языковая образность основывается на сходстве одних явлений и предметов с другими (Б.М. Гаспаров). Одним из способов репрезентации образности, по мнению И.В. Арнольд, являются тропы – «лексические изобразительно-выразительные средства, в котором слово или словосочетание употребляется в переносном значении» (Арнольд 1981: 82). Иными словами, троп является словесным образом, а образность художественного текста создается за счет взаимодействия семантической информации с языковыми экспрессивными средствами и фонетическим оформлением текста (Ольховиков 1999: 348).

Вышеизложенный материал можно представить в виде следующей схемы.

Схема 1.

Сближение понятий «образ» и «образность»

Таким образом, сказанное позволяет заключить, что в термине «образ» присутствуют элементы языковой и экстралингвистической природы. Являясь емким, неоднозначным и неисчерпаемым понятием, образ обладает ментальной природой, которой присуща конкретная чувственность и эмоциональность, вызывающая активную работу бессознательного в восприятии окружающей действительности. Образ предстает перед нами как семиотический феномен, наделенный способностью эволюционировать и приобретать черты определенных эпох и культур. Образность же является одним из доминирующих составляющих поэтического произведения, которое создается посредством художественных средств языка, определенных синтаксических оборотов и ритмико-фонетических сторон литературного текста. Область пересечения понятия «образ» с понятием «образность» лежит в сфере ментального, психологического и социального факторов. Термины «образ» и «образность» имеют много разнообразных определений, и два термина в научной парадигме знаний скорее соплагаются, нежели противопоставляются. Возможно предположить, что наличие множества определений двух терминов в различных областях наук скорее обогащают эти понятия и дают волю для рассуждения. Как было упомянуто выше, образ в психическом понимании в общем и широком значении представляет собой отражение действительности (хотя некоторые лингвисты (И.В. Арнольд, Г.О. Винокур) придерживаются другой точки зрения). Лингвистический образ представляет собой абстрактное понятие, которое находит реальное воплощение в языке и речи. Он многозначен и многогранен и содержит в себе как познавательные, так и оценочные компоненты. Языковые единицы разных уровней формируют материальное выражение образности в поэтических произведениях и прозе.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vpn.int.ru/files-view-6959.html>
2. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.1. М., 1976.
3. Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
6. Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/yates02/index.htm>
7. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>
8. Виноградов В.В. Язык художественных произведений // Вопросы языкознания. 1954. №5. С. 3-26.
9. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 2004.
10. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
11. Леонтьев А.Н. Образ мира. М., 1983.
12. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. М., 1994.
13. Мезенин С.М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. №6. С. 48-57.

14. Никитин М.В. Знак – Значение – Язык. СПб., 2001.
15. Ольховиков Д.Б. «Образность» как категория филологического описания текста // RES LINGUISTICA. М., 1999.
16. Платон. Сочинения в 3 томах. М., 1971.
17. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. №3. С. 66-71.
18. Харченко В.К. Путеводитель по научному стилю английского языка. Уфа, 2002.
19. Шмелев Д.Н. Слово и образ. М., 1964.
20. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск, 2005.

*Жолобова Ю.С.
Барнаул*

СТРУКТУРНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАТЕКСТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

В рамках антропоцентрической научной парадигмы возрос интерес к проблеме взаимодействия субъекта речи (адресанта, говорящего, пишущего) и субъекта восприятия (адресата, слушающего, читателя) текста. Неоспоримым фактом является то, что при создании текста субъект речи стремится быть адекватно понятым. Это заставляет его учитывать социальные, образовательные, личностные и другие параметры адресата и искать «общий язык со слушающим» (Винокур 1993: 82). Направленность текста на адресата и зависимость от него получила в теории текста название адресованности. Адресованность находит своё воплощение в различных элементах формальной и содержательной структуры текста. Одним из таких элементов является метатекст.

Понятие метатекста возникло во 2-й половине XX века и в настоящее время привлекает внимание многих исследователей, которые по-разному подходят к его изучению. Метатекст рассматривается с позиции семиотики, литературоведения и лингвистики.

Основы теории метатекста в семиотике были заложены Ю.М. Лотманом. В его концепции термин «метатекст» отсутствует. Вместо него Ю.М. Лотман использует понятие «текст в тексте», которое он рассматривает в рамках действия категории интертекстуальности. Под интертекстуальностью понимается при этом взаимодействие отдельных текстов в плане содержания и выражения. Текст, по определению Ю.М. Лотмана, представляет собой сложную многоуровневую структуру, состоящую из двух компонентов – базового текста, содержащего основную информацию высказывания, и внешнего, вставного текста. Вставной текст, то есть «текст в тексте», вводится в имманентный мир базового текста с целью его толкования, уточнения или пояснения. Поэтому «текст в тексте» Ю.М. Лотман определяет как код, расшифровывающий первичный язык (Лотман 1992: 155).

В литературоведении теория метатекста развивалась на основе концепции диалога М.М. Бахтина. В его теории понятию «текст в тексте» соответствует понятие «чужая речь». Существенным в плане понимания роли «чужой речи» является то, что

М.М. Бахтин определяет ее не только как «речь в речи, высказывание в высказывании», но и как «речь о речи, высказывание о высказывании» (Бахтин 2000: 445).

В лингвистике понятие «метатекст» стало широко использоваться после появления статьи А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978). Вслед за А. Вежбицкой метатекст в лингвистике рассматривается как один из элементов текста, необходимый для исследования или описания базового компонента текста (Вежбицкая 1978: 404, Шаймиев 1996: 170). Поскольку характерным признаком метатекста является его ориентация на конкретную речевую ситуацию создания и/или восприятия конкретного текста, метатекст определяется также как вторичный текст, как текст о тексте.

Исследователи подчеркивают, что объём метатекста может варьироваться от одного слова (метатекстовый элемент) до целого текста (метатекст). Структурно выделяют иннективный и сепаративный метатекст. В первом случае метатекстовые элементы внедряются в базовый текст. Во втором – метатекст композиционно отделен от базового текста и оформлен как комментарий, предисловие, аннотация, примечание, сноска или пометка на полях (Шаймиев 1996: 171).

Иннективный метатекст может быть рассмотрен как текст о тексте, поскольку он состоит из высказывания о предмете речи и о самом высказывании, а также как текст в тексте, поскольку он является частью текста, обладающей свойствами связности и цельности (Лукин 1999: 63). Сепаративный метатекст – это всегда текст о тексте, находящийся либо в препозиции, либо в постпозиции относительно базового текста.

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые типы иннективного метатекста, в частности, метатекстовые элементы, содержащие комментарии пояснительного и оценочного характера, целью которых является установление взаимопонимания между субъектом речи и субъектом восприятия. Материалом для исследования послужили произведения современных немецких авторов К. Вольф, Г. Белля, С. Цвейга.

Как показал исследуемый материал, метатекстовые элементы формально могут быть представлены разными языковыми структурами. Так, в качестве метатекстового элемента может функционировать уточняющий член предложения. Например: *Damals war Rita eigentlich nur erstaunt, und erst die späteren Ereignisse gaben dem Erstaunen eine Färbung von Zorn, der, **genaugenommen**, sogar über das gerechte Maß hinausgeht ...* (Wolf, 154). Как показывает данный пример, однословная вставка *genaugenommen*, пунктуационно выделенная запятой, сигнализирует о намерении говорящего уточнить сказанное путём приращения информации о предмете речи.

В следующем примере в роли метатекстового элемента выступает уточняющий член предложения, выраженный словосочетанием: *Ein Sado, **so ein kleiner Wagen**, stand bereit, wir stiegen ein* (Zweig, 208). Говорящий, предполагая, что марка автомобиля *Sado* мало знакома собеседнику, вводит дополнительную информацию *ein kleiner Wagen*, графически выделенную с помощью запятой. Уточнение *so ein kleiner Wagen* содержит обобщенную номинацию *Wagen* и прилагательное *klein*, характеризующие данный тип автомобиля.

Метатекстовый элемент может представлять собой вводную конструкцию, содержащую устойчивое словосочетание: ***Kurz und gut: Ich sollte bloß nicht so hirnerbrannt sein, in die Fallgrube zurückzuplumpsen, der ich glücklich entronnen war!*** (Wolf, 113). Как показывает пример, появление метатекстового элемента *kurz und gut* обусловлено намерением говорящего донести до слушающего в «свернутом», лаконичном, виде информацию о мотивах своего поведения, подробно описанного в предшествующем контексте. На графическом уровне переход от метатекстового элемента к тексту отмечен двоеточием.

В примере, приводимом ниже, в качестве метатекстового элемента выступает инфинитивный оборот: *...der andere aber war viel zu jung, nicht draufgängerisch und, **um es ehrlich zu sagen**, auch nicht allzu fix im Denken* (Wolf, 236). В данном случае с помощью оборота *um es ehrlich zu sagen* в текст вводится оценочная информация, связанная с экспликацией отношения говорящего к описываемому персонажу.

Метатекстовые элементы в произведении могут быть представлены структурами и более сложной организации, например, предложением: *...Ihr allergnädigster Herr Vater wurde auf der Jagd von einem Rasac erschossen. **(Rasac ist die Abkürzung für „Rasante Sadisten Capotas“)*** (Böll, 201). Как видим, метатекстовый элемент *Rasac ist die Abkürzung für „Rasante Sadisten Capotas“* представляет собой простое повествовательное полноструктурное предложение, вынесенное за пределы высказывания об объекте, сокращенно именуемом *Rasac*. Появление данного метатекстового элемента, содержащего расшифровку сокращения, свидетельствует о стремлении субъекта речи к установлению баланса между своим миром знаний и миром знаний субъекта восприятия. От базового текста метатекстовый элемент отделён скобками.

Следующим структурным типом метатекстовых элементов является придаточное предложение: *Denn Czentovic brachte es nie dazu, auch nur eine einzige Schachpartie auswendig – **oder wie man fachgemäß sagt: blind** – zu spielen* (Zweig, 442). Метатекстовый элемент *oder wie man fachgemäß sagt: blind*, выделенный пунктуационно тире и двоеточием, представляет собой уточнение номинации, более соответствующей контексту. В приведённом примере в разговоре участвуют шахматисты-профессионалы, и поэтому говорящий, уверенный в том, что будет правильно понято, вводит в метатекстовый элемент вместо нейтральной номинации *auswendig spielen* профессиональный жаргонизм *blind spielen*, способствующий созданию более доверительной и дружеской атмосферы общения.

В цитируемом ниже примере метатекстовый элемент имеет структуру вставного сложноподчинённого предложения, пунктуационно выделенного тире: *... war ich gezwungen, in meinem Bewußtsein die jeweilige Stellung auf den vierundsechzig Feldern deutlich festzuhalten und außerdem nicht nur die momentane Figuration, sondern auch schon die möglichen weiteren Züge von beiden Partnern mir auszukalkulieren, und zwar – **ich weiß, wie absurd dies alles klingt** – mir doppelt und dreifach zu imaginieren ...* (Zweig, 480). Субъект речи цитируемого фрагмента вспоминает время своего пребывания в гестапо.

Единственным средством, отвлекавшим его от мрачной действительности, были шахматы, в которые он играл в своем воображении. Осознавая то, что его поведение может показаться странным, он, описывая события прошлого, использует предложение-парентезу *ich weiß, wie absurd dies alles klingt* с намерением помочь собеседнику правильно оценить происходившее.

В целом следует заключить, что метатекстовые элементы в произведении служат экспликацией точек контакта субъекта речи и субъекта восприятия. Анализ приведённых примеров показал, что метатекстовые элементы могут быть выражены словом, словосочетанием, инфинитивным оборотом, устойчивым словосочетанием, а также вставными предложениями разных структур. В анализируемом материале метатекстовые элементы в содержательном плане представляют собой информацию поясняющего или оценочного характера. Содержательно связанные с основным повествованием метатекстовые элементы в произведении обособлены формально, графически. Специфика их языкового оформления станет предметом нашего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. М., 2000. С. 445-453.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. С. 402-425.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
4. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Избранные статьи. Том 1. Таллинн, 1992. С. 148-160.
5. Лукин В.А. Лингвистический текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
6. Шаймиев В.А. Культура языка и метатекст // Человек. Язык. Культура. Уфа, 1996.

Список источников иллюстративного материала

1. Böll H. Erinnerungen eines jungen Königs // Böll H. Mein trauriges Gesicht. М., 1968.
2. Wolf C. Der geteilte Himmel. Halle, 1967.
3. Zweig S. Novellen. М., 1959.
4. Wolf K. Selbstversuch // Wolf K. Unter den Linden. Drei unwahrscheinliche Geschichten. Berlin, 1983.

*Заюкова Е.В.
Барнаул*

ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Любая деятельность человека характеризуется интенциональностью, то есть, направленностью на объект с определенной целью и прогнозируемыми результатами. Как любые другие свойства, определяющие жизнеорганизацию человека (восприятие, оценка, эмоциональное отношение), намерение совершить какой-либо поступок, его мотивы и воздействие на окружающих, степень устремленности и способность решить проблему представляют значимые показатели личностных качеств. Именно поэтому интенциональность исследуется в психологии, где эта психологическая категория

представлена в таких проявлениях, как желание, намерение, принятие решения, планирование, попытка, направленные на совершение действия и достижение определенного результата. Интенциональность изучается также в рамках научных парадигм философии, социологии, соционики, культурологии, этнологии и ряда других исследований жизнедеятельности человека.

Язык как система репрезентации сущего имеет широкий арсенал средств выражения интенциональных смыслов. В научной литературе отмечается, видимо, как наиболее формально определенная и очевидная структура выражения намерения, конструкция **to be going + to Inf** (Лапшина 1961, Цыба 1963, Серебрякова 1982, Расторгуева, Сатель 1982, Синагатуллин 1991). Наблюдение за языковыми фактами свидетельствует о том, что кроме данной структуры характерным способом выражения интенциональности является грамматическая форма Present Continuous, одно из системных значений которой определяется как «ближайшее запланированное будущее». Все языковые экспоненты намерения выполнить действие, в том числе и лексические единицы, объединяются в единое функционально-семантическое поле на основе общности семантической функции. Однако, согласно теории функционально-семантических полей, ядро такого поля обычно составляет грамматическая форма как наиболее абстрагированная, генерализованная форма индикации (в отличие от прямой номинации – *intend, plan, desire*) заданного смысла. На основании этого в работе принимается тезис о центральном положении грамматических структур **be + V_{ing}** и **be going + Inf** в структуре функционально-семантического поля интенциональности.

Как в собственно научном, так и в аппликативном плане важно уяснить и прояснить ряд проблем формоупотребления. В частности, возникает необходимость разграничения функции глаголов *be* и *go* в структуре *be going* в актуализационных контекстах. Так, например, в предложении

(1) *As he was going downstairs, he heard the key being turned in the lock* (Wilde)

форма *be going* представляет собой простое глагольное сказуемое в форме Past Continuous со значением длительного действия, ограниченного временными рамками, в данном случае – периодом, необходимым, чтобы спуститься по лестнице и посмотреть, кто открывает дверь. Таким образом, глагол *go* здесь выступает в качестве полнозначного, актуализируя денотативное значение действия – «идти», в то время, как в предложении, приводимом ниже, его функциональное значение изменяется:

(2) “*And so, Mr. Markham, you are going to rob me of my niece, I understand. Well! I hope God will prosper your union, and make my dear girl happy at last.*” (Bronte).

Переосмысление значения формы, безусловно, зависит от многих контекстуальных факторов, в том числе и собственного значения лексической единицы, входящей в данную форму. В настоящем контексте, по-видимому, происходит следующее: во-первых, инфинитивный комплекс передает значение действия в будущем по отношению к действию, выражаемому формой *are going*, во-вторых, в нем имплицитруется целевая

установка действия цели выполняемого действия (так же, как, например, в *he is coming to help you; they are calling to invite you to the party*). Всякое целенаправленное действие, как было установлено, является действием намеренным. Это и сообщает структуре *be going* значение намерения. В качестве верифицируемой процедуры можно использовать перифраз с прямой номинацией намерения: (2.1.) ... *you intend to rob me of my niece*. Здесь *to be going = to intend*, то есть, фактически глагол *go* утрачивает свое денотативное значение и вся структура в целом переосмысливается, приобретая новое значение – значение намерения. Это значение является для данной структуры системным. В речевой актуализации в качестве сопутствующих (интенциональных) значений проявляется значение необходимости (3), и, как его варианты, – значения долженствования (4) и неизбежности (5):

(3) “*I am going to leave you a few minutes. I shall take the candle. Remain where you are till I return; be as still as a mouse.*” (Bronte)

(4) “*Darling, I’ve been talking to Michael. I’m going to put up the money to start you in management.*” (Maugham).

(5) *Doctor Bradley [...] had tried in vain to stem the spread of poison through his system. Martin was going to die, and no power could save him* (Haldeman).

В последнем случае значение неизбежности, передаваемое структурой **to be going + Inf**, имеет контекстуальную поддержку в виде пояснения причины *no power could save him*.

Одним из значимых показателей является семантика инфинитива в исследуемой структуре. В том случае, когда инфинитив выражает действие, несовместимое со значением интенциональности, то есть такое, которое не может быть запланированным, желаемым, преднамеренным, актуализируемое структурой значение определяется как «возможность» или «неизбежность», то есть в терминах логики происходящего, как выражающее событие, которому «необходимо» произойти:

(6) *The doctor says, “All right; I wash my hands of the matter. But I warn you all that a time’s coming when you’re going to feel sick...”* (Twain).

Как отмечает С.М. Полянский, при лексико-семантическом рассогласовании компонентов конструкции происходит «смещение» смысловых составляющих и основное контекстуальное значение может «заглушить» системное, инвариантное значение формы. (Полянский 1981). Референтная ситуация, представленная приведенным выше предложением, может быть охарактеризована как ситуация необходимого будущего, преимущественно (в рамках причинно-следственных отношений) связанного с настоящим. Такое формоупотребление возможно, когда выражаются объективные факты, происходящие вне зависимости от воли субъекта, а также в случаях выражения конструкцией **to be going + Inf** неизбежного действия, относящегося к определенному периоду времени.

Следует отметить, что контекст может быть детерминирующим, то есть предопределяющим актуализацию определенного значения, или блокирующим его.

К контекстуально значимым факторам относятся как семантика инфинитива, так и его грамматическая форма. В частности, пассивная форма инфинитива вступает в семантическое противоречие со значением намерения, поскольку пассивный залог требует, чтобы объект действия выступал в функции семантического экспериенцера, то есть объекта, претерпевающего направленное на него действие. Например:

(7) *I told her I was going to be apprenticed to Joe, I believed...* (Dickens).

В данном случае в исследуемой структуре актуализируется значение запланированности определенного события. Намерение здесь также имплицитно, однако, это намерение необозначенного третьего лица по отношению к лицу, обозначенному подлежащим. Интересным представляется наблюдаемое перераспределение грамматического значения пассива на форму инфинитива («меня собирались определить в ученики к Джо»), что формирует семантический эргатив (Курилович 1946).

Контекстом, релевантным для актуализации исследуемой структурой определенного значения, является форма грамматической категории лица подлежащего. При подлежащем в первом лице системное значение структуры выступает наиболее явно:

(8) *"I'm going to put up the notices on Saturday and then I want you to go abroad. We'll make Nowadays our autumn production."* (Maugham)

В таком случае имеет место прямой речевой акт и, по существу, выражение намерения приобретает форму перформатива (в терминах Дж. Остина (Остин 1989)), то есть является таким действием, как обещание, извинение, приглашение и т. д. Значимым здесь также является временная форма глагола: настоящее. При этом само действие направлено (ориентировано) на будущее, а намерение говорящий имеет в момент речевой актуализации. При подлежащем в форме второго и третьего лица имеет место ситуация «пересказа», которая снимает эффект перформативности, однако значение интенциональности сохраняется:

(9) *Michael, breathless with excitement, showed it to Julia; it could only mean that he was going to offer him a part* (Maugham).

Значение намерения «обезличивается» в предложениях с подлежащим, выраженным неодушевленными именами.

(10) *I let the poor things converse unmolested, till I supposed the songs were going to cease, and the singers to get some refreshment: then I clambered up the ladder to warn her* (Bronte).

Здесь актуализируется значение каузативности, в том смысле, что действие не заканчивается само по себе, но инициируется необозначенным деятелем. В данном конкретном примере, однако, значение интенциональности также присутствует, хотя остается в имплицитии. Имплицитивность обеспечивается параллельным употреблением однородных компонентов предложения, в одном из которых она эксплицитивована: *the songs were going to cease; the singers [were going] to get some refreshment*.

Таким образом устанавливается значимость грамматических факторов, равно как и сочетаемостных особенностей компонентов, формирующих данную структуру, то есть

становится очевидной зависимость актуализации системного значения конструкции от контекста вхождения:

(11) *“We’re going to get married in August, when I have my holiday, you know; we’re going to the Isle of Wight for the honeymoon.”* (S. Maugham).

В высказываниях подобного рода очевиден тот факт, что намерение субъекта, хотя и вызвано определенными (названными или подразумеваемыми) обстоятельствами, в большей мере представляет собой его собственную инициативу. Это также может быть «поддержано» и общим контекстом:

(12) *“Now, Esther,” interposed Mrs. Hargrave, who, if equally benighted on the subject of our estrangement, saw at least that her daughter was behaving very improperly, “I must insist upon your leaving the room!” “Pray don’t, Mrs. Hargrave, for I’m going to leave it myself,” said I, and immediately made my adieux* (Bronte).

Представляется, что психологически намерение и желание – очень близкие состояния. Это отражается и в грамматических конструкциях, передающих такие соприкасающиеся, взаимодействующие чувства. Формой близкой по содержанию к рассмотренной выше является **to be willing + to Inf**. Причиной, по которой она вычленяется в самостоятельную модель, является то, что она несет на себе дополнительные оттенки значения намерения. Это связано с семантикой глагола *will*. Значение глагола *will* «желать, хотеть» моделирует значение конструкции **to be willing + to Inf**. В отличие от конструкции **to be going + to Inf**, которая может выражать намерения субъекта, не связанные с его желаниями, передавать намерения даже в ситуациях нежелательной необходимости, когда сформированное у субъекта намерение совершить то или иное действие является вынужденным, конструкция **to be willing + to Inf** передает значение намерения только в плане отражения собственных желаний и стремлений субъекта:

(13) *“I am willing to amuse you, if I can, sir – quite willing; but I cannot introduce a topic* (Bronte).

Значение намерения совершить действие, передаваемое конструкцией **to be going + to Inf** в определенной мере ослабляется, и в ряде случаев может нейтрализоваться при выражении того, что является обычным или итеративным для того или иного субъекта, или регулярно повторяющимся:

(14) *Evidently she was always going to understand; she was always going to say the right thing* (Wharton).

По-видимому, в подобных случаях имеет место явление межкатегориальной транспозиции, когда видовая форма глагола приобретает значение необходимости, которое является одним из константных значений объективной модальности. Вместе с тем следует иметь в виду, что это не нормативное значение, а разновидность флукутации, свидетельствующая, тем не менее, о возможности функционального «выхода» формы за границы категории, которой она принадлежит формально и содержательно в системе языка.

Семантика конструкции сказывается и на стилистических и жанровых предпочтениях ее употребления. Конструкция не типична для научной прозы, назначение которой заключается в изложении и анализе фактов и закономерностей; то есть там, где излагаются общие истины или дается объективное описание каких-то явлений или событий, она практически не встречается. Отмечается, что употребление данной конструкции характерно для живой разговорной, диалогической речи, в драматургии и в художественной прозе, там, где автор передает чей-то диалог, чьи-то мысли, намерения, предположения (Цыба 1963, Серебрякова 1982). В соответствии со спецификой употребления определяется прагматическое приращение смысла, когда в зависимости от всех указанных релевантных факторов и при учете ситуации общения высказывание, включающее данную конструкцию, может выражать совет, рекомендацию, предположение, догадку, предвосхищение и так далее:

(15) *“You have saved my life,” said Dorian. “Your life? Good heavens! What a life that is! You have gone from corruption to corruption, and now you have culminated in crime. In doing what I **am going to do** – what you force me to do – it is not of your life that I am thinking.”* (Wilde (a))

Значимость контекста в актуализации значения намеренности выявлена также в употреблении грамматической формы Present Continuous. Общепринято считать, что основным системным значением длительного вида (английский термин «aspect») является значение длительного действия, ограниченного временными рамками. В Present Continuous эти временные границы сужаются до периода осуществления коммуникации. Одним из парадигматически закрепленных за этой формой значений является значение «ближайшее запланированное действие:

(16) *“**I’m coming tonight**; Michael gave me a stall.”* (Maugham)

Особенностью контекста подобного рода ситуаций является установленное время и место действия (события), существующая договоренность и выраженные или синтагматически восстанавливаемые причинно-следственные связи:

(17) *“Now listen, **Roger’s coming home tomorrow**. You know **he’s leaving Eton for good**. **I’m sending the car for him early**...”* (Maugham)

Импликация намеренности действия обусловлена следующими факторами. Прежде всего, действие, на которое указывает контекст, ожидаемо. Всякое ожидаемое действие является запланированным. Всякое планирование предполагает интенцию, или намерение совершить поступок или способствовать реализации некоторого события. Далее, «ближайшее будущее» представляет собой тот временной отрезок, который входит в рамки перцептуального времени, доступного восприятию (равно, как и время, непосредственно предшествующее настоящему, передаваемое формой Present Perfect Inclusive), когда легко проследить собственно намерение, пути его реализации и спрогнозировать ожидаемый результат:

(18) *“Lady Janet! Lady Janet! Don’t leave me without a word. Oh, madam, try to feel for me a little! I am returning to a life of humiliation – the shadow of my old disgrace is falling on me once more. We shall never meet again.”* (Collins)

Намерение совершить действие, в данном случае, обусловлено внешними по отношению к ситуации обстоятельствами и потому составляет конфликт с желаниями героя. Одновременно здесь эксплицируется перспектива разрыва отношений (*we shall never meet again*), имплицитруется неизбежность такого развития событий и глубокое сожаление (*don’t leave me without a word, try to feel for me a little*).

В отличие от структур, образованных по модели **to be going + to Inf**, для конструкций с Present Continuous более характерной является передача намерения совершить действие, являющееся вынужденной мерой, на которое субъекта подтолкнули обстоятельства:

(19) *Whether the fogs produce the serious people or whether the serious people produce the fogs, I don’t know, but the whole thing rather gets on my nerves, and so I’m leaving this afternoon by the Club Train* (Wilde (b))

Экспликация преднамеренности совершения действия или реализации события может быть контекстуальной, передаваемой лексически в описании чувств, эмоций, рациональных решений: *I’ve decided..., I’m ready to..., we plan to ..., he intends to ...* и так далее:

(20) *I have arranged the whole plan in my head: and all I want is to persuade Frederick to be of the same mind as myself. He is coming to see me soon, and then I will make the proposal to him, having first enlightened him upon my circumstances sufficiently to excuse the project* (Bronte).

Предложение *I have arranged the whole plan in my head* эксплицирует наличие плана, и, соответственно, намерения к определенному поступку. В свою очередь, возникшая ситуация предполагает наличие договоренности и обуславливает намерение другого героя участвовать в обсуждении проекта, что и становится причиной его *намеренного* приезда. Интенциональность в большей степени, чем непреднамеренное действие способствует достижению результативности.

В любом случае, форма Present Continuous имплицитует намерение совершить действие как неотъемлемую часть ближайшего будущего, которая связана с действиями человека, но не с теми событиями, которые человек не может контролировать (например, явления природы, социальные катаклизмы, форсмажорные обстоятельства).

В рамках теории функционально-семантических полей в качестве ядерного компонента данного конструкта обычно принято считать формы грамматических категорий как наиболее формализованного способа передачи конкретной семантики. В данном случае результаты анализа свидетельствуют о том, что ядром функционально-семантического поля интенциональности является структура **to be going + to Inf**, в силу того, что значение (пред)намеренности для нее является системным. Это обстоятельство является причиной ее частотного употребления. Для форм длительного вида это значение

не является парадигматическим, категориальным, поскольку его актуализация всегда контекстуально детерминирована. В заключение, для полноты представленной картины, отметим, что в данное функционально-семантическое поле с полным основанием включаются лексические единицы прямой номинации интенциональности.

Библиографический список

1. Курилович Ю.Г. Эргативность и стадиальность в языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 5. 1946.
2. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1989.
3. Лапшина Е.Г. Сочетание to be going в современном английском языке // Романо-германская филология: Сборник научных статей. М., 1961. №3.
4. Полянский А.Н. Смысловая и лексическая сочетаемость слов // Филологические науки. 1981. №3.
5. Расторгуева Т.А., Сателъ М.Э. Контрастивный анализ видовременных форм в русском и английском языках (на материале средств выражения будущего действия) // Контрастивная лингвистика и проблемы обучения иностранным языкам. Владимир, 1982.
6. Серебрякова Г.А. Грамматический статус и семантика конструкции N + is going + infinitive в современном английском языке: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. М., 1982.
7. Синагатуллин И.М. О выражении будущего времени в английском и французском языках // Филологические науки. 1991. №2.
8. Цыба Р.И. Конструкция to be going + infinitive в английском языке: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. М., 1963.

Список источников иллюстративного материала:

1. Bronte A. The Tenant of Wildfell Hall. Great Britain: Penguin books, 1994.
2. Bronte Ch. Jane Eyre. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1952.
3. Bronte E. Wuthering Heights. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963.
4. Collins W. The New Magdalen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://collins.thefreelibrary.com/The-New-Magdalen>
5. Dickens Ch. Great Expectations. Great Britain, 1994.
6. Haldeman Julius E. & A. Dust [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://haldeman.thefreelibrary.com/Dust>
7. Maugham W.S. Theatre. М., 1979.
8. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960.
9. Wharton E. The Age of Innocence. New York: Scribner Paperback Fiction, 1999.
10. Wilde O. (a) The Picture of Dorian Gray. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963.
11. Wilde O. (b) Lady Windermere's Fan. London, New York, 1995.

«МОМЕНТ РЕЧИ» И ЕГО РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХРОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Точка отсчета временных отношений в языке отражается через момент речи. Момент речи является референтом слова «сейчас» – “now”. Референтом прошедшего времени является, следовательно, время «до момента речи» («перед сейчас» – “before now”). Референтом будущего времени выступает время «после момента речи» («после сейчас» – after now) (Есперсен 1958, Lyons 1969, Кравченко 1996, Попова 1997).

Иными словами, «момент речи» есть термин для обозначения настоящего, по отношению к которому все события определяются как относящиеся к плану настоящего, прошедшего или будущего (Кржижкова 1962: 20).

Неудобство термина «момент речи» состоит в том, что «его внутренняя форма говорит как бы о мгновении речи» (Милейковская 1956: 77), однако границы «момента речи» могут трактоваться по-разному: либо как мгновение речи, либо как настоящее в более широком смысле (отличном от понимания настоящего как момента произнесения высказывания). При этом ни в первом, ни во втором случае «момент речи» отнюдь не моментален.

С одной стороны, для произнесения каждого слова в высказывании необходим определенный момент времени “n”. Следовательно, для озвучивания целого, законченного высказывания необходим период времени, равный сумме моментов: $t = n + n_1 + n_2 + n_3 + \dots + n_n$.

С другой стороны, точечная локализация настоящего времени на геометрической оси не отражает особенностей функционирования форм настоящего времени, по сути описывающих события будущего или прошлого. Например, в предложении *The steamer leaves every Tuesday in winter, but in summer both on Tuesdays and Fridays* настоящий момент является растянутым, поскольку высказывание касается расписания, существующего сейчас, действительного для текущего года и, вероятно, для нескольких прошлых и ближайших будущих лет (Есперсен 1958: 303).

Однако данная интерпретация подобных предложений разделяется не всеми авторами. По мнению Б. Комри, любая ситуация, обозначенная глаголом в форме презенса, относится к настоящему, значение которого заключается в совпадении действия с моментом речи. Б. Комри, таким образом, не принимает в расчет положения о том, что описываемая ситуация может иметь более широкую сферу распространения, включающую планы прошедшего и будущего. Распространение настоящего на сферы будущего и прошедшего представляет собой импликацию, сформировавшуюся на базе знаний об окружающей действительности и признаков структуры предложения (Comrie 1985: 37-38). Таким образом, отнесенность исключительно к настоящему моменту распространяется на ситуации типа:

(1) *John goes to work at eight o'clock* (Comrie 1985: 39).

(2) *Cows eat grass* (Comrie 1985: 41).

В примере (1) присутствует ярко выраженное хабитуальное значение. Данное свойство является истинным для Джона в любой момент настоящего, даже если в конкретный момент он не идет на работу. Следовательно, по мнению Б. Комри, принадлежность свойства хабитуальности, обыкновения к настоящему моменту, как и всего предложения в целом, неоспорима.

В примере (2) также обозначена ситуация настоящего момента. Трактовка подобных предложений как вечных истин, имеющих всевременной, универсальный характер, базируется на экстралингвистических факторах, а их привлечение к интерпретации значения языковой формы противоречит стремлению Б. Комри отделить собственно грамматическое значение от возможных влияний контекста и эмпирических знаний говорящего об окружающей действительности.

Подход Б. Комри к пониманию значения настоящего времени может быть оспорен. Выделение хабитуальных характеристик отнюдь не означает их актуальности только для момента речи. Данные свойства-обыкновения действительны для всей ситуации, имеющей широкие временные границы. Проявления описываемого свойства рассеяны в рамках широкого временного континуума, на который распространяется вся хабитуальная ситуация в целом. Очевидно, что границы хабитуальной ситуации не определены во временном континууме и захватывают как прошлое, так и возможное будущее (Бондарко 1992: 30).

Таким образом, момент речи, с одной стороны, является референтом настоящего момента «сейчас». В таком случае настоящий момент представляет собой текучую границу с точечной локализацией, которая постоянно смещается вправо по оси времени. С другой стороны, момент настоящего «сейчас» может расширяться и приобретать определенную длительность. В данном случае момент настоящего как временной центр ориентации не может иметь точечную локализацию на геометрической оси. Присущая ему длительность должна быть представлена в виде отрезка, объединяющего планы прошедшего и будущего.

Перечисленным требованиям, на наш взгляд, соответствует модель грамматического времени, представленная в работах Г. Гийома (Гийом 1992). Презенс в ней выступает как условная граница между прошлым и будущим. Вместе с тем, не прерывая ход времени, настоящее объединяет в своем значении два плана: момент наступления и ухода времени, т. е. планы прошлого и будущего.

В целом момент речи, будучи центром временной ориентации, является выражением позиции говорящего, он заключает в себе «признаки точки отсчета, исходного пункта определенной направленности в языковой интерпретации времени» (Бондарко 1992: 7).

Момент речи говорящего является основной исходной точкой отсчета хрональных отношений предшествования/следования и одновременности в рамках описываемой ситуации. Описываемая ситуация может иметь актуально-длительный или

общефактический характер. Тогда в данном случае имеет место противопоставление «синхронная vs. ретроспективная точка отсчета» (Падучева 1996). При синхронной точке отсчета говорящий описывает ситуацию, развертывающуюся перед его глазами в определенный момент времени. При ретроспективной точке отсчета говорящий и описываемая ситуация принадлежат к разным временным планам.

Кроме того, в роли точки отсчета может выступить иной момент – производный от основного пункта временной ориентации. Понятие вторичного пункта временной ориентации может быть проиллюстрировано в следующем примере:

(3) *Nothing looked right because the houses had all been flattened* (Waller).

В указанном примере ситуация главной части *nothing looked right* не совпадает с моментом речи и переносит точку отсчета в прошлое. При соотнесении ситуации придаточной части с точкой отсчета в прошлом становится очевидным, что действие придаточного предложения предшествует действию главного предложения. Отношения предшествования между двумя ситуациями в прошлом закрепляются в форме языкового глагольного знака (Past Simple / Past Perfect).

Из примера (3) видно, что грамматические времена Past Simple и Past Perfect имеют разнохарактерные временные центры. В целом, абсолютные и относительные времена (примерами которых являются Past Simple и Past Perfect соответственно) имеют общее свойство локализации событий на временной оси, но их временные центры имеют разную природу (Макрова 1992: 5).

Формы так называемого абсолютного времени указывают на то, что действия, выраженные ими, локализуются на временной оси до/после момента речи или совпадают с ним. Роль момента речи, таким образом, для форм абсолютного времени первостепенна. Глагольные формы считаются относительными, если при их использовании происходит соотнесение не только с моментом речи, но и с другой точкой отсчета, представленной каким-либо иным действием, ситуацией и т. п. (Бойко 1964: 3-6).

Таким образом, будучи основной исходной точкой отсчета временных отношений между событиями реальной действительности, момент речи объективируется в системе грамматических форм времени. Данная системно-языковая точка отсчета определяется как «временной дейктический центр», представляющий собой «сложившееся в данной языковой системе и ее подсистемах отражение внеязыкового момента речи как того центра временной ориентации, который выступает в процессе речи и в речевых произведениях» (Бондарко 1992: 8).

Важно отметить, что момент речи неотъемлем от фигуры говорящего. Восприятие, осознание и оценка ситуации или события мыслящим субъектом возможно только посредством соотнесения ситуации-события с моментом осознания своего собственного положения в конкретном месте в конкретное время. В этой связи следует согласиться с мнением А.В. Кравченко, утверждающим, что «центром координации, или точкой отсчета различных видов указания ... является человек как субъект познания

окружающей действительности, или субъект восприятия» (Кравченко 1996: 75). Иными словами, фигура говорящего выступает в роли ориентира, относительно которого в акте актуализации ведется отсчет времени и пространства (Апресян 1986: 7).

В зависимости от целей высказывания говорящий, ориентируясь на момент речи и соотнося содержание передаваемой мысли с данной точкой отсчета, выстраивает временную перспективу предложения путем выбора тех грамматических форм, которые наиболее адекватно отражают течение реального объективного времени и особенности его восприятия мыслящим индивидом. Поскольку время в языке неотъемлемо от глагола, то идея времени воплощается в системе глагольных категорий, которая, в сущности, должна отражать этапы ментального постижения хрональных отношений объективной реальности в сознании человека.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. 1986. С. 5-33.
2. Бойко В.Г. Об абсолютном и относительном значении перфекта настоящего времени в современном английском, немецком и шведском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
3. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1992.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: Сб. неизд. текстов. М., 1992.
5. Есперсен О. Философия грамматики / Ред. и пред. проф. Б.А. Ильиша. М., 1958.
6. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.
7. Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1962. №3. С. 17-26.
8. Макрова В.С. Временные отношения плана прошедшего в английском языке (лексико-грамматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
9. Милейковская Г.М. О соотношении объективного и грамматического времени // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 75-79.
10. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
11. Попова М.И. Когнитивная основа пространственной модели временных отношений в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1997.
12. Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.
13. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1969.

Список источников иллюстративного материала

1. Waller L. Tango Havana. London, 1993.

ПРОПОЗИЦИЯ КАК СМЫСЛООРГАНИЗУЮЩАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Термин «пропозиция» образован от латинского корня “propositio”, который изначально употреблялся в логике для обозначения суждения. При переносе термина в область лингвистики он стал обозначать предложение как форму выражения суждения. При этом и в том, и в другом случае под пропозицией понималось то, в чем мы убеждены, когда наше убеждение истинно или ложно (Рассел 1999). Поскольку для лингвистики значения истинно / ложно иррелевантны, содержание термина претерпело изменения, сузившись до обозначения смыслового наполнения высказывания. Иными словами, при переходе из одной научной парадигмы в другую, из области мышления в область репрезентации мысли о мире, данное понятие стало применяться не к форме мышления, а к содержанию предложения, в котором отражается видение мира (Арутюнова 1976: 24).

Итак, у Б. Рассела пропозиция – это «содержание веры», то есть то, что, как думает индивид, истинно либо ложно. Рассматривая пропозицию как актуальный факт, он выявляет одно из ее главных свойств – актуальность в речи, соотносящуюся с реальностью. На этом основании Б. Рассел прибегает к использованию термина «референция», говоря об отношении пропозиции к факту действительности (Russell 1956: 314). Значением предложения по Б. Расселу является истинность предложения, относящаяся к факту действительности. В своей теории Б. Рассел, и вслед за ним многие другие ученые, в частности, К. Айдукевич, выявляют соотношение пропозиции и глаголов пропозиционального отношения, а также рассматривает предложения с многоместным предикатом, который приводит к усложнению не только структуры, но и содержания, формируя единицу, передающую не одно, а несколько суждений. К. Айдукевич соотносит свойства реального мира, соответствующие смыслу предложения, с пропозицией (Ajdukiewicz 1967).

Концепция Б. Рассела нашла отражение в теории Л. Витгенштейна, который считал предложение отражением мира, также указывая на определенное соотношение пропозиционального знака и реального мира. В плане развития теории он определил различие семантики простого знака и знака пропозиционального (Витгенштейн 1958: 38). Л. Витгенштейн полагал также, что логический пропозициональный предикат «быть истинным/ложным», используемый в предложении, обозначает его истинность или ложность. Таким образом, истинность/ложность, согласно Л. Витгенштейну, определяется в сочетании пропозиции с определенным семантическим типом предиката, но не основывается на самом понятии «истинно/ложно». Это означает, что «простое суждение», утверждающее некоторое состояние дел, должно быть «одето в одежду» (Wittgenstein 1953), сообщаящую ему это значение истинности или ложности, как, например, в следующих случаях:

(1) *It was the hottest August on record, but yesterday Tess had been sweltering in tailored leather suits with boots, gloves and overcoats. That was the fashion world for you.*

Summer was already over for fashion editors. Most magazines were shooting autumn/winter clothing for their October and November issues. Dripping heat and stifling, scratchy wool jumpers, fur-trimmed coats, sheepskin accessories. And then swimwear in winter. Sure, there were the trips abroad to find sun and lighting conditions, but a lot went on in Britain (Franklin).

(2) *I have been a flight instructor, and I know that students always make easy things hard (Bach).*

Дальнейшее развитие идея отношения пропозиции к утверждению (предложению) получила в трудах К. Льюиса, который определяет пропозицию через новый метаязыковой номинант – «терм», обозначающий «положение дел». Полагая, что содержание пропозиции может быть подвергнуто разного рода модификациям, в том числе отрицательным и вопросительным, К. Льюис отмечает: «Пропозиция есть нечто утверждаемое (assertable), содержание утверждения, причем то же самое содержание, обозначающее то же самое положение дел, может быть подвергнуто запросу, отрицанию или только предложению» (Lewis 1946: 49).

В структуре пропозиции важную роль играет денотация, то есть обозначение содержания отражаемой ситуации, которая, по мнению ряда ученых, также определяется истинностью пропозиции. Таким образом, когда интуитивно под пропозицией понимают то, что выражает предложение, то есть то, о чем можно сказать, истинно оно или ложно, это позволяет считать пропозицию носителем истины, которая не зависит от воспринимающего мир и говорящего субъекта. Но если в рассуждения вводится такой компонент, как субъект (восприятия, оценки, говорения), то становится очевидным, что пропозиция сама по себе не может быть ни истинной, ни ложной, поскольку для этого необходима коммуникативная целеустановка, которая приводит к формированию суждения (Арутюнова 1976: 34).

Сказанное позволяет заключить, что в логике существо пропозиции определяется через ее функцию содержательной основы суждения. Можно говорить о том, что во всех рассуждениях отмечается тенденция к «разведению» таких показателей, как содержательная часть суждения (диктум) и ее квалификация в смысле соответствия действительности (модус). Истинностное определение пропозиции постижимо в логических спекуляциях и верифицируемо в пространственно-временном континууме.

Выполняя свою репрезентативную функцию, языковая форма оформляет суждение и передает его содержание при помощи такой структуры, как предложение-высказывание. Согласимся с утверждением о том, что в языке не существует показателей, маркирующих истинность или ложность высказываемого (Трунова 2001). Вместе с тем нельзя не признать, что именно пропозиция составляет основу предложения и формирует его смысловое наполнение. При этом в лингвистике пропозиция может толковаться как инвариантное содержание форм предложения, которое характеризует смысловую связь имен и предикатов. Отмечается, что «осмысленное высказывание в своем конструировании подчиняется трем программам: семантической согласованности,

лексической сочетаемости и синтаксическому управлению» (Кравец 2004). Однако, если выстроить систему соответствий в триаде «референтная ситуация – пропозиция – предложение», проводя параллели между первой, второй и третьей ее составляющими, нетрудно заметить, что семантическая согласованность основывается на внутрипропозициональных соответствиях (что является дополнительным аргументом в пользу объясняемой гипотезы о роли пропозиции в формировании смысла предложения). С другой стороны, пропозициональное содержание детерминировано характером отношений объектов и признаков в референтной ситуации. Такая схема дает понимание границ сочетаемости, почему, например, можно сказать “*exchange thoughts*”, можно “*exchange ideas*” или “*exchange places*”, но нельзя “*exchange brains*” или “*exchange fates*”. Объяснение кроется не в традиционном понимании сочетаемостных возможностей лексических единиц, но в имеющемся познавательном опыте, хранящемся в сознании в виде представлений о «прототипических» ситуативных состояниях. Соединение системно не сочетающихся лексических единиц, что закреплено сознанием как нарушение норм отношений «объект – признак» в онтологии, приводит к образованию стилистических приемов, таких как оксюморон, зевгма, метафора:

(3) *As usual, the annual meeting of the American Psychiatric Association was a chaotic potpourri of squabbles, tantrums, and an extraordinary amount of antisocial behavior* (Segal).

(4) *The shrieking headlines stirred up a mass hysteria* (Segal).

В теории языка существует достаточно широкий терминологический и понятийный «разброс» в отношении того, что является содержательной базой предложения-высказывания. В качестве таковой выступают: «семантическая структура», «базовая структура», «внутренняя структура», «глубинная структура», «семантическая структура». Понятие смысла при этом остается неизменным и рассматривается как «более или менее сложным образом организованная совокупность предикатных выражений» (Богданов 1977: 3). Формируя предложение, смысл, между тем, не является предложением, но представляет собой отдельное от предложения явление. В.А. Звягинцев указывает на тесную связь формальной оболочки предложения и смысла, полагая, что смысл – неизменная составляющая предложения, а при отсутствии смысла предложение распадается на определенное количество слов-знаков (Звягинцев 1976: 177, Бенвенист 1974: 88). Наделенное смыслом высказывание содержит в себе пропозицию, которая «образует глубинную структуру ситуации и основу для равнозначных трансформаций и перефразирований синтаксических структур с заполненными позициями» (Никитин 1988: 120). На семантическом уровне пропозиция рассматривается в качестве «неориентированной» структуры, включающей в себя «предикат с заполненными валентностями» (Манаенко 2006: 68-69).

Возвращаясь к логической теории, отметим, что большое количество логических концепций объясняется тенденцией к изменению характера мировосприятия. Стремление уяснить положение дел в реальном мире дает толчок к изучению значения предложения.

Если изначально значение предложения представлялось совокупностью значений тех слов, которые в него входили (Арутюнова 1976: 21-23), то на современном этапе значение предложения «складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций» (Падучева 1974: 12). Эта идея обозначена работах Л. Витгенштейна, который полагал, что «лишь предложение наделено полновесным смыслом, и только в широком контексте предложение имеет возможность эти смыслы передавать» (Витгенштейн 1958: 31). Очевидно, эта концепция формируется в противопоставлении предложения и более простой содержательной единицы – слова.

В теории предложения такое сопоставление предложения и слова проводится достаточно часто на том основании, что они обладают, по меньшей мере, одной общей характерной чертой: несут в себе определенную мысль. В ряде случаев это настолько очевидно, что не требует подтверждения. Например, все событийные имена представляют собой фактически свернутые пропозиции отражения событий: *wedding*, *hurricane*, *earthquake*, *ball*, потому что соответствуют передаваемым ими ментально закрепленным моделям событий, которые они именуют. Они могут развертываться в эксплицитные пропозициональные структуры или встраиваться в другие пропозиции, способствуя созданию полипропозитивных форм.

В настоящее время уже общепринято проводить разграничение значения и смысла. Идея их разграничения принадлежит Г. Фреге, который впервые показал, как осуществляется «приращение смысла» в процессе речевой актуализации лексических единиц и синтаксических конструкций (Frege 1952, Фреге 1977). В силу своей строгости и внутренней непротиворечивости данная теория Г. Фреге стала основой последующих исследований в области значения предложения, его смысла и пропозиции как его смысловой основы.

Если в своей теории Г. Фреге, говоря о смысле предложения, использует термин *Gedanke*, то его последователь англичанин А. Черч вводит термин “proposition” для обозначения смысла предложения. Г. Фреге в своей работе рассматривает смысл предложения (*Gedanke*) как нечто субъективное, зависящее от индивида. У А. Черча пропозиция является абстрактным объективным содержанием. С другой стороны, английский ученый рассматривает референцию в качестве истинного значения предложения, таким образом, определяя пропозицию через концепт истинности значения и его отношение к смыслу, (Черч 1960: 32).

В теории речепорождения под пропозицией понимается некое мыслительное содержание, выражающее некое событие или определенное «положение дел» (Кацнельсон 1986: 135). Пропозиция состоит из членов-носителей отношений, которые объединены посредством реляционного предиката:

(5) *Janis and Art subsequently became close friends* (Crichton).

При этом именно глагольное предложение «есть первичный способ именования какой-либо пропозиции» (Гришаева: www). Неся в себе некий момент образности,

пропозиция более естественно отображает ситуацию, нежели предложение. Рассуждая о пропозиции, С.Д. Кацнельсон сравнивает ее с картиной, на которой изображен целостный эпизод, не требующий определенного порядка рассмотрения конкретных деталей (Кацнельсон 1984: 6).

Для вербализации пропозиции необходимы следующие составляющие: продуцент, выражающий свою мысль посредством предложения, реципиент, то есть тот, кто воспринимает данную информацию, а также та ситуация, о которой идет речь. Наличие данного триединства вербализует пропозицию.

Высказывание определенно соотносится с некоторым событием или ситуацией. Согласно ситуативной концепции В.Г. Гака, высказывание является абсолютным языковым знаком (Гак 1967), а «референтом высказывания является ситуация, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» (Гак 1973: 358). То есть В.Г. Гак в качестве коррелята высказывания между высказыванием и референтной ситуацией рассматривает ментальный образ этой ситуации.

Обозначающее (высказывание) и обозначаемое (ситуация) неразрывно связаны. В философском понимании ситуация получила описание живого существа по отношению к ее окружению (Философский словарь 2000). В лингвистике ситуация определяется через понятие «контекста речи», то есть неких условий, в которых проходит действие (Ахманова 1966). Г.Г. Сильницкий определяет ситуацию как выраженную посредством предложения «сложную семантическую единицу» (Сильницкий 1972: 373-391), В.С. Храковский считает, что «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который принято называть индивидуальной денотативной ситуацией или событием» (Храковский 1972: 5). Если одни ученые относят понятие ситуации к области языка, другие соотносят его с представлением о мире, окружающей средой либо способе мышления о мире, то данное определение относит понятие ситуации и к области языка, и к миру, и к мышлению (Арутюнова 1976: 7). Понимая под ситуацией некое событие, воспринимаемое в пространственно-временном континууме, Ю.К. Лекомцев полагает, что, хотя ситуация и описывается посредством языка, важным является «понятие психического образа такой ситуации (реальной ситуации), так как большая часть знаковых выражений относится не к непосредственному воспринимаемому (здесь и теперь), а к некоторому образу памяти» (Лекомцев 1973: 446-447). Наличие прото-ситуации (реальной ситуации) вызывает у индивида определенный психологический образ, на основе которого человек описывает данное событие.

Для того, чтобы состоялся акт коммуникации, необходимы непосредственные участники: продуцент и реципиент. Опираясь на референтную ситуацию, индивид осмысливает ее и выражает в речи при помощи синтаксических моделей. Однако каждый

индивид воспринимает полученную им информацию по-своему, все зависит от того, каким образом данная информация излагается, и какие факторы тому сопутствуют. Пропозиция отображает взгляд реципиента на мир действительности, интерпретирует его (Манаенко 2006: 68-69). Сказанное позволяет сделать вывод: при порождении предложения формируется последовательность: реферативная ситуация – пропозиция – структурная модель предложения.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград, 1977.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
6. Гак В.Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
7. Гак В.Г. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики – 1972». М., 1973.
8. Гришаева Л.И. О переходе языка в речь: когнитивная интерпретация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=B25DAFB01A41430999C756F35D7D141C
9. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
10. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Введение в языкознание. 1984. №4. С. 3-6.
11. Кравец А.С. Три парадигмы смысла // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №6. 2004. С. 75-93.
12. Лекомцев Ю.К. Психическая ситуация, предложение и семиотический признак // Сборник научных статей в честь М.М. Бахтина / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1973. С. 444-463.
13. Манаенко Г.Н. Пропозиция и осложненное предложение // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань, 2006. Т.2. С. 98-71.
14. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
15. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
16. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999.
17. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуации и семантические классы глаголов. М., 1972.
18. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул-Новосибирск, 1991.
19. Философский словарь 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mirslovarei.com/fil_A/
20. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып.8. М., 1977. С. 351-379.
21. Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1972.
22. Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960.
23. Ajdukiewicz K. Proposition as the Connotation of Sentence. «Studia logica», 1967, t. XX.
24. Lewis C. An Analysis of Knowledge and Valuation. La Salle, 1946.

25. Frege G. On Sense and Reference // Translations from Philosophical Writing of Gottlob Frege. Oxford, 1952.
26. Russell B. On Propositions: What They Are and How They Mean. London, 1956.
27. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

Список источников иллюстративного материала

1. Bach R. Illusions. Random House, 1977.
2. Crichton M. A Case of Need. New American Library, 1980.
3. Franklin C. Woman in the Mirror. Harper Collins Publishers, 1999.
4. Segal E. Doctors. Bantam, 1989.

*Келлер И.М.
Томск*

ИМПЛИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДЕЙСТВИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛА

Все данности, существующие в мире и отражаемые в человеческом сознании, подразделяются на две предельно общие категории – объекты (вещи) и признаки. Будучи воспринятыми и осмысленными человеком, они получают именование в языке. Разграничение объектов и признаков является онтологической основой вычленения в языке двух обширных классов полнозначных слов – имён (объектных, вещных слов) и предикатов (признаковых слов). Первый класс определяется как класс существительных, второй (признаковый) включает глагол, прилагательное и наречие. Глагольный признак передаёт динамичность действия, признак, обозначаемый прилагательным или наречием, статичен. Причём наречие выражает «признак признака», или «вторичный признак». Динамика действия развёртывается в пространстве и времени. Временные характеристики и способ протекания действия передаются в языке морфологическими категориями времени, вида и таксиса.

Мир объектный в восприятии первичен. Объекты воспринимаются и квалифицируются по пространственной доминанте, то есть как физические тела с пространственной границей. Поскольку объекты обладают признаками, то в процессе познания эти признаки вычленяются сознанием и генерализуются, обобщаясь и абстрагируясь от конкретного объекта. Результатом этого процесса является раздельное именование объекта и его признака в языке, например: *unmarried woman, loud speech, high hill*. Такие случаи представляют явление расчленённой номинации, то есть когда называется объект и отдельное именование получает его признак (*knee socks, flat shoes*).

Объекты и признаки представляют собой не абсолютные, а относительные категории (в данном случае термин «категория» используется в философском представлении мира), поскольку сущность, являющаяся признаком, может выступать в другом отношении как имеющая признаки (например, *dark night – deep darkness [of the night]*), то есть как объект (Никитин 2000: 32). Поэтому действие как динамический признак объекта также может иметь собственные признаки (*speak fluently – accurate*

fluency of speech). Способ этого именованя действия и его признака определяется, как и любое языковое выражение, когнитивными и прагматическими факторами.

Поскольку именование в целом является закономерным итогом познания, логично предположить, что оно отражает характер когнитивной активности, порождающей все остальные (Найссер 1981: 30-31). Способ номинации, таким образом, является рефлексией характера восприятия сущностей человеком. Результатом атомарного, раздельного восприятия действия и его признаков выступает в языке их расчленённая номинация, когда глагол, передающий действие, определяется наречием, выражающим признак действия:

(1) *He was watching her carefully now, his dark eyes wary* (Sheldon).

Явление расчленённой номинации наиболее частотно в актуализации, поскольку представляет собой норму языковой репрезентации, когда генерализованный признак эксплицируется при помощи дополнительной обозначающей его лексемы, которая сопровождает лексему, называющую само действие.

Восприятие действия и его признаков может быть не только атомарным, но и целостным, что приводит к более высокому, более сложному уровню их осмысления и в итоге к нерасчленённому именованию в языке (например: *mumble* – произносить невнятно, *whisper* – говорить очень тихим голосом, *toddle* – ходить, неуверенно ставя ноги). Таким образом, в процессе языковой репрезентации реальной действительности признак действия может не только эксплицироваться при помощи отдельного признакового слова, но и имплицироваться в семантической структуре слова, обозначающего действие.

Анализ имеющегося корпуса примеров нерасчленённой глагольной номинации показывает, что среди глаголов, семантически осложнённых признаковой характеристикой действия, можно выделить несколько тематических групп. Самой обширной среди них оказывается группа глаголов движения. В этих глаголах доминирующей семой, или гиперсемой, передающей суть процесса, является сема [move]:

(2) *Oddly, however, as the engines strained louder and the chopper hurtled through the air, Langdon could see that the quarries were not getting any closer* (Brown (a)).

Семантика глагола *hurtle* определяется следующими составляющими компонентами содержания:

- move
- at great speed
- in an uncontrolled manner (COED).

Помимо гиперсемы [move], в семантической структуре глагола содержатся признаковые семы ([быстро] и [бесконтрольно]), то есть его семантика осложнена по линии качественной спецификации действия (хотя вполне возможно, что грамматически верно сказать *He moved quickly and uncontrollably*).

Точно так же определяется семантическое содержание глагола *lumber*:

- to move slowly and awkwardly (CALD).

(3) *As the armored truck **lumbered** toward the top of the ramp, Vernet could feel the sweat already collecting beneath his driver's cap* (Brown (b)).

Среди глаголов с осложнённой семантической структурой, в значениях которых выделяется общая сема [move], есть также глаголы, которые могут означать не только результирующие, но и каузативные действия. Например, глагол *inch*:

– to move somewhere very slowly and gradually, or to make something do this (MEDAL).

(4) *Just then a tiny Volkswagen **inched** past their VW bus, like an infant running ahead of its mother, and Kent looked bemused* (Shea).

В данном случае глагол *inch* имеет результирующее значение, в котором выделяется сема действия [move] и признаковые семы [slowly] и [gradually], в то время как в предложении, приводимом ниже, в семантической структуре рассматриваемой глагольной лексемы имплицированы признаки каузативного действия:

(5) *Without breaking eye contact, the killer **inched** his hands across the ceiling of the van until he found what he was looking for* (Brown (a)).

Во многих случаях нерасчленённой номинации действия и его признака в тематической группе глаголов движения *move* является не ближайшим, а отдалённым гиперонимом по отношению к глаголам с семантикой, осложнённой признаковой характеристикой.

Среди глаголов движения выделяются частные группы с такими общими семами, как [walk] (*shuffle, stride, stalk* и др.), [go] (*nip, scoot, sneak* и др.), [run] (*jog, lollop, lope* и др.), [flow] (*stream, seep, pour* и др.) и прочие, например:

(6) *McMurphy's loose smile spread out on his face as he watched the doctor's trance, and he pushed his cap to the back of his head and **strolled** to the doctor's side, startling him with a hand on the shoulder* (Kesey).

Дефиниционный анализ глагола *stroll* показывает следующее:

– walk

– in a leisurely way (COED).

Следовательно, в его семантическую структуру входят сема действия и признаковые семы [бесцельно], [неспешно], [прогуливаясь].

Приём семантического расширения позволяет определить специфику семантики единицы интерпретации действия, обозначенного данным глаголом:

walk – to move at a regular pace by lifting and setting down each foot in turn (COED).

Семантика ближайшего гиперонима к глаголу *stroll*, таким образом, сама осложнена по линии качественной спецификации действия. Поэтому понятие, выражаемое *stroll*, соответствует второй ступени спецификации гиперсемы [move].

Рассмотрим ещё один пример:

(7) *I had to park my Ford by the side of the road, get out, and **sprint** nearly half a mile, head down, arms pumping, breath tearing in and out of my throat as warm as something that you've carried in your armpit* (King).

В семантической структуре выделенной лексемы имплицированы признаковые характеристики действия, что видно из словарной дефиниции:

sprint – to run very fast for a short distance (LDCE).

Единица интерпретации действия, использованная в данной словарной дефиниции, в свою очередь, определяется в толковом словаре следующим образом:

run – to move quickly on foot by moving your legs more quickly than when you are walking (LDCE).

Таким образом, *run* соответствует первой ступени спецификации гиперсемы [move], а *sprint* – второй.

Помимо глаголов движения обнаруживаются и другие тематические группы глаголов, семантически осложнённых признаковой характеристикой действия, наиболее многочисленную из которых составляют глаголы говорения с общими семами [talk] (например, *chatter*, *babble*), [speak] и [say] (*mumble*, *whisper*, *declare*, *grumble* и др.), [ask] (*beg*, *demand* и др.), [shout], [cry] (например, *yell*, *scream*, *cry*) и прочие:

(8) ‘Well, he wasn’t talking to anyone most of the time, but I did see him **chat** with Mr Whitaker from the bookshop.’ (Robinson, 276)

Глагол *chat* имеет следующую словарную дефиницию:

– to talk to someone in a friendly informal way (CALD).

Таким образом, он не только означает действие, но и имплицует в своей семантической структуре его признаковые характеристики.

Среди глаголов говорения, семантически осложнённых признаковой характеристикой, чаще, чем в других тематических группах обнаруживаются случаи метафорического переноса. Сюда относятся глаголы звучания, выступающие в функции вторичной номинации. Приведём следующий пример:

(9) ‘Hey, it’s Otto Waterhouse, the infamous killer cop and cop killer!’ **roared** Hagbard, swilling down beer from his huge stein (Shea).

Согласно толковому словарю, глагол *roar* многозначен. Среди его значений находим следующие:

- 1) to make a deep, very loud noise;
- 2) say or shout something in a deep, powerful voice;
- 3) to laugh loudly and continuously;
- 4) to move very quickly and noisily (LDCE).

Исходное, прямое значение данного глагола – «реветь, рычать» (звук, издаваемый животным, например, львом). В процессе метафоризации импликационные признаки исходного словозначения [deep] и [loud] генерализуются, становятся основанием для сравнения двух действий и выходят в интенционал переносного значения говорения, составляя его гипосему. В целом же в случае употребления глагола *roar* в функции вторичной номинации происходит перенос обозначения звука, издаваемого животным, на звук, издаваемый человеком, точнее на манеру звучания его речи. В то же время это

приводит к импликации признаковой характеристики говорения в семантической структуре данного глагола.

Кроме значения говорения, данный глагол может употребляться в переносном значении, обозначая смех (10) и движение (11):

(10) *Uncle Willie **roared** with laughter* (Sheldon);

(11) *The X-33 space plane **roared** into the sky and arched south toward Rome* (Brown (a)).

При этом так же, как и в вышеприведенных случаях, происходит передвижение сем по оси «интенционал – импликационал», что позволяет употреблять глагол *roar* в переносном смысле.

Помимо случаев импликации признаковых характеристик таких действий, как движение и говорение, это явление наблюдается в структуре глаголов, передающих зрительное восприятие (*gaze, glance*), например:

(12) *Mandy **glared** at her, then settled down to playing with her curls again* (Robinson, 44);
glare – to look angrily at someone for a long time (LDCE).

Также можно выделить группы глаголов со значением «смех» (*giggle, chuckle* и др.), «улыбка» (*grin, beam* и др.), способ поедания (*nibble, munch* и др.), чтение (*scan, skim* и др.) и прочие.

В значениях некоторых из обнаруженных глаголов в качестве сильного (жесткого) импликационала содержится семантический компонент причины или цели совершения действия. Рассмотрим следующий пример:

(13) *We **peered** into the hiding place under the back stairs, which contained a jumble of discarded overshoes and single mittens, and an umbrella with broken ribs* (Atwood (a), 108);
peer – to look very carefully or hard, especially because you are having difficulty in seeing (LDCE).

Сильный (жесткий) импликационал значения глагола *peer* составляет семантический компонент «причина совершения действия». В качестве гиперсемы интенционала выступает сема действия [look], а в качестве гипосемы – признаковая сема [very carefully or hard].

Отдельную группу глаголов нерасчлененной номинации действия и его признака составляют глаголы звучания. В прямом значении эти глаголы имплицитно разнообразные признаки издаваемых звуков:

(14) *They've given me a small electric fan, which helps in this humidity. It **whirs** on the floor, in the corner, its blades encased in grille-work* (Atwood (b));
whir – to make a low, continuous, regular sound (COED).

Корпус примеров позволяет выявить немногочисленные по количественному наполнению (два-три глагола в каждой группе) группы глаголов, объединённых такими общими семами действия, как [meet] (*bump, encounter*), [throw] (*hurl, toss, fling*), [take hold] (*seize, grab, snatch*) и некоторые другие. Например, одну из таких микрогрупп составляют глаголы с общей семой [encourage], в семантической структуре которых имплицитно признаки действия:

(15) *'Out with it, man,' Aspern prodded* (Robinson, 64);

prod – to strongly encourage someone to do something (LDCE).

(16) *He had always urged his students to understand the overall tones and motifs of an artistic period rather than getting lost in the minutia of dates and specific works* (Brown (a)).

urge – to encourage or entreat earnestly to do something (COED).

Глаголы могут выражать также состояния, в частности, чувства, эмоции, переживания, испытываемые человеком, либо свойства предметов. В этом ряду также есть глаголы, семантическая структура которых осложнена признаковыми характеристиками:

(17) *Bourget Airfield's night shift air traffic controller had been dozing before a blank radar screen when the captain of the Judicial Police practically broke down his door* (Brown (b));

doze – to sleep *lightly* (COED).

(18) *I haven't been back inside Avilion since they converted it; it reeks no doubt of baby powder and sour urine and day-old boiled potatoes* (Atwood (a), 49).

reek – to smell strongly and unpleasantly of something (LDCE).

В группе глаголов, выражающих чувства и эмоции человека, выделяются подгруппы глаголов, объединённые гиперсемами [want], [like] и [dislike]. Семантические признаки, имплицированные в структуре их лексического значения, по существу представляют собой семы усилительной экспрессии:

(19) *The Pope's summer residence? Aringarosa had never been, nor had he ever desired to see it* (Brown (b));

desire – to strongly wish for or want (COED).

Представленный в данной статье анализ языковых фактов свидетельствует о следующем:

1. Языковая система, как любая другая система вообще, обладает широким потенциалом в плане осуществления своего предназначения, то есть своих функций. В данном случае – функции номинации происходящего и мыслимого, поскольку одно и то же явление может быть представлено разными языковыми формами. При этом выбор остается за пользователем системы (то, что в лингвистике принято рассматривать как человеческий фактор). Таким образом получается, что есть система со своим порядком организации и законами актуализации, и есть человек, использующий эту систему в своих целях и интересах и в силу необходимости поименовать то, что он увидел и уяснил, и сделать свои мысли достоянием другого человека. Достижение цели возможно, только если а) все члены языкового сообщества в одинаковой степени знакомы с используемой ими системой и б) если все используют её согласно заданным в ней самой предписаниям.

2. Характер номинации может быть расчленённым, когда каждая данность или мыслимая сущность, их свойства, признаки, оценка значимости, степень проявленности

изменений именуется отдельными языковыми единицами (например, «маленький ребёнок» и «старый человек», «бег на длинные дистанции» и «бег на короткие дистанции с заменой бегуна») и нерасчленённым, когда одно слово передаёт и данность и её сущность (например, «младенец» и «старик», «спринт» и «эстафета»).

3. Тип номинации зависит от а) характера восприятия и осмысления воспринимаемого, б) коммуникативной ситуации (включающей наличие общих знаний у коммуникантов, их социальный статус, характер межличностных отношений и многое другое), в) прагматической задачи.

Актуализационное значение языковой единицы нерасчленённой номинации определяется её семантической структурой в системе и обеспечивается механизмом передвижения сем по оси «интенционал – импликационал».

Библиографический список

1. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб, 1996.
3. [CALD] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2005.
4. [COED] Concise Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://traduko.lib.ru>
5. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1995.
6. [MEDAL] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2007.

Список источников иллюстративного материала

1. Atwood M. (a). The Blind Assassin. New York: RosettaBooks, LLC, 2003.
2. Atwood M. (b). The Handmaid's Tale [Электронный ресурс]. 1985. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng4/atwood2.html
3. Brown D. (a). Angels and Demons [Электронный ресурс]. 2000. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/angels.html
4. Brown D. (b). The Da Vinci Code [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/davinci.html
5. Kesey K. One Flew over the Cuckoo's Nest [Электронный ресурс]. 1962. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng2/cuckoo.html
6. King S. The Green Mile [Электронный ресурс]. 1996. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng/king02.html
7. Robinson, P. Playing with Fire. London: Pan Books, 2004.
8. Shea R. Illuminatus! [Электронный ресурс]. 1975. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/illuminatus.html
9. Sheldon S. If Tomorrow Comes [Электронный ресурс]. 1985. Режим доступа: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/sheldon01.html

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

Метафора как одно из самых многогранных и загадочных явлений языка выступает вот уже на протяжении более двух тысяч лет объектом междисциплинарного изучения. Постижением сущности данного языкового феномена занимаются представители различных отраслей научного знания: логики, риторики, поэтики, философии, психологии, литературоведения, культурологии, лингвистики.

Представления о метафоре и способах её изучения во многом были обусловлены исходными принципами той научной парадигмы, которая занимала господствующее положение на том или ином этапе развития лингвистической теории. В рамках традиционного подхода метафора рассматривалась, прежде всего, как средство создания образности в языке, как способ «украшения» речи, а также как одно из важнейших средств, участвующих в расширении словарного состава в количественном и качественном отношениях. Прочно укрепившийся на рубеже XX-XXI веков когнитивный подход к описанию языковой семантики позволил перейти при изучении метафоры на качественно новый уровень, открыть новые перспективы для рассмотрения метафоры как элемента языка и мышления. В рамках когнитивного подхода (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.Н. Баранов, А.П. Чудинов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.) языковые явления рассматриваются в их связи с познавательной деятельностью человека, его сознанием. В осуществлении процессов категоризации и концептуализации окружающего мира важнейшая роль отводится метафоре. При когнитивном подходе метафора определяется «как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» (Чудинов 2001: 26). Основное положение когнитивной теории метафоры заключается в следующем: метафоризация основывается на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации происходит структурирование областей цели по образцу источника, то есть наблюдается «**метафорическая проекция**» или «**когнитивное отображение**» (Баранов 2004: 9). По мнению А.П. Чудинова, «концептуальная метафора отражает национальное, социальное и личностное самосознание, она формирует отношение человека к миру. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создаёт при помощи метафор тот мир, в котором он живёт» (Чудинов 2001: 26).

Настоящая статья посвящена когнитивному исследованию системы метафорических моделей в текстах спортивных репортажей. Спортивный репортаж представляет собой жанр новостной журналистики, в котором рассказ о событии ведётся (в электронных СМИ) или как бы ведётся (в прессе) одновременно с развёртыванием действия. Письменный текст, например, не способен отразить событие целиком, поэтому

журналисту приходится не только воссоздавать естественный ход событий, но и давать им оценку, излагать самые яркие эпизоды, стараясь эту яркость, динамичность событий передать за счёт отбора наиболее значимых деталей и привлечения разнообразных языковых средств (метафоры, метафорического эпитета, сравнения, иронии, гиперболы, литоты и т. п.).

В данной работе разнообразные метафорические модели, находящие отражение в спортивном репортаже, дифференцированы на основе метафорической экспансии различных понятийных полей. В рамках одной статьи не представляется возможным отразить весь спектр источников метафорической экспансии («Война», «Медицина», «Мифология», «Религия», «Искусство», «Техника», «Природа», «Экономика», «Эмоции», «Жизнь и смерть» и др.) в понятийную сферу «Спорт», поэтому более детально мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Одной из наиболее продуктивных ментальных сфер-источников метафорической экспансии является понятийная сфера «Война». Ярким доказательством тому служит большое количество метафорических употреблений военной лексики в спортивном контексте. Такое интенсивное использование военной лексики в спортивной сфере не случайно. Мужество, ловкость, активные наступательные действия, тактическое и стратегическое мышление – необходимые качества, как в военном деле, так и в спорте. При рассмотрении метафорической модели «СПОРТ – это ВОЙНА» можно выделить следующие фреймы.

1. Фрейм «Разновидности военных поединков»

Входящие в данный фрейм слоты характеризуют различные формы поединков на спортивной арене, как правило, это *дуэль, сражение, битва, бой*. Типовые прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно охарактеризовать следующим образом: спортивный поединок – это бой, жёсткий и бескомпромиссный, настоящее историческое событие. В спортивном поединке борьба идёт не на жизнь, а на смерть, и в итоге побеждает сильнейший. Военная метафора способствует восприятию спортивных событий как противостояния сил и трудноразрешимого конфликта. Ср.: [Формула 1] “*Er traut der Konkurrenz nicht zu, in den Zweikampf der Giganten eingreifen zu können*“ (Express); “*Es war die Ring-Schlacht, die sich 142.000 Zuschauer erhofft hatten*“ (Berliner Zeitung). [Теннис] ”...beschreibt Jennifer Capriati pathetisch ihr **Duell** ... gegen ihre junge Gegnerin“ (Frankfurter Allgemeine).

2. Фрейм «Военная служба и её организация»

Спортивные команды довольно часто описываются как временное или постоянное объединение каких-либо «вооруженных» сил для выполнения определенной «боевой» задачи. Наименования воинских подразделений в эпоху «милитаризованного сознания» (Чудинов 2003: 103) хорошо известны, что создаёт возможность для актуализации при образном употреблении необходимых семантических признаков в значении рассматриваемых слов. Кроме того, названия воинских подразделений *Stab, Truppe* и др.

являются более выразительными, чем употреблённые в том же контексте нейтральные лексические единицы *Mannschaft*, *Team* и *Elf*. Ср.: [Футбол] “*Dabei hatte Christoph Daum seine angeschlagene **Truppe** vor dem “Highlight des Jahres“ extra in Pflicht genommen ...*” (Express); “*Der Bayer-Tross reist heute zu drei Freundschaftsspielen in die USA*” (Süddeutsche Zeitung); “*Der Spielbogen führte zwar seinen Namen in der Liste der **Reservisten**...*” (Süddeutsche Zeitung); “*Zum Abschlusstraining der Bochumer kommandierte er einen Trainer aus dem FC-Stab zum Übungsgelände des heutigen Gegners ab ...*” (Express).

3. Фрейм «Военная стратегия и боевое оружие»

Слот 3.1. Военная стратегия. Так же как и на поле боя, в спорте умение разрабатывать определённую тактику – это настоящее искусство, овладев которым можно уверенно идти навстречу победе. Оттого, насколько правильно осуществлена расстановка игроков, грамотно распределены между спортсменами игровые функции, будет зависеть исход поединка. Метафоры данной группы (*Offensive*, *Fluchttaktik*, *Defensiv-Taktik*, *Zermürbungstaktik*, *Abdrängungsmanöver* и др.) номинируют различные методы борьбы с противником. Ср.: [Футбол] “*Volle **Offensive** mit drei Stürmern, [...] dazu viel Druck über die Flügel*” (Berliner Zeitung). [Формула 1] “*Die ausgeklügelte **Fluchttaktik** von Michael Schumacher ging nicht auf*” (Frankfurter Allgemeine); “*Mika Häkkinen ...lässt sich von einem **Abdrängungsmanöver** des Kerpeners nicht irritieren*” (KstA). [Футбол] “*Pagels **Zermürbungstaktik**...*” (МОРО).

Слот 3.2. Разновидности боевого оружия и его применение. Для обозначения спортивного инвентаря могут образно использоваться следующие лексические единицы: *Pfeil*, *Rakete*, *Dynamit*, *Bombe*, *Granate*, *Kanone* и др. Ср.: [Формула 1] “*...sein Ferrari ist durch den kurzen Tank-Stopp rund 20 Liter leichter als der **Silberpfeil***” (Bild). [Теннис] “*Andy Roddick – der Mann ist pures **Dynamit***” (Express); “*Jetzt hat er schon 186 **Raketen** abgefeuert*” (Bild).

4. Фрейм «Итоги военных действий»

Результатом как военных действий, так и спортивных состязаний является победа или поражение. Победитель спортивного состязания метафорически может обозначаться как триумфатор, полководец, одержавший победу. Например: [Теннис] “*Am Ende der Partie betätigte sich der **Triumphator** wieder als Sandmaler*” (Frankfurter Allgemeine). Разгром команды противника или проигрыш спортсмена, выступающего за личное первенство, описывается как *Tod*, *Friedhof*, *Harakiri*, *Hinrichtung*, *Beerdigung* и т. д. Поражение на спортивной арене изображается как смерть участников военных действий, а глубокое чувство неудовлетворённости от несбывшейся мечты сравнимо с горем и печалью в связи с каким-либо трагическим событием. Драматичность, непредсказуемость спортивных поединков, горечь поражения, несмотря на долгие годы изнурительных тренировок, разочарование болельщиков обуславливают частоту употребления данных образов в понятийной сфере «Спорт». Типовым прагматическим смыслом данных метафорических номинаций является оценочная характеристика произошедших событий как чего-то нежелательного, тяжелого, неприятного, способного нанести травму на всю

оставшуюся жизнь. Ср.: [Футбол] “*Wie der Sekunden – Tod sie aus dem siebten Himmel in alle Fussball-Abgründe ...gerissen hatte*“ (МОРО); “... nur 17 Stunden nach *der Wolfsburger 0:6 – Hinrichtung*“ (Express); “*Bayer-Harakiri in der Abwehr*“ (МОРО); “*Schalke 04 hat seiner eigenen Beerdigung zugeschaut*“ (Express); “*Deutschland wurde Zeuge, wie aus einem Jahrmarkt ein Friedhof wurde*“ (Berliner Zeitung). В последних двух примерах речь идёт о финальном матче Кубка Германии по футболу, во время которого команда «Шальке 04» уже почувствовала себя на мгновение настоящим победителем, уверенные в успехе болельщики ликовали. Однако неожиданно для всех спортсмены команды «Бавария» на последних секундах вырвали победу у команды, уже считавшей себя чемпионом. Вдруг стадион в Шальке превратился в средоточие глубокой печали. На языковом уровне этот контраст вербализуется такими лексемами как *Jahrmarkt* (ярмарка) и *Friedhof* (кладбище). Ярмарка метафорически означает жизнь, бьющую ключом, кладбище олицетворяет брэнность нашей жизни.

Рассмотрим следующую метафорическую модель «СПОРТ – это МИФ» и составляющее её фреймы.

1. Фрейм «Разновидности народных сказаний»

Миф – это древнее народное сказание о богах и демонах, легендарных героях, о происхождении мира и явлениях природы. В широком смысле мифы включают в себя различные формы народных преданий, в том числе сказания, былины, легенды, сказки. Рассмотрим примеры: [Теннис] “*Das verrückte Wimbledon-Märchen des wiederauferstandenen Goran Ivanisevic geht [...] weiter ...*” (KStA). [Футбол] “*73 000 Briten wollen den Mythos Wembley zelebrieren und mit einem rauschenden Fest Abschied nehmen*“ (МОРО). Таким образом, в фокусе внимания оказывается нечто нереальное, волшебное, заманчивое, сюрреалистическое. Данные метафоры несут положительный эмоциональный заряд, оценивают происходящие события как что-то чудесное, прекрасное, удивительное. Читателю внушается, что границы между реальностью и нереальностью (вымыслом) стираются.

2. Фрейм «Мифические персонажи»

Важнейшей характеристикой народных преданий является вмешательство в нашу повседневную жизнь сверхъестественных сил. Животные приобретают человеческий облик, а с помощью колдовства люди предстают в образе животных, растений или сказочных существ. Ведьмы, феи, карлики, великаны метафорически обозначают спортсменов, символизирующих традиционно добро и зло, обладающих невиданной никому силой и могуществом. Это уже не просто участники соревнований, это – «сверхчеловеки», их воля, желания и поступки не подчиняются никаким ограничениям, они творят чудеса. Ср.: [Формула 1] “*Michael Schumacher vor Rubens Barrichello – Royal Flash der Roten Riesen*“ (Berliner Zeitung); “*Kaiser Schumi und die Silberzwerg*“ (Express). [Футбол] “*Aber der böse Geist von Barcelona ist längst eine gute Fee geworden*“ (Süddeutsche Zeitung). Как и в греческой мифологии, в спорте тоже есть свои герои. В греческой мифологии героем называли полубога, который был способен совершать подвиги и

помогать людям не только при жизни, но и после своей смерти. Настоящей легендой может стать только человек, способный одержать победу в схватке с достойным противником, даже когда, казалось бы, нет никакой надежды на успех. Например: [Теннис] *“Symbolhaft der letzte Satz in diesem Duell zweier großer **Tennisheroen**“* (Express). В наше непростое время людям нужны герои, которые бы являлись образцом для подражания. Так как в других сферах нашей жизни не так много людей, которыми действительно можно гордиться, то предметом обожания и поклонения зачастую становятся звёзды различных видов спорта. Истинным героям искренне сочувствуют, радуются их удачам и сопереживают в случае неудач.

Следующая понятийная сфера, которая служит источником метафорической экспансии, – «Болезнь». В спортивном дискурсе получила широкое распространение метафорическая модель «СПОРТ – это **БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ**». В структуре данной модели мы можем выделить следующие фреймы.

1. Фрейм «Болезни»

При анализе метафорических образов оказывается, что для характеристики физического и психического состояния спортсменов, а также для репрезентации игровых событий, активно привлекаются образы болезненных состояний организма – комы, аллергии, инфаркта, травмы, шока и т. д. Ср.: [Футбол] *“Schließlich versetzte er sich und seine Fans nur sechs Minuten später wieder **ins Koma**, indem er Pablo Thiam frei zum Schuss kommend den Ausgleich erzielen ließ“* (KStA); *“Dieses 1:1 beim HSV war **Herzinfarkt** – **Fussball**“* (BamS); *“Die Ausfall-Seuche der Deutschen“* (Bild). [Теннис] *“Nicolas Kiefer [...] scheint eine schwere Form von **Sand-Allergie** in sich zu tragen“* (Süddeutsche Zeitung). В силу того, что данная исходная понятийная сфера достаточно хорошо известна, в связи с чем не возникает трудностей с пониманием первичных значений слов, данная лексика служит более выразительному и живому представлению действительности. Образ больного человека с тяжелыми душевными расстройствами или страдающего от физической боли не может оставить равнодушным читателя, а вызывает чувство жалости, сострадания, стремление оказать помощь больному человеку.

2. Фрейм «Способы лечения»

Достижения на спортивной арене, определённая тактика игры метафорически обозначаются как специальное назначение врача, лекарство, пилюля, микстура и др. Ср.: *“Der FC Bayern benötigte den 17. Titel als **Medizin** für das Champions-League-Finale in Mailand“* (KStA). *“Der Holländer hatte dem Titelkandidaten strikte Defensive **verordnet**“* (KStA). Назначение врача (*verordnen*) необходимо иногда в профилактических целях, для поддержания здоровья. Так, тренер (= *врач*) футбольной команды, который согласно источнику метафорической экспансии способен излечивать от недугов, «прописывает» своей команде (= потенциальному *пациенту*) определённую тактику ведения игры во избежание ничьей или поражения, которое осмысливается как заболевание.

3. Фрейм «Состояние пациента»

Ожидается, что «больные» команды и игроки обязательно пойдут на поправку и их ждёт исцеление, как, например, это произошло со сборной Германии после их победы в Англии: [Футбол] “*Der 1:0 – Sieg in England ist der endgültige Beweis für die Gesundheit des deutschen Fussballs unter Rudi Völler*“ (KStA).

Метафорическое употребление лексики ментальной сферы «Болезнь» внушает людям мысль о том, что спортсмены – это не абсолютно здоровые люди, они нуждаются в лечении и сочувствии, а спортивный мир – это больной организм. Данные образы способствуют нарастанию беспокойства, агрессии, дурных предчувствий, в некоторых случаях даже отчаяния и как следствие этого приходит убеждение в необходимости принятия соответствующих мер.

В последнее время наблюдается активное распространение в спортивном репортаже концептуальной метафоры «СПОРТ – это ПРИРОДНЫЙ МИР». Рассмотрим структуру и возможности данной метафорической модели.

1. Фрейм «Животный мир»

Зооморфные метафорические выражения представлены в основном образами конкретных животных (волк, лев, медведь и т. д.). В фокусе внимания находятся различные прототипические свойства этих животных. Как правило, значение данных метафорических выражений содержит положительный или отрицательный эмоционально-оценочный компонент. Они служат для создания определённого образа спортсменов, достойных восхищения или, наоборот, осуждения. Мужественного, порой агрессивного, непредсказуемого игрока называют львом, сильного – медведем, выносливого, привыкшего к невзгодам и опасностям – волком, а ловкого, проворного – ласточкой и т. д. Ср.: [Теннис] “*Was Chang mit List und Tücke schaffte, erledigte Roddick mit dem Zorn eines verwundeten Löwen*“ (Süddeutsche Zeitung). [Футбол] “*Die Wölfe ... ballerten den harmlosen FC 6:0 vom Rasen*“ (Berliner Zeitung).

2. Фрейм «Природные явления и аномалии»

В нашем фактическом материале встречаются метафорические употребления таких природных явлений и аномалий, как гром, молния, торнадо, ураган и т. д. Ср.: [Футбол] “*Hasan Salihamidzic und Paulo Sergio haben die Torflaute des FC Bayern München beendet und die Tür zur Champions-League-Zwischenrunde weit aufgestoßen*“ (KStA); “*Tor-Flut spülte Bayer raus*” (BILD). [Теннис] “*Tornado-Sturm für das blaue Wunder*“ (Berliner Zeitung). Спортивные события, представленные в образе таких природных явлений, не только привлекают внимание и заставляют следить за развитием событий, но и порой вызывают чувство беспокойства, так как, подобно природным явлениям, они поражают своей непредсказуемостью.

Анализ фактического материала показал, что спортивный дискурс характеризуется большим разнообразием метафорических моделей. В рамках данного дискурса метафора выполняет важные функции. Данный языковой феномен является одним из способов

познания и описания мира, участвует в моделировании когнитивных структур, оказывает эмоциональное воздействие на адресата, помогает сделать сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. №1. С. 11-21.
2. Баранов А.Н. Предисловие автора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Чудинов А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001, №2. С. 26-31.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2003.
7. Samii K. Eine kognitiv-linguistische Analyse sprachlicher Bilder in der Sportberichterstattung von deutschen Zeitungen. Roma, 2006.

Список источников иллюстративного материала

1. BamS. Mai, 2001.
2. Bild. November, 2000.
3. Berliner Zeitung. Juni, 2001.
4. Express. November, 2000.
5. Frankfurter Allgemeine. Juli, 2001.
6. KStA. Mai, 2001.
7. MOPO. November, 2001.
8. Süddeutsche Zeitung. Juli, 2001.

*Коваленко Е.В.
Куйбышев*

ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОРОЖДЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ

В исследовании порождения оценочных смыслов в словах-дериватах в качестве исходных положений принимаются следующие:

– в лексической составляющей системы языка происходит постоянное пополнение вновь образованными единицами;

– данное явление обусловлено как изменениями в реальной действительности и необходимостью передачи новых значений, так и стремлением передавать уже известные смыслы новыми формами, отражающими определенную специфику уже знакомых, но по-новому увиденных объектов;

– в силу действия в языке закона экономии модели словообразования являются ограниченными и исчисляемыми;

– деривация, то есть образование нового слова от исходного путем добавления к нему модифицирующего компонента, является одним из наиболее продуктивных способов словообразования.

Известно, что своеобразие производного слова заключается в том, что оно «...передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» (Кубрякова 1981: 8). Рассмотрим следующий пример:

(1) “*You are a **nervy foolish baggage**. That’s what you are.*” (Smith)

Здесь прилагательные *nervy* и *foolish* образованы соответственно от существительных *nerve* и *fool*. При этом по своей семантике существительное *nerve* является нейтральным, в то время как в семантической структуре существительного *fool* содержится оценочная сема. Можно предположить, что оценочность деривата *nervy* образуется в силу иррадиации оценочного смысла в однородных компонентах сочетания. С другой стороны, существительное *nerve* входит в устойчивое сочетание *to have the nerve*, передающее негативную оценку, что также может опосредованно воздействовать на изменение значения вновь образованного слова в рамках противопоставления «дескрипция – оценка». Третьим фактором, влияющим на возникновение в деривате *nervy* оценочного смысла, является воздействие контекста, а именно – оценочность существительного *baggage*.

Аналогичным образом оценочный смысл генерируется и в следующем случае:

(2) *Resist it, and your soul grows sick with longing for the things it has forbidden to itself, with desire for what its **monstrous** laws have made **monstrous and unlawful*** (Wilde).

Основным диагностирующим приемом при выявлении типа выражаемого значения (фактивное, или дескриптивное, vs оценочное) является прием приравнивания к абсолютным оценочным предикатам «хорошо» и «плохо». Обычно на одном из уровней структуры лексического значения оценочного слова выявляется оценочный компонент, как, например, в приводимом ниже примере:

(3) *Tomorrow’s another day, and you can’t afford to face it feeling tired and **grumpy*** (Reader’s Digest).

Семантика прилагательного *grumpy* определяется через сему [bad-tempered] (ODT). Наличие в дефиниции семантического примитива *bad* маркирует общенегативное значение лексемы *grumpy*. Идентификаторами значений абсолютной оценки производных слов являются лексические единицы, относящиеся к тематическим классам положительной (*good: right, proper, clever, pleasant*) и отрицательной (*bad: wrong, improper, silly, unpleasant*) оценки. Считается, что в словарном толковании функция данных слов заключается в том, чтобы указать на присутствие оценочного значения, а также конкретизировать его направление. При идентификации значений сравнительной оценки употребляются слова и выражения, семантически объединенные общим категориальным значением сходства (*like, resemble, similar*). Присутствие данных слов в словарных дефинициях указывает на наличие сравнительного оценочного значения у производных слов (Тухтаходжаева 1982: 12-13).

Важным средством создания оценочных номинаций является аффиксация. Присоединение словообразовательных формантов, обладающих оценочностью, к основе

производного слова может способствовать созданию оценочности слова. Все остальные аффиксы могут способствовать формированию оценочного значения слова за счет характера мотивирующей основы. К основным моделям аффиксального словообразования следует отнести следующие: **N → Adj**, **N → V**, **N → N**, **Adj → N**. Особенностью аффиксального словообразования является косвенная мотивация. В выборе признака, который лежит в основе номинации, значительную роль играет субъективный фактор.

Рассмотрим модели аффиксального словообразования.

1. **N → Adj**

Среди прилагательных наиболее распространенными суффиксами в оценочной функции являются *-y* и *-ish*. Прилагательные, образованные при помощи суффикса *-y*, имеют пейоративное значение, которое в большинстве случаев является следствием метафоризации, в некоторых случаях дерогаторная оценочность заключена в производной основе слова. Например, существительное *crab* имеет значение ‘small sour, applelike fruit’ (ODT), а образованное от него прилагательное *crabby* приобретает значение ‘crabbed, irritable’.

(4) *Somehow, I knew that Rusty was driving and Ruby was reading a road map to her husband who “knew damn well he was going east and if the sun was setting there, then God had made a mistake!” Rusty was **crabby** because he couldn’t find a holding station to empty the waste and they couldn’t use their self-contained toilet* (Bombeck).

Оценочная функция суффиксов *-ish*, *-y* актуализируется при их присоединении к основе существительных. При этом основа может быть нейтральной по значению. При расширении валентности слова, а в некоторых случаях при её нарушении, дериваты приобретают экспрессивность. Данные суффиксы не относятся к разряду собственно оценочных, но, в отличие от других суффиксов, в оценочной функции они употребляются достаточно часто.

(5) *“I screwed your betrothed, you **starchy** bastard. What do you say to that? ...” “What has happened?” “I demand to know your intentions toward Lady Octavia.”* (Smith)

Рассмотрим характер семантических преобразований, происходящих в лексической единице при изменении ее лексико-грамматического статуса, то есть при переходе из одного лексико-грамматического класса в другой. Существительное *starch* является нейтральным в функции номинации продукта питания. При переходе в класс прилагательных, слово может обозначать признак, который данная субстанция сообщает объекту:

starch – white odourless tasteless powder produced from corn and potatoes; used for stiffening linen; *starchy* – stiff with starch (about linen).

Основная семантическая составляющая (*stiff*) в свою очередь описывается так:

stiff – not easily bent; thick and hard; severe, tough; formal, not friendly; rigid, unyielding, obstinate; lacking grace, haughty; hopeless or incorrigible (person).

Прием семантического расширения показывает, каким образом происходит расширение и изменение семантики прилагательного *starchy* в рамках семантического поля, которому оно принадлежит. Возможность объяснения *starchy* через *stiff* позволяет говорить о том, что в импликационале семантики *starchy* содержатся семы [obstinate], [hopeless], [incorrigible], то есть семы пейоративного характера. Таким образом, дескриптивность в *starchy linen* переходит в оценочность в *starchy person*. Экспрессивное употребление прилагательного *starchy* с пейоративом *bastard* (Карасик 2002) усиливает негативность морально-этической оценки. Пейоративность прилагательного *starchy* уже перешла из узуса в норму, о чем свидетельствует словарная помета “derog.”

Отмечается, что суффиксы *-y* и *-ish* участвуют в создании окказионализмов в стилистических и метасемических целях для создания комического или драматического эффекта, а также для выражения эмоционально-оценочных коннотаций. Их употребление ограничивается некоторыми произведениями речи, одним специфическим, индивидуальным высказыванием (Краснова 1973: 7).

Так, например, прилагательное *klutzy* образовано от существительного *klutz*, имеющего значения ‘clumsy, awkward person; fool’. В сочетании *klutzy makeup kit* прилагательное лишь отдаленно, опосредованно связано с существительным:

(6) *Fay carried her little klutzy little makeup kit (which was never more than three feet away from her body) inside while I kicked one large suitcase on wheels and balanced a weekender and a duffel bag under each arm (Bombeck).*

2. N → V

В сфере глагольного словообразования в современном английском языке эмоциональная оценка достигается при помощи суффиксов *-fy*, *-ify*, *-ize*. Эмоционально-оценочные глаголы с суффиксом *-fy* отличаются друг от друга своей морфологической валентностью и оценочным значением. Они могут быть образованы от основ существительных, прилагательных и глаголов. Оценочность глаголов с суффиксом *-ize* зависит от значения производной основы и прагматических коннотаций, исходящих из контекста. В словарных дефинициях глаголы имеют пометы, свидетельствующие о том, что, например, глагол *americanize* употребляется при выражении пренебрежения, *theatricalize* – неодобрения, а *rapturize* используется с долей иронии (Кузнецова 1982).

(7) *She spoke of me as her dearest friend. I had only met her once before, but she took it into her head to lionize me (Wilde).*

В словаре Макмиллана значение глагола *lionize* описательно определяется как ‘to treat someone as though they are famous or important’ (MEDAL). В данном контексте глагол *lionize* обладает оценочной коннотацией иронического преувеличения.

Среди оценочных префиксов можно назвать префикс *be-*, который используется в образовании причастных прилагательных и имеет значение ‘покрытый, снабженный тем, на что указывает основа’ (Карашук 1977: 185). Информация об оценочности значения данного префикса содержится в энциклопедическом словаре Гэмлина “about, around, all

over and hence having an intensive and often disparaging force much used as an English formative of verbs and their derivatives”. В причастиях префикс *be-* имеет значение чрезмерности и нарочитости, способствующее формированию пейоративного характера этих образований (Ретунская 1996: 87-88). Например:

(8) *Just before you make port, you are encouraged to show your appreciation to all those people who befriended you* (Bombeck).

Согласно словарной дефиниции глагол *befriend* имеет значение ‘to become the friend of someone and treat them in a kind way’ (ODT). Наличие прилагательного *kind* в семантике слова указывает на мелиоративное значение глагола *befriend*.

3. N → N

По мнению большинства исследователей (Беляева 1979; Хидекель 1983; Кузнецова 1982) к собственно оценочным аффиксам относятся *-ster, -ard*. В современном английском языке при помощи суффикса *-ster (-aster)* образуются преимущественно от основ существительных имена существительные, обозначающие деятеля (*medicaster, criticaster, rhymester*). Отрицательные коннотации вышеперечисленных существительных зафиксированы большинством словарей. В словах *rhymester, poetaster, youngster* основа производного слова не содержит дераготорной оценки, она нейтральна. Негативность заключена в суффиксе. При отсутствии сопроводительной пометы у лексических единиц с суффиксом *-ster* оценочность можно выделить из дефиниции слова в толковом словаре: *gangster* – ‘member of a gang of violent criminals’ (ODT).

(9) *“Jeanette MacDonald’s on this week,” Eillie would tell her. “With Nelson Eddy. I always think they’re a bit soppy, but the music’s nice. Saw James Cagney last week, it was some frightening, gangsters and that in Chicago”* (Pilcher).

Интересен тот факт, что слово *gangster* синонимично существительным *mafioso, racketeer*. Производное слово *racketeer* было образовано от основы существительного при помощи оценочного суффикса *-eer*, указывающего на род деятельности людей. Пейоративная оценка подтверждена словарной дефиницией *racketeer* – ‘a person who operates an illegal business, as gambling, extortion’ (ODT). Однако производящие основы большинства существительных, образованных этим способом, обладают нейтральной коннотацией (*sonneteer, puppeteer, profiteer*). Существительные, образованные при помощи этого суффикса, имеют коннотации презрения и содержат оттенок интенсивности. Существительное “Mafioso” было образовано при помощи эмоционально-оценочного суффикса *-o*, являющегося в английском языке малопродуктивным. Данный суффикс имеет испанское происхождение и употребляется в коллоквиальных и субколлоквиальных лексических единицах с эмоционально-оценочным значением шуточного пренебрежения (*Jappo, Chino*) или презрения (*Gringo*). Однако смысловая нагрузка этого суффикса может варьироваться. В коллоквиальных мелиоративах он может использоваться с выражением грубоватого одобрения: *daddy-o* (‘dad’), *right-o* (‘all right’).

Существительные, образованные при помощи суффикса *-ard*, в большинстве случаев имеют французское происхождение. Данный суффикс является непродуктивным

и употребляется для обозначения людей с уничижительным смыслом (Долинин 1987). Например: *braggart* – ‘a person given to bragging’, *dullard* – ‘stupid person’, *drunkard* – ‘a person who is habitually drunk’ (ODT).

(10) *She would never let him know her origin, or that she had given what many would consider her the most precious gift to the bastard of Viscount Creed – one of the most notorious drunkards and womanizers in the history of all England* (Smith).

4. Adj → N

Суффикс *-ie* (-y) участвует в образовании существительных со значением диминутивности и гипокористичности. Производные слова, образованные при помощи этого суффикса, приобретают оттенок пренебрежительной фамильярности (*honkey* (жарг.), *Scotty* or *Scotch*, *Paddy*). Суффикс *-ie* (-y) является и составной частью прилагательных, которые также отличаются наличием отрицательных коннотаций. К ним относятся такие слова как: *baddie*, *stinky*, *oldie*, *softie*. Некоторые слова с подобным суффиксом употребляются с долей иронии. Например:

(11) *In Istanbul, we had a cabbie from hell who literally aimed for people in the crosswalk to see how close he could come to hitting them* (Bombeck).

Интересным представляется такой способ создания эмоционально-оценочной номинации, как словосложение. Будучи активным еще в древнеанглийском языке, этот способ словообразования не теряет своей активности и сегодня, поскольку более одной трети всех новообразований в современном английском составляют сложные слова. По-видимому, это объясняется незначительным количеством оценочных словообразовательных аффиксов (Ретунская 1996: 88). Сложные слова аксиологического характера могут быть представлены разными структурными моделями: **N + N**; **Adj + N**; **Attr comp + N**.

В данных случаях оценочное значение складывается из составляющих его компонентов. Превалирующей, на мой взгляд, является модель **N + N**. Достаточно продуктивной моделью, но значительно уступающей в этом отношении предыдущей, выступает модель **Adj + N**. Специфическим для словосложения является модель **Attr comp + N**. Основной причиной появления окказиональных оценочных номинаций, образованных при помощи последней модели, являются установки психологического характера: стремление подчеркнуть уникальность предмета оценивания, его индивидуальность, а также «...стремление к компрессии, увеличению количества информации на единицу высказывания» (Ретунская 1996: 95).

Рассмотрим эти модели.

Модель **N + N**.

(12) *Self-reliance is all, Miss Catto had preached, and when all was said and done, two distinctions would hardly fail to be something of a spirit-booster* (Pilcher).

Идентификатором оценочного значения существительного *spirit-booster* является компонент *spirit*, определяющийся как ‘soul, immaterial, intellectual or moral part of man’.

(13) “*My mother is a bit of a **battle-axe**, I know, but she’s not a fool. She’s capable of making the best of any situation.*” (Pilcher)

Эмоционально-оценочное значение существительного **battle-axe** зафиксировано в словарной дефиниции “aggressive, strict, older woman” (ODT).

В речи отдельных носителей языка в специальных стилистических целях (например, для создания юмористического эффекта) используются окказиональные оценочные номинации. Оценка в этом случае воспринимается не слишком серьёзно, и носит шуточный, гротескный характер (модель **Attr comp + N**):

(14) *I had tossed them into the box to open at leisure and then I ran out of leisure in the shambles of the usual Christmas panic, so they got caught up in the **bale-it-up-and-stuff-it-in-the-attic-and-we’ll-straighten-it-out-next-year syndrome** (Reader’s Digest).*

(15) “**Pussy-Catto** said yes!” *They clung to each other, lept up and down in a wild war dance of satisfaction and delight* (Pilcher).

В данном примере (модель **Adj + N**) происходит слияние имен собственных: *Catto* – фамилии директора пансиона и имени собственного для кошки – *Pussy*. *Pussy-Catto* является инвективным словом, поскольку употребляется для высмеивания человека посредством сравнения с животным, имеющим отрицательные свойства – игриво-блудливое, кокетливое существо, дальнейшие импликации слова *Pussy* табуируются (Карасик 2002: 254).

Отмечается, что стремление к компрессии и увеличение количества информации на единицу высказывания характерно для структурных типов окказиональных слов. В процессе передачи информации от отправителя к получателю появляется стремление отправителя окказионального слова оказать влияние на информируемого с целью создания у него представления о том, как следует воспринимать передаваемую информацию.

Таким образом, деривация, являясь продуктивным способом словообразования, представляет собой механизм изменения слова не только в плане его перехода из одного лексико-грамматического класса в другой. В ходе претерпеваемых лексической единицей изменений происходит процесс движения сем внутри семантической структуры слова. В ряде случаев при этом в дескрипцию признака (фактивное значение) приносится личностное отношение говорящего (оценочное значение). Оценочное значение, приобретаемое словом, может быть как мелиоративным, так и пейоративным. Характер оценочного значения в большинстве случаев зависит от семантики исходного, семантики общего семантического пространства, в которое включается данное конкретное слово; а также общего контекста словоупотребления. Большую роль в формировании функциональной оценочной семантики играет комбинаторный показатель. Изменение семантики слова расширяет его сочетаемостные возможности.

Библиографический список

1. Беляева Т.М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М., 1979.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М., 1987.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
4. Каращук П.М. Словообразование английского языка. М., 1977.
5. Краснова И.Е. Производные прилагательные со значением характеристики предмета через его признак: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
7. Кузнецова В.А. Категория отрицательной оценки и её отражение в системе глагола современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.
8. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. Н.Новгород, 1996.
9. Тухтаходжаева З.Т. Выражение категорий квантификации и оценки в словообразовательной системе современного английского языка (на материале производных прилагательных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
10. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.
11. [MEDAL] Macmillan English Dictionary for Advanced Learner's. Oxford, 2002.
12. [ODT] The Pocket Oxford Dictionary and Thesaurus. New York, 1997.

Список источников иллюстративного материала

1. Bombeck E. When You Look Like Your Passport Photo, It's Time to Go Home. New-York, 1992.
2. Pilcher R. Coming Home. New-York, 1996.
3. Reader's Digest. August, 1998.
4. Smith K. In Your Arms Again. New-York, 2004.
5. Wilde O. The Picture of Dorian Grey. М., 2005.

*Козлова О.А.
Барнаул*

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ НОРМЫ В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Нормы являются неотъемлемым условием существования человеческого общества, в каждой жизненной ситуации мы как бы «приводим все к общему знаменателю», нам неизменно необходим ориентир, единица измерения, критерий, на основе которого можно было бы сопоставить, сравнить, определить местоположение на оценочной шкале (оценить), установить ценность, полезность того или иного объекта, явления, его значение для (существования) субъекта оценки и общества в целом (человека вообще).

Нормативная картина мира складывается на основе стереотипов, нормативных связей вещей, нормативного хода событий, которые считаются таковыми в силу социальной договоренности, привычки, культурных традиций, моральных принципов и идеалов (Арутюнова 1999: 68).

С этой позиции норма представляет собой адгерентный признак объекта, который приписывается ему человеком в процессе познания данного объекта, сопоставления его с

другими объектами реальной действительности, с представлениями человека об этом, а также в процессе оценки данного объекта с точки зрения его полезности для человека.

Существуют нормы «вне нас», нормы онтологические, естественные, абсолютные, объективные, устойчивые, практически не меняющиеся с течением времени, и нормы антропологические как результат социальной договоренности, конвенции, которыми члены общества руководствуются в своей деятельности.

Онтологические нормы дескриптивны, они имеют фактивный характер, данные о них мы можем получить эмпирически (Wright 1963, Трунова 1995).

Человек выделяет и противопоставляет объекты и явления окружающего мира, вырабатывая в отношении них соответствующую стратегию поведения, не потому, что подобное разделение диктует природа, критерием является скорее полезность, ценность этих объектов для субъекта оценки. Так, в сельском хозяйстве существует подразделение растений на полезные культуры и сорные травы (сорняки), отсутствующее в дикой природе, которое основано лишь на полезности культурных растений (бахчевых, злаков, бобовых, корнеплодов и др.) для человека (Лебедев 1998). Подобное разделение диктует определенные правила и способы действия: сохранение и возделывание культурных сортов и уничтожение сорняков. В отличие от законов природы, которые неподвластны человеку и обществу, конвенции не являются вечными и неизменными, поскольку они формулируются и вводятся сознательно самими людьми на основе коллективной договоренности и ими же могут быть оценены, изменены или даже отменены с изменением условий актуализации нормы (Микешина 2005).

Антропологические нормы не являются описанием реальной жизни, они предписывают, что и как должно быть с известными допущениями. Социальные нормативы могут быть директивны, детерминативны, регулятивны либо прескриптивны по своему характеру.

Директивы включают абсолютные технические, параметрические, видовые нормы, а также нормы пропорции и нормы-квоты.

Прескрипции, законы государства или нормы морали, общие правила, такие как правила дорожного движения, предполагают наличие источника нормирования (индивидуального или коллективного), а также субъекта, которому норма адресована, и соответствующие санкции в случае ее нарушения.

Детерминации (правила игры, грамматики, мышления) включают стандарт, эталон, согласно которому «можно судить о правильности индивидуального мышления и правомерности выводов» (Трунова 1995: 12), в их структуре отсутствуют агент, инициирующий норму, и санкции (Wright 1965: 149).

Регулятивы не облигаторны, конвенциональны, субъект, их нарушивший, не подвергается воздействию санкций (Трунова 1995), однако его действия, не соответствующие рекомендованным, получают отрицательную оценку общественности, что в конечном итоге и оказывает влияние на поведение человека, вынуждая его

поступать согласно традициям, обычаям, принятым в конкретной социо-культурной общности, соблюдать ритуалы, протокол, следовать стандартным организационным процедурам.

По количеству источников и субъектов нормы делятся на индивидуальные, групповые, классовые, сословные, профессиональные, общенациональные, общечеловеческие.

В зависимости от степени подверженности норм влиянию внешних факторов нормы классифицируют как устойчивые, кондициональные, ситуативные, окказиональные.

Нормы безотносительно к характеру отклонений могут быть охарактеризованы как абсолютные или относительные, естественные или социальные, рекомендательные или запрещающие (позитивные / негативные), среднестатистические или точные, диахронные или синхронные (Арутюнова 1999: 75).

Структура нормы включает семь компонентов: **характер** (знак, экспликатор), который указывает степень обязательности нормы; **диспозицию** (содержание), которая включает действие, предписываемое в рамках нормы; **гипотезу** (условие), содержащую информацию об обстоятельствах или положении вещей, при котором следует применять норму; **источник**, то есть агент, инициирующий норму; **субъект** – агент, который может эту норму применить; **триггеры** (обстоятельства), запускающие процесс актуализации норм, в качестве них могут послужить коммуникативные действия (сигналы), результат физических действий, результат течения времени; а также санкции или наказание, предусмотренные в случае нарушения той или иной нормы (Wright 1965, Ивин 1970, Анисимов 2001, Николаева 2000, Арутюнова 1999).

Норму называют паллиативом системы, поскольку наряду с устойчивыми общечеловеческими нормами, непреходящими ценностями существуют и такие, которые зависят от пола, возраста, социального положения, дохода, образования, расовой принадлежности, политических убеждений и других характеристик агента, инициирующего или актуализирующего норму.

То, что является нормой в одном социуме, в другом может расцениваться как аномальное, недопустимое, неприемлемое. Даже утилитарные, житейские нормы могут стать почвой для межкультурного конфликта. Их нарушение способно породить бурную отрицательную реакцию, стать причиной ненависти и вражды между представителями различных национально-культурных общностей:

(1) *As long as he could remember he had **hated** barbarians, their **stench** and **filthiness** and **disgusting** meat-eating habits, their **stupid** religion and **arrogance** and **detestable** manners* (Clavell, 37).

(2) *“Here samurai rule everything, own everything. They’ve their own code of honor and sets of rules. **Arrogant**? Madonna, you’ve no idea! The lowest of them can **legally** kill any non-samurai, any man, woman, or child, for any reason or for no reason. They can **kill, legally,***

just to test the edge of their piss-cutting swords ... I hate those bastards more than Spaniards." (Clavell, 98)

С другой стороны, конвенциональность дает возможность представителям одной культуры глубже прочувствовать «чужую» культуру, сравнить её со своей и оценить, выявляя не только недостатки, но и достоинства:

(3) *Blackthorne hated doctors and feared them. ... European doctors were barbers mostly and uncouth, and as louse-ridden and filthy as everyone else. This doctor touched carefully and peered politely and held Blackthorne's wrist to feel his pulse, looked into his eyes and mouth and ears, and softly tapped his back and his knees and the soles of his feet, his touch and manner soothing. All a European doctor wanted was to look at your tongue and say "Where is the pain?" and bleed you to release the foulnesses from your blood and give you a violent emetic to clean away the foulnesses from your entrails. But this doctor had no scalpels or bleeding bowl nor the foul chemic smell that normally surrounded them, so his heart had begun to slow and he relaxed a little* (Clavell, 237).

Переосмысление системы ценностей является неизбежным процессом, тесно связанным с разного рода трансформациями в обществе: ранее существовавшие ценности могут девальвироваться, а незначимые понятия превратиться в ценности.

Условия реализации норм, критерии, их составляющие, непрерывно изменяются, обогащаются, детализируются (утюг восемнадцатого века и современный утюг выполняют, по сути, идентичные функции, однако обладают совершенно разными наборами стандартных дескриптивных свойств).

Нормы тесно связаны с ценностями и оценками и во многом обусловлены ими. Ценности представляют собой абстрактную генерализованную основу для выработки конкретных норм, инструкций к действию в той или иной ситуации. А нормы служат эквивалентами, критериями оценок. С одной стороны ценностные представления ложатся в основу социальных конвенций, а с другой – они формируются в результате индивидуальной рефлексии, что делает их источником индивидуальной мотивации (Леонтьев: www). В конечном итоге «эффективность действия норм зависит от степени их осознания личностью» (Анисимов 2001: 105).

Ценностные представления могут наслаиваться друг на друга, в результате мы имеем целый набор разнородных критериев (лимитативов, "constraints"), которым должен соответствовать стандарт, определяющий норму. Таким образом, норма одновременно универсальна и индивидуально-личностна.

Возникновение социальной нормы отражает высокое адекватное осознание общественных потребностей, интересов и соответствующих ценностей.

То, что соответствует норме, воспринимается человеком как само собой разумеющееся, поскольку, после того, как нормы уже усвоены, закреплены, их знание эксплицитно более не обсуждается, они становятся так называемыми фоновыми знаниями

(background knowledge). Эти знания активизируются и заново осознаются лишь тогда, когда человек сталкивается с нарушением нормы.

Практически для любой ситуации, любого явления в нашей жизни мы имеем «эталоны с готовыми измерениями, качествами и характеристиками» (Приходько 1999: 62). Если что-либо им не соответствует, то это отклонение, которое чаще всего оценивается негативно.

В случае, когда для указанного явления не существует эталона, явление в целом аномально, оно оценивается как чужое, чуждое, неизвестное, вызывает опасения, подозрения, недоверие, что «плохо».

Оценка «норма / отклонение» носит интуитивно-опытный характер, однако нормативное поведение не продиктовано инстинктами, несмотря на то, что в случае необходимости мы делаем выбор почти мгновенно, принимая решение на основе приобретенного опыта и социальных установок (нормативов).

Оценки одной и той же нормы, как и отклонений от нее, могут быть противоположными в отношении одного и того же поступка в зависимости от гипотезы, триггеров и так далее: так, на войне можно убивать врага, ложь во спасение считается благородным поступком, поступки, непростительные для взрослого, не подлежат воздействию санкций, если их совершил ребенок.

Естественные нормы, законы природы способствуют равновесному состоянию и гармоничному развитию, в то время как антропологические (социальные) нормы призваны служить сохранению единства общества, его защищенности, они создают определенность, их соблюдение способствует достижению поставленной цели.

Ни одно общество не является здоровым, креативным, сильным, если в этом обществе не существует набора общих ценностей, которые придают значение и цель жизни группы (Kekes 1980).

Формирование социальных норм и стереотипов позволяет создать «базу данных» (Шуклина 1999: 126) общую для всех членов данного общества или социальной группы и обеспечить к ней доступ, тем самым, давая возможность человеку вести себя адекватно, соответственно ситуации, прилагая при этом минимум усилий, что обеспечивает эффективное взаимодействие.

Имплицитное представление о норме позволяет сопоставлять, сравнивать и оценивать различные объекты и явления окружающей действительности даже в отсутствие непосредственного эмпирического опыта.

Нормы являются средством закрепления социально значимых однотипных действий, которые получают положительную оценку общественности. Существование норм, их облигаторный характер и воздействие на поведение человека делают его действия предсказуемыми, обеспечивая тем самым стабильность, безопасность, целостность и благосостояние общества.

Библиографический список

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. М., 2001.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
4. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М., 1998.
5. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.follow.ru/article/344>
6. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., 2005.
7. Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
8. Приходько А.И. Некоторые условия, влияющие на формирование и качество оценки в речи // Ономастика і апеллятиви. Дніпропетровск, 1999. Вип. 7.
9. Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 1995.
10. Шуклина Ж.И. Прилагательные со значением «обычный / необычный» как средство актуализации категории обычного в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1999.
11. Kekes J. Moral Tradition and Individuality. Princeton UP, 1989.
12. Wright G.H. von. The Varieties of Goodness. London, 1963.
13. Wright G.H. von. On Norm in General // Value and Man: Readings in Philosophy. New York, 1965.

Список источников иллюстративного материала

1. Clavell J. Shogun. New York, 1975.

*Кулакова Т.А.
Барнаул*

ГЛАГОЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ

Итеративность как универсальный принцип строения и функционирования всех систем не раз становилась объектом внимания исследователей. В лингвистике повторяемость рассматривается в соотнесении с количественной детерминацией действия, что предполагает выделение видов глагольной множественности (темпоральной и дистрибутивной). Темпоральная множественность распадается на два типа: дискретный и собирательный. Дискретный представлен итеративной множественностью, собирательный – мультипликативной. Английский язык характеризуется наличием ряда форм с закрепленным значением итеративности. К ним относятся: лексические единицы, семантика которых содержит сему [итеративность] (простые и производные слова, словосочетания), конструкция с десемантизированным первым компонентом **used to + Inf**; модели **would + Inf**; **V_{ind}**; **keep (on)/go on + V_{ing}**; **V_{ind1} + V_{ind2} + V_{indN}**; а также определенные синтаксические структуры предложения.

Лексический уровень экспонирования итеративности представлен наиболее многочисленной группой средств выражения многократности действия. Данная группа разнородна и включает целый ряд единиц. Однако наибольший интерес представляют в этой связи глагольные лексемы, т. к. именно они в первую очередь отражают идею

множественности действия. К глаголам, выражающим непосредственно итеративную множественность, относятся лексемы *repeat*, *revise*, *remind*, *replenish*, содержащие сему [повторяемость], что можно увидеть при обращении к словарным дефинициям:

- *repeat* – ‘to say or write something again’ [MED];

(1) “*Who for?*” *I say more quietly. “It’s not Cosmo, is it?” We’re interrupted by Paul... “Who’s it for?” I repeat* (Kinsella: www).

- *revise* – ‘to study again (lesson or a subject already learnt), usually before an examination’ [LDELIC];

(2) *Since Tom the preacher had nothing more the Albemarle man cared about, the debt was all but forgotten, although in his will – revised for the last time in 1871 when slavery wasn’t that kind of issue anymore – the Albemarle man listed “Tom Anderson, 46 Year Old Slave, red Hair,” as one of his assets* (Jones: www).

- *remind* – ‘to tell someone again about an event from the past or about a fact that they used to know’ [MED];

(3) *The procession continued throughout the afternoon until half of The Firm had stopped by with notebooks, assignments of homework and requests for weekly meetings. No fewer than six reminded him that no member of The Firm had ever failed the bar exam* (Grisham, 80).

- *replenish* – ‘to make something full again or bring it back to its previous level by replacing what has been used’ [MED];

(4) *A waiter appears from nowhere and replenishes my glass, and I take a sip. When I look up, Luke’s staring at me again* (Kinsella: www).

Рассматриваемые случаи иллюстрируют два субкатегориальных значения итератива: повторное действие, по каким-либо причинам следующее за первым (*repeat*), и одно из повторяющихся или возобновленных действий или состояний (*revise*, *remind*, *replenish*).

При описании повторяющейся ситуации только с помощью глаголов *repeat*, *revise*, *remind*, *replenish* имеет место либо безусловный однократный повтор:

(5) *Gradually he moved through the trees to the west, bending, carefully quartering the ground with his eyes, moving on a few paces, then repeating the same procedure* (Fowles: www), либо однократное повторение действия в изменяющихся условиях. В нижеприведенном примере в качестве изменяющегося условия рассматривается исполнитель:

(6) “*We left early,*” said **Piggy** quickly, “*because we were tired.*” “*So did we—*” “*—very early—*” “*—we were very tired.*” *Sam touched a scratch on his forehead and then hurriedly took his hand away. Eric fingered his split lip. “Yes. We were very tired,” repeated Sam, “so we left early. Was it a good—*” (Golding: www).

Глагол *repeat* способен выражать и другие виды итеративности:

(7) *I’ll try and say “How doth the little —”, and she crossed her hands on her lap as if she were saying lessons, and began to repeat it, but her voice sounded hoarse and strange, and the words did not come the same as they used to do...* (Carroll, 17).

В данном случае использование лексемы *repeat* в сочетании с глаголом-модификатором *begin* делает возможным выражение неопределенно-кратной повторяемости. Глагол *revise* в этой позиции (*began to revise*) обозначает процесс, что является прерогативой мультипликатива, а не итератива.

Рассматриваемые глаголы при описании повторяющейся ситуации также способны сочетаться с другими лексическими и грамматическими средствами выражения итеративности, и тогда речь может идти о многократной, цикличной и разноинтервальной повторяемости. Вид итеративности определяется тем, какие дополнительные средства выражения многократности действия используются с этими глаголами для описания повторяющейся ситуации. Рассмотрим следующий пример:

(8) *Jill tried, and didn't get them quite right. So the Lion corrected her, and made her repeat them again and again till she could say them perfectly* (Lewis: www).

В данном случае словосочетание *again and again* указывает на то, что действие повторялось многократно, хотя точное количество повторов не задается. Глагол *repeat* может сочетаться и с лексическими средствами выражения итеративности, задающими точное количество повторов:

(9) *He repeated it three times before she allowed him to stop, and they stepped inside* (Grisham www).

Семантика глаголов *echo*, *copy*, *imitate* также содержит сему [повторяемость]. Эти лексемы иллюстрируют случай, когда повторяется уже совершенное действие, выступающее теперь в качестве модели или образца:

- *echo* – ‘to copy or repeat, especially in agreement’ [LDELIC];

(10) “*Well, you weren't getting very far with them, were you?*” says Suze kindly. “*I just thought I'd give you a helping hand.*” “*A helping hand?*” *I echo weakly* (Kinsella: www).

- *copy* – ‘to do something in the same way as someone else’ [MED];

(11) *The story of Fred and George's flight to freedom was retold so often over the next few days that Harry could tell it would soon become the stuff of Hogwarts legend: within a week, even those who had been eye-witnesses were half-convinced they had seen the twins dive-bomb Umbridge on their brooms and pelt her with Dungbombs before zooming out of the doors. In the immediate aftermath of their departure there was a great wave of talk about **copying** them* (Rowling: www).

- *imitate* – ‘to copy someone's actions, words, or behaviour, often in order to make people laugh’ [MED];

(12) *But he was such a colossal figure in the world that whatever he did of an unusual nature attracted the world's attention, and became a precedent. In the case of clothes, the next representative after him, and the next, had to **imitate** it* (Twain, 228).

Способность глагола *imitate* выражать определенный вид глагольной множественности обуславливается контекстом. Так, рассматриваемая лексема может передавать как мультипликативную множественность, так и итеративную множественность.

В отношении глагола *echo* следует отметить, что данная лексема самостоятельно, без ввода дополнительных средств, способна выражать лишь однократную итеративность.

Аналогичным образом значение однократной итеративности самостоятельно может актуализироваться лексемами *copy* и *imitate*, но в сочетании с другими контекстуальными показателями они могут выражать многократную, в частности неопределенно-кратную, итеративность:

(13) “*Why aren't you of your mother's way of thinking, my dear?*” said the dwarf, turning round and addressing his wife, “*why don't you **always imitate** your mother, my dear?*” (Dickens, 44)

либо действие, повторяющееся при определенных условиях:

(14) *Garrick, however, **when he pleased**, could imitate Johnson very exactly; for that great actor, with his distinguished powers of expression which were so universally admired, possessed also an admirable talent of mimickry* (Boswell, 599).

Проведенный анализ языковой фактологии позволяет сделать некоторые общие и частные выводы в области теории итеративности. Отметим, прежде всего, что как в случаях с любыми иными обобщенными понятиями, дающими представление о характере протекания действия (дискретность, континуальность, фазовость, незавершенность, прерывистость), язык обладает арсеналом средств, распределяемых по уровням его организации. С целью упорядочения этих экспонентов, их принято группировать в особые теоретические конструкторы – функционально-семантические поля. Функционально-семантическое поле итеративности включает грамматические конструкции и лексические единицы номинации этого глагольного признака. Большую функциональную нагрузку в выражении видов повторяемости несут глагольные лексемы. Такие глаголы указывают на повторное действие, по каким-либо причинам следующее за первым и одно из повторяющихся или возобновленных действий или состояний. Итеративность, выражаемая данными лексемами, однократна и безусловна, в качестве изменяющегося условия может рассматриваться лишь смена субъекта. Глагол *repeat* в сочетании с глаголом-модификатором выражает многократную (неопределенно-кратную) итеративность. Лексемы *echo*, *copy*, *imitate*, указывающие на то, что совершенное действие выступает в качестве модели или образца для повторяемого действия, служат выражению однократной итеративности, а при введении дополнительных средств – многократной итеративности, однако это относится лишь к *copy* и *imitate*.

Рассмотренные лексемы могут сочетаться с другими (лексическими и грамматическими) экспонентами семантики повторяемости, приобретая способность обозначать многократную, цикличную и разноинтервальную итеративность.

Обозначая перспективы исследования, отметим, что определенную значимость в специфике номинации итеративности может иметь отнесенность лексемы к лексико-грамматическому классу. В этом случае фактором, определяющим актуализационный смысл лексемы, служит включающий ее контекст.

Библиографический список

1. [LDELС] Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex, 2002.
2. [MED] Macmillan English Dictionary. Oxford, 2003.

Список источников иллюстративного материала

1. Boswell J. Life of Johnson. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.
2. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.
3. Dickens Ch. The Old Curiosity Shop. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.
4. Fowles J.R. The French Lieutenant's Woman [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/fowles_john/the_french_lieutenant_s_woman/
5. Golding W. Lord of the Flies [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/golding_william/lord_of_the_flies/
6. Grisham J. The Broker [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rapidshare.de/files/17377193/JGThe_B.rar.html
7. Grisham J. The Firm. New York, 1992.
8. Jones E.P. The Known World [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/jones_edward_p/the_known_world/
9. Kinsella S. The Secret Dreamworld of a Shopaholic [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/kinsella_sophie/the_secret_dreamworld_of_a_shopaholic/
10. Lewis C.S. Chronicles of Narnia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rapidshare.de/files/2629972/Great.Children.Literature.zip.html>
11. Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://artefact.lib.ru/library/books/rowling/Harry_Potter
12. Twain M. The Man that Corrupted Hadleyburg and Other Essays and Stories. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.

*Левицкая Е.В.
Барнаул*

ФРАГМЕНТАРНОСТЬ В СТРУКТУРИРОВАНИИ ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА (к постановке проблемы)

В познании мира человек опирается, прежде всего, на те объекты, их признаки и свойства, которые даны ему в восприятии, то есть такие, которые можно видеть, слышать, чувствовать, переживать. В конечном итоге создается представление о мире как его целостной (до определенной степени) картине, которая, в зависимости от уровня мировосприятия и целей картирования, может быть наивной, научной (Колшанский 1990: 17), концептуальной. Определенная целостность картины мира достигается совокупностью отдельных ее фрагментов. Восприятие мира начинается, по-видимому, с осознания его объектов в их пространственной организации. Изменение объектов и их отношений измеряется на временной оси. Поэтому пространственно-временные показатели считаются основными в описании сущего. Все эти виды отношений и зависимостей передаются языковыми формами, поскольку язык выступает как материальный репрезентант осмысления познанного.

Наряду с пространственными и временными показателями одним из основных атрибутов материи является количественный признак. Как только возникло осознание того, что объекты могут объединяться в группы и члениться на составляющие, возникла необходимость обозначения этих явлений. В системе языка существует особый лексико-грамматический класс числительных, позволяющих конкретизировать количественный признак. Кроме того, есть неопределенные местоимения, обозначающие неопределенную множественность, и есть грамматическая категория числа, формы которой передают значение множественности «обобщенно», неконкретизированно. Таким образом, количественная характеристика необходима в силу необходимости отражения некоторой внеязыковой данности. Объект, не конкретизированный в количественном аспекте, не может считаться познанным в адекватной его сущности степени. В связи с этим необходимость изучения понятийной категории количества становится очевидной.

Известно, что язык отражает мир опосредованно, через именование сформированных в сознании образов (фрагментов, складывающихся в целостную картину). При этом одни образы, или представления о мире, объединяются в полевые структуры, именуемые классами или ментальными полями (Фоконье 1994: 75), другие образуют т. н. понятийные категории (Есперсен: www, Мещанинов 1945). Количественность также образует понятийную категорию, смыслы которой передаются языковыми единицами разных уровней. Поэтому изучение понятийной категории количества связано с изучением грамматической категорией числа, что в свою очередь требует рассмотрения средств выражения единичности и множественности, т. к. грамматическая категория числа соответствует понятию количества, противопоставлению единичности и множественности в объективном мире.

Как известно, предметы могут быть однородными, поддающимися счету. Наряду с ними существуют явления и вещества, аморфность, непрерывность, неоднородность которых не поддается исчислению. Можно сказать *two windows, three rivers, many duties, several opportunities*, но нельзя сказать **two winds, *three waters, *few snows*. Необходимым условием исчисляемости является дискретность определенного предметного класса. Вместе с тем, существуют недискретные объекты (и соответствующие им понятия), которые по определению не поддаются числовому исчислению, во всяком случае в прямой номинации: *tea, sugar, bread, panic, wit*. Однако в действиях и в познании своих действий человек, стремясь к конкретизации, вычленяет фрагменты из неделимого целого, которые отражают его частичность, однократность. Соответственно и язык должен иметь потенциальный резерв именованной доли, части, фрагмента общей вещественной массы или недискретного абстрактного понятия: *grass – a blade of grass, paper – a piece of paper, wind – a gust of wind*.

В первом приближении к фактическому материалу становится ясно, что язык располагает возможностью вычленения определенного объема несчетных объектов на

основе лексической квантификации, за счет которой указывается доля количества вещества, фрагмента, единичность действия или явления, в то время как само понятие (и, соответственно, обозначающее его слово) остается недискретным (*snow – droplets of snow*). Сущность термина «квантификация» понимается как выявление и конкретизация объема понятия, выраженного вербально (как исчисляемым, так и неисчисляемым существительным). Логично предположить, что квантификация может затрагивать различные языковые уровни. Это может быть лексический уровень, лексико-грамматический и, возможно, грамматический. Очевидно и степень точности конкретизации объема количественной меры недискретного понятия различными языковыми средствами может быть неодинаковой и может носить градуированный характер, например:

- а) неопределенно-большое количество (*mass of gasoline exhaust, much dew, loads of potential, plenty of chance*);
- б) неопределенно-малое количество (*a bit of gold, a flutter of panic, a gust of love, a flight of wit*);
- в) относительно неопределенное количество (*a cup of tea, a glass of water*);
- г) точное количество (*a pint of beer, a pound of butter*).

Помимо кванторов, указывающих на объем количества вещества, выраженного неисчисляемым именем существительным, существует также ряд лексических кванторов, которые несут внутри себя значение единичности, однократности, внезапности или неполноты реализованного события. В этом случае необходима их сочетаемость с событийными существительными. Событийность понимается нами в общем смысле и представлена в языке отглагольными существительными.

С неисчисляемыми событийными понятиями используются:

- а) кванторы со значением неполноты реализованного действия (*a flutter of, a flicker of, a flight of, a touch of*);
- б) кванторы со значением однократности и/или внезапности действия. Данные кванторы реализуются в 4 различных моделях:
 - в сочетаниях с отглагольными существительными, обозначающими чувства (кванторы *a burst of, a gust of* + отглагольное существительное: *a great gust of high explosive love*);
 - в сочетаниях с неисчисляемыми существительными, обозначающими явления природы (кванторы *a gust of, a blast of* + неисчисляемое существительное, обозначающее явление природы: *a blast of cold wind*);
 - в сочетаниях с неисчисляемыми существительными, обозначающими звук (кванторы *a gust of, a burst of* + неисчисляемое существительное, обозначающее звук: *a sudden burst of music*);

- в сочетаниях с неисчисляемыми существительными, характеризующими ментальную деятельность (кванторы *a flight of* + абстрактное неисчисляемое существительное: *a flight of wit*).

Целесообразно также выделить 2 вида выражения количественного значения неисчисляемых имен существительных – прямое, или «истинное», и метафорическое.

К истинному исчислению мы относим структуры, в которых значение единичности реализовано с помощью разного рода так называемых «контейнеров» (Lakoff 1980: 156), например: *He went into the Terrace and asked for a can of coffee*. (Hemingway: www). Такая квантификация представляется правомерной по причине полной «прозрачности» значения и отсутствия каких-либо метафорических подтекстов.

При метафорическом исчислении выявление единичности, фрагментарности имеет в своей основе формально не обозначенное сближение по сходству: *The old man let a few crumbs of laughter fall from his mouth* (Hemingway: www). Благодаря лексическому квантору *crumbs of* автор, с одной стороны, сузил объем понятия до минимальных размеров, а с другой стороны добавил экспрессивной окраски предложению, давая читателю возможность прочувствовать иронию.

Таким образом, рассмотрение вопроса о природе, выявленности и характере языковой представленности количественных показателей для объектов, явлений, действий и свойств дает возможность назвать предмет исследования – семантика фрагментарности, ограничить объект исследования – языковые формы передачи значения «членности нечленимого», сформулировать цель как выявление существа фрагментарности бытийного мира в его языковой репрезентации, определить проблематику, в рамках которой выдерживается данное исследование, через соотношение в триаде «мир – человек – язык», иными словами, через уяснение характера объектов, их качеств и свойств, демонстрацию ментальных действий в плане отражения реального (или мыслимого) мира и определение языкового потенциала выражения значений фрагментарности.

Библиографический список

- 1.Есперсен О. Философия грамматики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/108.Jespersen Otto The philosophy of grammar/>
- 2.Звегинцев В.З. О языковых моделях мира // Вопросы философии. Ереван, 1988. №6/7. С. 268-276.
- 3.Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв.ред. А.М. Шахнарович. М., 1990.
- 4.Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностр. яз. 1945. №1.
- 5.Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge University Press, 1994.
- 6.Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. The University of Chicago Press, 1980.

РОЛЬ ИКОНИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Целью данной статьи является рассмотрение явления иконичности в художественном тексте, а также роли синтаксиса в создании художественного образа. Художественный образ является всеобщей категорией художественного творчества. А.А. Потебня писал, что искусство – это форма познания действительности, и что художник при помощи образа раскрывает сложное явление или обозначает его через определенные характерные детали (Потебня 1976). Ю.М. Лотман развивает эту идею. Познавательная функция искусства, по его мнению, реализуется, когда воссоздание раскрывает структуру изображаемого, не данную в обычном наблюдении. Это позволяет рассматривать произведение искусства как своеобразную модель, а художественное творчество – как одну из разновидностей процесса моделирования действительности (Лотман 1994). И.В. Арнольд также полагает, что художественный образ есть одна из форм отражения реальной действительности, некоторая модель действительности (Арнольд 2002).

Образ существует в знаковых системах и выражается через них. Рассмотрение искусства как семиотической системы позволяет предположить, что в знаковой системе (в частности, языке) существуют знаки, которые напрямую передают образ, благодаря сходству с тем, что изображается. В своих тезисах доклада на тему «Проблема знака в искусстве» Ю.М. Лотман пишет: «В тех случаях, когда знак представляет собой изображение, план выражения оказывается связанным с планом содержания. Это чрезвычайно существенно для искусства... План выражения становится фактором смысла, схемой построения значения» (Лотман 2002: 272).

Знаки, способные при помощи своей формы передавать значение, называются иконическими знаками. Это понятие было введено в семиотику Ч. Пирсом. Согласно его идеям, все знаки можно разделить на три группы: иконы, индексы и символы. Между означаемым и означающим символов нет никакого сходства, индексы лишь указывают на объект. Знак-икону отличает от других знаков то, что она замещает свой объект, будучи на него похожа (Пирс 2000: 201). Ч. Моррис придерживается той же точки зрения: «знак обнаруживает в себе самое свойство, которыми должен обладать его объект как денотат» (Моррис 1983: 58). По мнению Ч. Пирса, знаки-иконы бывают трех видов: образы, диаграммы и метафоры. Диаграммы – знаки-иконы, в которых отношения между их элементами сходны с отношениями между элементами объекта. Икона-образ представляет собой нерасчленимый знак, передающий целостное впечатление от объекта. Следовательно, в образах – сходство на уровне чувственного восприятия, в диаграммах – на уровне отношений, в метафорах – на уровне смыслов. Во избежание смешения терминов следует различать 1) образ, как идеальный объект, который может передаваться

знаками, в том числе и иконическими; 2) знак-образ, материальный объект, вид иконических знаков.

Идеи Ч. Пирса в отношении системы языка развил Р. Якобсон. Он показал, что иконичность можно наблюдать на разных уровнях системы языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Например, на синтаксическом уровне структуры предложения есть не что иное, как диаграммы, модели, определяющие отношения между элементами предложения, повторяющие отношения между объектами действительности (Якобсон 2001: 117). В более поздних концепциях понимания сущности иконического знака большее внимание уделяется тому, что иконический знак репрезентирует образ объекта в сознании субъекта и может не иметь объективного сходства с объектом (Эко 1998: 135). Иконичность широко изучается в ее диаграмматическом варианте когнитивной лингвистикой (Т. Givon, J. Haiman, G. Ungerer, M. Schmid, Т.В. Васильева, Г.Г. Молчанова и др.). В рамках когнитивной лингвистики были сформулированы принципы иконичности: “iconic sequencing, iconic proximity and the iconic quantity of language material” (принцип последовательности, принцип близости и принцип количества) (Ungerer, Schmid 1999: 250). Речь идет об иконической мотивированности в ее диаграмматическом варианте, заключающейся в существовании отношений соответствия между количественной представленностью, последовательностью и расположением частей языковой и концептуальной структур, отражающих действительность.

При семиотическом подходе к языку единицы всех его уровней могут рассматриваться как знаки, в том числе и предложение, представляющее собой сложный знак. Следовательно, предложение может быть иконическим знаком. Самый распространенный подход связан с признанием его диаграммой. Однако следует отметить, что в художественном тексте синтаксическая структура становится не только диаграммой, но и образом, так как она не только передает отношения между явлениями, но и создает на новом смысловом уровне целостную картину, художественный образ. Например, создаваемый структурой предложения ритм может являться не только имитацией отношений между объектами действительности, но и напрямую передавать звучание музыки, ритм танца и т. д.

Итак, синтаксис играет важную роль в создании образов художественного текста, что отмечают многие исследователи (В.В. Виноградов, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Е.А. Иванчикова, G. Leech, M. Short и др.). Далее будет сделана попытка определить роль иконичности синтаксических структур в создании образов в повести Дж. Стейнбека «Жемчужина».

В художественном тексте описывается возможный (вымышленный) мир – мир художественного произведения, который строится на основе отражения реальной действительности, поэтому его можно условно разделить на внешнюю (физическую) реальность и внутреннюю (психическую) реальность. К первой относятся объекты действительности и различные формы их взаимодействия (движения), ко второй –

компоненты психики (психические процессы): восприятие, память, мышление, эмоции и т. д. Заметим также, что мир художественного произведения является продуктом сознания автора и отражает особенности его восприятия. В зависимости от условного разделения мира художественного произведения на внешнюю и внутреннюю реальность можно выделить следующие группы образов.

1. Образы объектов внешней реальности: образы объектов и явлений природы, окружающей обстановки, внешности героев, их действий и поведения, образы движения, процессов и т. д.
2. Образы объектов внутренней реальности: образы мыслей, представлений, воспоминаний персонажей, особенности мышления и восприятия героев, их эмоциональное состояние и т. д.

Рассмотрим, во-первых, как при помощи иконического синтаксиса в повести Дж. Стейнбека «Жемчужина» создаются образы внешней реальности. Один из образов явлений природы, образ восхода солнца, создается автором при помощи обособленной цепочки однородных членов предложения, представляющей собой градацию (0,1 случай на страницу), которая подкрепляется увеличением языковой формы. Цепочка однородных членов состоит из четырех членов, первые два слова состоят из одной морфемы, третье слово из двух, последний член представляет собой словосочетание. Происходит постепенное нарастание языковой формы, что передает стремительное усиление света, появление солнца, рассвет (это подкрепляется фонетически, так как за кратким гласным в слове *wash* следует дифтонг в слове *glow*): “*The dawn came quickly now, a wash, a glow, a lightness, and then an explosion of fire as the sun arose out of the Gulf*” (Steinbeck).

Синтаксис участвует в создании образа горного ручья, с его помощью в следующем случае создается картина падающей воды: “*It bubbled out into a pool and then fell a hundred feet to another pool, and this one, overflowing, dropped again, so that it continued, down and down, until it came to the rubble of the upland, and there it disappeared altogether*” (Steinbeck). Повтор *pool* вызывает в воображении движение воды из одного бочажка к такому же другому, далее обособление, вызывая задержку в повествовании, показывает остановку воды (переполнение), далее движение возобновляется, что подчеркивается обособленным повтором *down and down*. Картина дополняется звуковым образом: при помощи ономапии *bubble* и паронимии *rubble* имитируется журчание воды.

Чтобы показать изобилие растительности и животного мира на небольшом участке земли, где есть вода, автор использует цепочки однородных существительных (5,1 случай на страницу), объединенных асиндетоном и полисиндетоном: “*The animals from miles around came to drink from the little pools, and the wild sheep and the deer, the pumas and raccoons, and the mice – all came to drink. And the birds which spent the day in the brushland came at night to the little pools that were like steps in the mountain cleft. Beside this tiny stream, wherever enough earth collected for root-hold, colonies of plants grew, wildgrape and little palms, maidenhair fern, hibiscus, and tall pampas grass with feathery rods raised above the*

spike leaves. And in the pool lived frogs and water-skaters, and waterworms crawled on the bottom of the pool” (Steinbeck).

Возможности экспрессивного синтаксиса также используются автором для создания образов персонажей, имитации их внешнего вида и поведения. Цепочки однородных глаголов (4,1 на страницу), связанных полисиндетоном, передают множественность действий Хуаны, жены главного героя Кино: она всегда в работе, не сидит на месте. Создается определенный ритм ее движений: *“She put Coyotito back in his hanging box and then she combed her black hair and braided it in two braids and tied the ends with a thin green ribbon*” (Steinbeck).

Образы повторяющихся действий создаются повтором глаголов (2,5 на страницу). Например, повтор действий в сцене драки передается непосредственным повтором глагола *swept*: *“He heard the rush, got his knife out and lunged at one dark figure and felt his knife go home, and then he was swept to his knees and swept again to the ground*” (Steinbeck).

Отсутствие явного движения передается отсутствием глаголов. Статические образы сменяют друг друга в эллиптических предложениях (0,1 на страницу): *“One bare foot moved a few inches and the toes touched the stone and gripped, and the other foot a few inches, and then the palm of one hand a little downward, and then the other hand, until the whole body, without seeming to move, had moved*” (Steinbeck).

Выше было показано, как при помощи синтаксиса были созданы автором образы внешнего мира. Теперь будет сделана попытка выяснить, как происходит построение образов внутренней реальности.

С помощью синтаксиса в художественном произведении может имитироваться ход мыслей персонажа, особенности его мышления и восприятия. Центральным персонажем повести «Жемчужина» является Кино, необразованный мексиканец – ловец жемчуга. Повествование ведется от третьего лица, тем не менее, ситуации описываются через призму восприятия Кино. Для повествования характерно большое количество употреблений сочинительного союза *and* (9 на страницу), что является показателем незрелой (детской) или необразованной речи (Leech, Short 1981): *“Kino's grandfather had brought it from Nayarit, and he had given it to Kino's father, and so it had come to Kino*” (Steinbeck).

Инициальное *and* (3,2 случая на страницу) добавляет повествованию сходство с песней, легендой, библейским повествованием: *“And Kino saw her determination and the music of the family sounded in his head with a steely tone... And the yellow sun threw their black shadows ahead of them so that they walked on their own shadows*” (Steinbeck).

Восприятию и сознанию Кино свойственна песенность как особенность восприятия мира его народом: *“They had made songs to the fishes, to the sea in anger and to the sea in calm, to the light and the dark and the sun and the moon, and the songs were all in Kino and in his people – every song that had ever been made, even the ones forgotten*” (Steinbeck). Поэтому, образ песни, мелодии является одним из центральных в произведении. Один из основных образов внутреннего мира Кино – это Песнь семьи. Ритм, напевность создаются

однородными членами (9,26), параллельными конструкциями (1,4), повторами (3,6 на страницу): *“In Kino's head there was a song now, clear and soft, and if he had been able to speak of it, he would have called it the Song of the Family... Juana sang softly an ancient song that had only three notes and yet endless variety of interval. And this was part of the family song too. It was all part. Sometimes it rose to an aching chord that caught the throat, saying this is safety, this is warmth, this is the Whole”* (Steinbeck).

Песни семьи в сознании Кино противопоставляется Песнь зла, которая начинает звучать, когда его сына кусает скорпион, и когда семью Кино преследуют, чтобы отнять жемчужину. Напряженный, отрывистый ритм создается асиндетоном, параллельными конструкциями, однородными членами: *“In his mind a new song had come, the Song of Evil, the music of the enemy, of any foe of the family, a savage, secret, dangerous melody, and underneath, the Song of the Family cried plaintively”* (Steinbeck).

Когда Кино находит большую жемчужину (*the Pearl of the World*), в его сознании возникает новый образ, мелодия жемчужины. Здесь ритм создается тремя упорядоченными цепочками однородных членов, связанных полисиндетоном (на фонетическом уровне ритм подкрепляется аллитерацией): *“And to Kino the secret melody of the maybe pearl broke clear and beautiful, rich and warm and lovely, glowing and gloating and triumphant”* (Steinbeck).

Синтаксис может передать эмоциональное состояние героя. В следующем примере простые нераспространенные предложения (3,4 случая на страницу), параллельные конструкции передают стремительность мыслей Кино, его панику, когда его маленького сына кусает скорпион: *“Kino hovered; he was helpless, he was in the way”* (Steinbeck).

Рассмотрим, каким образом синтаксис может передавать особенности чувственного восприятия персонажей.

Восприятие зрительных образов. Согласно моторной теории (Allott 1995), моторные программы и принципы комбинирования моторных программ лежат в основе структуры языка. Восприятие картины человеческим глазом – последовательный процесс, так же, как и устная речь. Последовательность зрительных восприятий и действий создает примитивную базу для упорядочивания элементов в речевых высказываниях, в чем проявляется иконичность синтаксиса.

Последовательность восприятия и узнавания объекта передается при помощи обособления (2,3 на страницу). Согласно данным физиологии, сначала воспринимается форма объекта, затем детали; восприятие происходит от общего к частному. В следующем примере узнавание рода занятий человека происходит по общим очертаниям фигуры, затем внимание обращается на внешность и возраст человека: *“The priest came in – a graying, aging man with an old skin and a young sharp eye”* (Steinbeck).

Направление взгляда при последовательном построении зрительного образа имитируется при помощи инверсии (3,3 случая на страницу). Сначала происходит восприятие фона, затем поиск на фоне объекта, на котором будет сфокусировано внимание.

В следующем примере при помощи инверсии показано, как происходит постепенное построение образа в сознании Кино, когда его глаза постепенно привыкают к темноте: последовательно появляются свет, детализация и фокусировка на источнике света (щели в стене), узнавание Хуаны. Слова расположены в предложении в том же порядке, в каком появляются объекты в поле зрения персонажа: *“Only his eyes searched the darkness, and in the pale light of the moon that crept through the holes in the brush house Kino saw Juana arise silently from beside him”* (Steinbeck). Далее приводится еще один пример постепенного построения образа, основанного на последовательном появлении объектов в поле зрения (инверсия). Обособление показывает остановку на объекте и восприятие деталей, а также оценку: *“Crease by crease he unfolded it, until at last there came to view eight small misshapen seed pearls, as ugly and gray as little ulcers, flattened and almost valueless”* (Steinbeck).

Восприятие звука. В следующем примере Кино слышит, как его враг убегает: звук шагов удаляется и замирает. Это подчеркивается структурой предложения. При помощи запятой предложение разделено на три синтагмы (8 слов, 6 слов, 3 слова), каждая последующая часть предложения содержит меньше слов и менее распространена, количество знаков уменьшается прямо пропорционально уменьшению шума: *“There was a soft scurry in the doorway, and running steps for a moment, and then silence”* (Steinbeck). В следующем примере происходит обратное, градация и обособление передают усиление крика. Однако кроме простой констатации фактов здесь происходит также осознание случившегося. Продукт мыслительной деятельности, вывод, занимает последнюю позицию в предложении, что, кроме последовательности мыслей персонажа, показывает важность данной информации: *“And then Kino's brain cleared from its red concentration and he knew the sound – the keening, moaning, rising hysterical cry from the little cave in the side of the stone mountain, the cry of death”* (Steinbeck).

Образ длительного действия создается в повести при помощи непосредственного повтора глагола, выражающего это действие (1,5 на страницу). Мы рассмотрим следующий пример в группе образов внутренней реальности, так как в нем показано субъективное восприятие долготы действия. Само по себе кратковременное действие (падение скорпиона) растягивается для главного героя в бесконечность, что передается анафорическим повтором глагола *fall* в форме прошедшего времени. Причем, долгое падение заканчивается внезапно, это подчеркивается самой структурой предложения: во втором предложении два первых однородных сказуемых распространены обстоятельствами, два последних нераспространены (следует также обратить внимание на форму *struck*, которая является односложной по сравнению с *landed*, что усиливает эффект внезапности): *“Kino's hand leaped to catch it, but it fell past his fingers, fell on the baby's shoulder, landed and struck”* (Steinbeck).

В данной работе была сделана попытка определить иконический потенциал синтаксиса при построении художественного образа на примере повести Дж. Стейнбека «Жемчужина». Проведенный анализ показал, что в данном произведении структура

предложения играет большую роль в создании образов как внешнего мира (картины природы, имитация деятельности персонажей и т. д.), так и внутреннего мира персонажей (особенности их мышления, восприятия, эмоционального состояния). Все это позволяет считать, что образная иконичность художественного текста имеет большое значение для стилистики и требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.
2. Иванчикова Е.А. Язык художественной литературы: Синтаксическая изобразительность. Красноярск, 1992.
3. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 28-65.
4. Лотман Ю.М. Проблема знака в искусстве // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 272-273.
5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 37-89.
6. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000.
7. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
9. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика: Антология. Сост. Ю.С. Степанов. М., Екатеринбург, 2001. С. 111-126.
10. Allott R. Motor Theory of Language in Relation to Syntax [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <http://www.percepp.demon.co.uk/syntax.htm>
11. Leech G.N., Short M.H. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London and New York, 1981.
12. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London and New York, 1999.

Список источников иллюстративного материала

1. Steinbeck J. The Red Pony. The Pearl. Moscow, 1965.

*Лопатина М.Ю.
Барнаул*

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯДЕРНЫХ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Операциональное предпочтение представляет ментальное действие, сопровождающее любую активность человека на протяжении всего жизненного пути. В каждодневных ситуациях, требующих принятия решения, человек сравнивает получаемые им знания с уже имеющимся опытом и, предпочитая тот или иной вариант, производит выбор, руководствуясь, в первую очередь, своими желаниями, мнениями, принципами, фундаментом которых является индивидуальная система ценностей.

Когнитивная обусловленность акта предпочтения позволяет репрезентировать последний в виде фрейма. Во фрейме «операциональное предпочтение» в соответствии с принципом иерархической организации выделяются облигаторные и факультативные компоненты. К первым относится следующий набор партиципантов, обязательное наличие которых служит залогом

реализации акта предпочтения и способствует успешной коммуникации: субъект, альтернатива, задающая проблемную ситуацию, желание, цель/мотив, принятие решения, выбираемая сущность. Ко вторым – критерий, намерение, физическое действие.

Вербализация рассматриваемого фрейма осуществляется разноуровневыми языковыми средствами, наиболее яркими из которых являются лексические единицы.

Арсенал средств выражения семантики операционального предпочтения на лексическом уровне в современном английском языке отличается большим разнообразием. При этом наиболее частотными репрезентантами фрейма «операциональное предпочтение» являются лексико-грамматические классы глагольных и субстантивных языковых единиц. Актуализационная рекуррентность этих классов слов в выражении семантики предпочтения объясняется тем фактом, что, согласно экспериментально подтвержденным данным, именно глаголы и существительные обладают наибольшим потенциалом активизации фрейма (Рыскина 2004: 3). Особенность глагольной лексемы состоит в её способности представлять значение всей ситуации с определённым набором компонентов и их иерархией. Данная характеристика делает глагол одной из центральных составляющих при формировании смысла предложения-высказывания.

В соответствии с теорией прототипов и иерархической структурой фрейма выявленные на основе анализа словарных статей (OPT 1994; APCC 1998; СНУСАЯ 2001; ODSA 1999; ALDCE 1996; LDELC 1998; MEDAL 2002; WD 1993) языковые единицы подразделяются на прототипические и периферийные (ближней и дальней периферии). В нашем исследовании критерием отнесения слова к той или иной группе служит степень экспликации семантики предпочтения, определяемая местом (порядковым номером), которое занимает сема [предпочтение] (наличие слова-идентификатора *prefer* (*preference*)), а также лексемы, использованной при его лексикографическом толковании на первой ступени идентификации *choose* в дефиниционной иерархии слова. Применение обозначенного критерия обусловило деление лексических единиц, репрезентирующих операциональное предпочтение, на следующие группы:

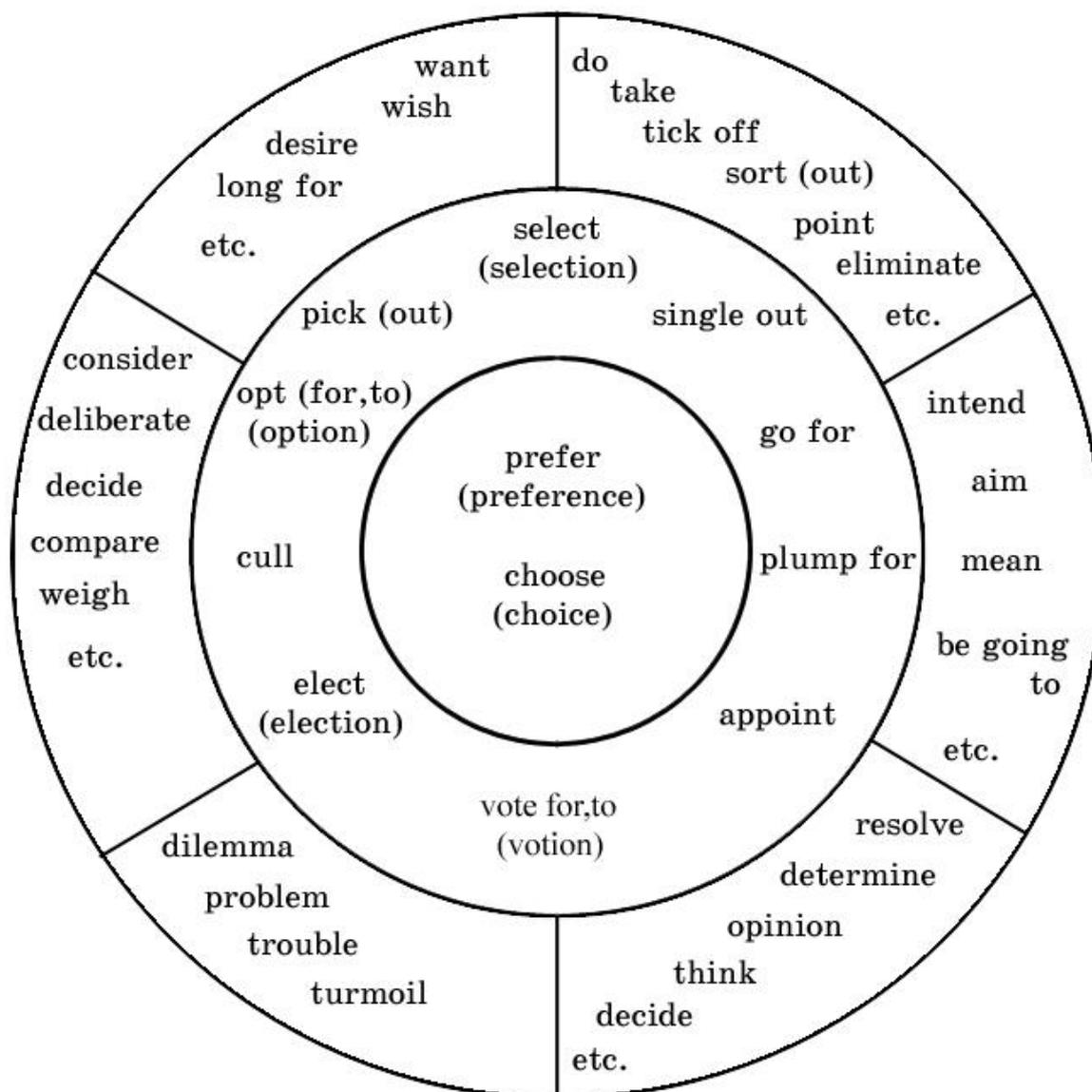
- 1) ядерные лексемы, отражающие прототипическое значение действенного предпочтения одного объекта другому, у которых данное значение фиксируется на первой ступени идентификации, стилистически не маркированные, частотные, обладающие функциональным сходством: *prefer* (*preference*), *choose* (*choice*);
- 2) лексические единицы, имеющие значение операционального предпочтения хотя бы в одном словаре независимо от ступени идентификации, менее частотные, обладающие определёнными коннотативными признаками: *select* (*selection*), *elect* (*election*), *vote for*, *appoint*, *single out*, *opt for* (*opt out*, *option*), *pick* (*pick out*, *pick*), *cull*, *plump for*, *go for*;
- 3) лексические единицы, реализующие непрототипическое значение операционального предпочтения: *want*, *desire*, *wish*; *think*, *consider*, *deliberate*, *compare*, *dilemma*, *turmoil*, *trouble*, *problem*; *decide* (*decision*), *resolve* (*resolution*), *determine* (*determination*); *intend* (*intention*), *be going to*, *aim*, *take*, *eliminate* (*elimination*), *tick off*, *sort* (*sort out*, *sorting*), *point out*, etc. Основанием отнесения данных лексем к фрейму «операциональное

предпочтение» послужила их способность реализовывать семантику предпочтения в конкретных контекстах и ситуациях.

Совокупность перечисленных лексем может быть представлена графически схемой (Схема 1). В данной схеме ядерные единицы и единицы ближней периферии располагаются в однородно-диффузных кругах, в то время как единицы дальней периферии заключены в круг, разделённый на сегменты. Языковые единицы, входящие в отдельный сегмент, объединены общей семой. Например, лексемы *wish*, *want*, *desire*, *long for* содержат сему [желание] в интенционале их значения. В целом системные значения единиц в представленных сегментах совпадают с наименованиями компонентов рассматриваемого фрейма «операциональное предпочтение». Фактически анализируемая схема демонстрирует стадиальность психической деятельности в ситуации выбора, включающей последовательность ментальных действий: возникновение желания – формирование мнения – принятие решения – намерение воплотить принятое решение в жизнь и непосредственно физическое действие.

Схема 1.

**Прототипическая организация лексических средств
актуализации семантики операционального предпочтения**

Включение в перечень ядерных лексем со значением операционального предпочтения глаголов *prefer* и *choose*, а также производных существительных *preference* и *choice* наталкивает на мысль о наложении фреймов «операционального предпочтения» и «выбора». Подтверждение данной идеи опирается на семантико-синтаксический анализ слов-идентификаторов упомянутых фреймов – лексем *prefer* и *choose*, чему и посвящено наше исследование.

Анализ словарной статьи, раскрывающей семантику глагола *prefer* (LDELС 1998: 1052), показывает, что системное значение данной лексемы представлено набором лексико-семантических вариантов, объединённых семой [предпочтение], входящей в интенционал значения данного глагола. Согласно дефиниционному анализу, рассматриваемая языковая единица обладает как широкой семантикой (1-я ступень идентификации: *to choose (one thing or action)*), так и узкоспециальными значениями (2-я и 3-я ступени идентификации: *to officially make (a charge) against someone; to appoint to a higher position*). Обращает на себя внимание факт толкования лексемы *prefer* посредством глагольной единицы *choose* на первой ступени идентификации (возможно и обратное – дефинирование глагола *choose* с помощью глагола *prefer* (WD 1993: 57)). Кроме того, данные слова рассматриваются в качестве синонимов во всех использованных нами словарях синонимов (APCC 1998: 337; СНУСАЯ 2001: 72, 341; ODSA 1999: 62, 311). Анализ лексикографического толкования лексемы *choose* свидетельствует об отражении в дефинициях данного глагола таких компонентов фрейма «операциональное предпочтение» как: альтернатива (*pick from a number of things, possibilities*), желание, физическое действие (*show what or which one wants by taking*), принятие решения (*decide*), намерение (*be determined*). Аналогичные слоты выделяются и во фрейме «выбор» (Яскевич 1998). Таким образом, анализ дефиниций исследуемых глаголов теоретически подтверждает выдвинутую гипотезу о наложении фреймов «операциональное предпочтение» и «выбор». Однако для представления полной картины взаимодействия данных глагольных единиц необходимо рассмотреть случаи их актуализации в речи.

Исследованный фактический материал позволил обнаружить как сходства, так и различия в категориальной семантике анализируемых глагольных единиц. Так, сближение категориальной семантики исследуемых глаголов происходит в результате их способности актуализировать результативное (выделение одного варианта из предложенных и его реализация) и стативное (выделение варианта среди других) значения, как, например, в следующих примерах:

(1) *'She was a very good doctor,' the little boy added. 'We could have lived in Paris, but she preferred the south.'* (Segal (b), 82) – результативное значение.

(2) *When it came to making her habit, as usual she had her choice of color and as usual chose blue* (Mitchell, 988) – результативное значение.

(3) *But I prefer to go right now* (Segal (a), 130) – стативное значение.

(4) *And so I choose not to pay a penny of your bills* (Segal (a), 12) – стативное значение.

В то же время анализ других примеров употребления данных единиц свидетельствует о том, что глагол *choose* обладает бóльшим по сравнению с глаголом *prefer* набором признаков (признак в данном исследовании истолковывается вслед за Е.В. Падучевой как «название семантического компонента» (Падучева 1991: 36)). В семантической структуре данного глагола, помимо названных признаков, имплицитно подразумевается значение актуально протекающей деятельности (процесса), что может быть подтверждено следующими примерами:

(5) *She made familiar Javanese gestures with her wrists and hands, offering me, in a brief display of humorous courtesy, to **choose** between a rocker and the divan* (Nabokov, 303).

(6) *'There's so much to **choose** from.'* (Steel, 163)

(7) ***Choose** yo' padners fo' de Ferginny reel!* (Mitchell, 192)

(8) *If she'd agreed with him, they could be out **choosing** mobiles for the nursery by now* (Taylor, 303).

Обозначенный признак обуславливает также абсолютное употребление глагола *choose*. Например:

(9) *'That's a cop out. You are paying, so you can **choose**.'* (Taylor, 256)

В самом общем виде глагол *prefer* может быть отнесён к стативным предикатам с доминирующей семой [стативность]. В то же время глагол *choose* удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нестативным (активным) предикатам (Табанакова, Шумцов: www), основным из которых считается способность предиката функционировать в форме Continuous (пример (8)). Кроме того, нестативные предикаты имеют форму повелительного наклонения (пример (7)), сочетаются с модальным глаголом в значении разрешения (*may, can*) (пример (9)), могут быть подчинены сказуемому, выраженному глаголами *tell, order, permit, force, persuade, offer* (пример (5)).

Функциональные особенности исследуемых предикатов обуславливают тот факт, что *choose* допускает две диатезы (диатеза представляет собой синтаксическую конструкцию, которая задаёт фокусировку внимания на том или ином участнике ситуации (Падучева 1999: 37) – прямую (указывающую на результат выбора, выбранную сущность) и косвенную (не указывающую на выбранную сущность, акцентирующую внимание на множестве выбора (примеры (4)-(8)). В свою очередь, глагол *prefer* имеет только прямую диатезу. Даже в том случае, когда лексема *prefer* открывает позицию, заполняемую дополнениями, обозначающими варианты выбора, как в следующем примере:

(10) *He **preferred** a whey-faced little fool like Melanie to her* (Mitchell, 118).

Такой просодический признак как фразовое ударение вводит в фокус выбранную сущность, перемещая признак «варианты выбора» в презумптивную часть высказывания.

Признаки «процессуальность» и «результативность» позволяют глаголу *choose* вращаться в семантической сфере глаголов физического действия, приобретая специфичные для глаголов данного класса характеристики. Так, в примере (11) *choose* предстаёт трёхвалентным глаголом (термин Л. Теньера), сближаясь в данном аспекте с глаголом *give*:

(11) *She chose him a book* (LDELC, 219).

Другим примером наложения семантики *choose* и глаголов физического действия является способность первого встраиваться в сочетание *make smb. do smth.*, которое актуализуется, например, в следующей ситуации:

(12) *'If I made him choose, there'd always be a chance I'd lose him.'* (Segal (b), 89)

Кроме того, лексема *choose* может присоединять словообразовательный суффикс *-er*, имплицитующий сему [деятель]:

(13) *She was not taken by the appearance of the place – in her memory ... it was homlier, more dignified, more open ... however, beggars cannot be choosers* (Fowles, 240).

Изначальная принадлежность глагола *choose* семантическому полю «действие» отмечается в этимологическом словаре английского языка, где данная лексема дефинируется как “*take by preference*” (ODEE 1996: 172). В свою очередь, в этимологическом истолковании глагола *prefer* обращает на себя внимание дефиниция “*set before others in esteem*” (ODEE 1996: 705), вводящая в фокус оценку как результат квалифицирующей деятельности сознания. Ингерентные признаки рассматриваемых глаголов (для *prefer* – результат ценностного сравнения объектов (их свойств), для *choose* – актуальное действие с ценной (оцененной со знаком «+») для субъекта сущностью) рекуррентно актуализуются в рамках одной и той же коммуникативной ситуации, как например:

(14) *“So! You are breaking out of that cocoon of English sobriety at last! And you choose to amuse yourself with another of these weaklings. First Kirk, now Leo, who is a French version of the same thing. I ask myself why it is that you prefer these men, and I can only decide that you are afraid ... of anything more demanding!”* (Lamb, 107)

Таким образом, данные языковые единицы, принадлежат одному тематическому классу слов ментально-волевого действия (объединённых семами [одушевлённость], [ментальность], [интенциональность]), различаются по таксономическому параметру: если категориальная парадигма глагола *prefer* включает параметры состояние и действие, то *choose* может быть отнесён к глаголам «полного охвата» (Кустова, Падучева 1991: 104), характеризующимся трёхчленной категориальной парадигмой, включающей действие, процесс, состояние.

Анализ грамматического значения отглагольных существительных *preference* и *choice* свидетельствует о наличии у них интегрального признака «предметности», доказательством чему служит, в частности, способность данных существительных образовывать атрибутивные словосочетания и становится исчисляемыми (например, *a strong preference, obvious preferences, your first choice, a good choice* и т.п.).

В то же время существительное *choice* сохраняет присущий производящему глаголу *choose* признак «процессуальность». Сема [процессуальность] имплицитруется в лексеме *choice*, актуализируемой в следующей ситуации:

(15) *She supposed that when decorating was your life, the choice of paint became very popular* (Taylor, 193).

Отражая динамику выбора, его ментальный характер, языковая единица *choose* (*choice*) проявляет способность к образованию атрибутивных и адвербиальных словосочетаний с лексемами, включающими семы обдумывания, осознания, тщательного рассмотрения, временных затрат (*logical, deliberate, consciously, carefully, late, etc.*), как, например, в следующих ситуациях:

(16) *Jess and I had always relied on house-sitters, but the usual candidates were unreachable that day, and I didn't want to unsettle the dog with strangers. The **logical choice** was Jess* (Armistead, 177).

(17) *I couldn't help wondering if he knew that, if he'd **consciously chosen** the shirt to put me at ease* (Armistead, 105).

(18) *I **chose** my words **with care**, knowing there was still a chance compromise if I could just angle her into the right frame of mind* (Armistead, 202).

(19) *'**Late choices** are often the best.'* (Fowles, 185).

Особенности лексической сочетаемости глагола *prefer* и существительного *preference* находят отражение, в частности, в словаре Oxford Collocations Dictionary for Students of English (OCDSE 2003: 589), где представлены такие рекуррентно сочетающиеся с анализируемыми лексемами атрибуты и адвербиалы как *greatly, much, strongly, infinitely, simply, really, clear, obviously, apparently, generally, usually*. Очевидно, образуя словосочетания с перечисленными языковыми единицами, *prefer* и *preference* эксплицируют, с одной стороны, склонности и вкусы субъекта, как в следующем примере:

(20) *"Do you prefer the inside or the outside, J.?"*

*I said I **generally preferred** to sleep inside a bed.* (Jerome, 48),

а, с другой – оценку-мнение как результат и констатацию факта взвешенного решения:

(21) ***For obvious reasons I preferred** my house to his for the games of chess we had two or three times weekly* (Nabokov, 200).

Наряду с семой [ментальность] в семантике глагола *choose* имплицитруется сема [случайность/произвольность], в силу чего данный предикат проявляет способность к экспликации инстинктивного действия (принятия решения) или действия «на удачу». Данные действия могут иметь как положительные последствия для субъекта:

(22) *Instinct had not belied him; he **had chosen** well* (Hailey (b), 281),

так и отрицательные:

(23) *It was much earlier than usual for Helena to arrive, and Holly mourned **the mischance that had made her choose** tonight of all nights to be early. There was no doubt that Helena had seen them* (Stratton, 97).

Сочетание лексической единицы со значением выбора с наречием *at random* является непосредственным способом номинации идеи случайного выбора:

(24) *The people for the experiment **were chosen completely at random*** (LDELС, 1102).

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод не только о наложении фреймов «операциональное предпочтение» и «сознательный выбор», но и о вхождении первой

пропозициональной структуры во вторую. В упрощённой схеме процедура выбора включает следующую последовательность актов: сравнение альтернатив → оценка → предпочтение → действие. Предпочтение, таким образом, является одной из стадий выбора, в силу чего предикат *prefer* рекуррентно вводит в фокус оценку-мнение, программирующую действие, в то время как актуализованная в речи лексема *choose*, сближаясь семантически и функционально с глаголами физического действия, акцентирует внимание на компонентах «альтернатива», «физическое действие» и «принятие решения» как динамических процессах.

Анализ фактологии также свидетельствует о проблематичности выделения в семантической структуре исследуемых глаголов при их актуализации в речи чётких дифференциальных признаков фреймов «операциональное предпочтение» и «сознательный выбор». Очевидно, ментальные действия, стоящие за компонентами «желание», «волеизъявление», «оценка-мнение», «принятие решения», «физическое действие» и т. д., осуществляются в ситуации предпочтения/выбора одновременно. Так, в следующем примере лексемы *prefer* и *choose*, как представляется, актуализуют комплекс таких признаков как «желание», «волеизъявление», относящихся к эмоциональной стороне сознания, а также «мотив», «оценка-мнение», «принятие решения», принадлежащих сфере мысли:

(25) *'But why should he have not discussed it sooner?'*

'Dearest, I'm afraid that is Uncle Bob to the life. But tell me what I am to say.'

*'Which should you **prefer**?'*

*'Whichever you **choose**. Neither, if needs be. Though he would be hurt.'* (Fowles, 167)

Проведение демаркационной линии между упомянутыми компонентами вызывает затруднение в силу того, что сознание – суть единое целое, слагаемое из двух переплетающихся, взаимовлияющих и взаимодействующих потоков: эмоционального и рационального. Идея тесного переплетения сфер сознания, отразившаяся в семантике глаголов предпочтения/выбора, озвучена, в частности, Ш. Балли. По его мнению, мысли, порождаемые потоком жизни и ориентированные на цель, действие (практические рассуждения, предоставляющие руководство к действию, имплицитные в семантике лексических единиц поля «выбора» – прим. М.Л.) никогда не бывают исключительно интеллектуальными, поскольку неизменно сопровождаются эмоциями, желаниями, проявлениями воли и другими жизненными импульсами (Балли 2003: 28-31).

Таким образом, способность лексем *prefer* (*preference*) и *choose* (*choice*) актуализировать ситуацию предпочтения/выбора в совокупности составляющих её действий обусловлена внутренней семантикой данных единиц. Ядерные лексемы со значением предпочтения/выбора могут быть отнесены к сложным комплексам, аккумулирующим семантическую (языковую) и когнитивную (объективную) информацию о процедуре выбора.

Библиографический список

1. Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.
2. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1991. №4. С. 96-106.
3. Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 34-35.
4. Падучева Е.В. Семантика глаголов выбора // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. №5-6. С. 34-43.
5. Рыскина О.Ю. Репрезентация фрейма «принятие решения» в современном английском языке (на материале глагольной и субстантивной лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
6. Табанакова В.Д., Шумцова И.А. Семантические типы предикатов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.utmn.ru/frgf/№010/text 01.htm>
7. Яскевич Т.В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке (на материале глагольной лексики)): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998.
8. [APCC] Англо-русский синонимический словарь / Под ред. А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. М., 1998.
9. [CHUSAYA] Словарь наиболее употребительных синонимов английского языка / П.П. Литвинов. М., 2001.
10. [ALDCE] The Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. M., 1996.
11. [LDEL] Longman Dictionary of English Language and Culture. Great Britain, 1998.
12. [MEDAL] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002.
13. [OCDSE] Oxford Collocation Dictionary for Students of English. N.-Y., 2003.
14. [ODEE] The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.T. Onions. N.-Y., 1996.
15. [ODSA] Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms / Compiled by Alan Spooner. N.-Y., 1999.
16. [OPT] The Oxford Paperback Thesaurus. N.-Y.: Oxford University Press, 1994.
17. [WD] Webster's Dictionary. Запорожье, 1993.

Список источников иллюстративного материала

1. Armistead Maupin. Night Listener. London: Black Swan, 2001.
2. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. Great Britain: Triad Paperbacks Ltd, 1977.
3. Hailey A. Final Diagnosis. СПб., 2004.
4. Jerome K. J. Three Men in a Boat. M., 2003.
5. Lamb Ch. Carnival Coast. Toronto, Winnipeg, 1973.
6. Mitchell M. Gone with the Wind N.-Y.: The Macmillan Company, 1971.
7. Nabokov V. Lolita. Moscow, 2002.
8. Segal E. (a) The Class. N.-Y., 1985.
9. Segal E. (b) Love Story. M., 2003.
10. Steel D. Season of Passion. Great Britain, 2002.
11. Stratton R. Castles in Spain. Toronto, Winnipeg, 1974.
12. Taylor L. Reading between the Lines. London, 1999.

РОЛЬ ОЦЕНКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОСПРИНИМАЕМОМ

Познание является центральным понятием многих научных парадигм в точных и естественных науках, в гуманитарных и социальных областях научного знания и определяется как «обусловленный развитием общественно-исторической практики процесс отражения и воспроизведения действительности в мышлении; взаимодействие субъекта и объекта, результатом которого является новое знание о мире» (СЭС 1990: 1035). Приоритетное положение данного феномена очевидно: специфика процесса познания позволяет увидеть различия между сознанием животного и человека, помогает найти ответ на то, что есть человек. Так, психологами выделяется два основных фактора, акцентирующих несхожесть сознания животного и человека. Во-первых, это способность человеческого мышления идти дальше, за грани чувственного отражения действительности в область абстрактную, рациональную, а во-вторых, это наличие языка как системы знаков и кодов, которые непосредственно связаны и предопределяют «категориальное» мышление (Лурия: www, Солсо: www).

Согласно современной теории, процесс познания имеет четырёхчастную структуру, включающую субъект, объект, основание и результат познания. Под субъектом принято понимать конкретного телесного индивида, существующего в пространстве и времени, включённого в определённую культуру, имеющего биографию, находящегося в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Объектом может выступать сам человек, любое явление, предмет окружающей действительности, на который направлено познание. Основанием познания является «накопленный и живой опыт человека», а результатом – приобретённое знание (Лекторский 2001: 155, 157). Психологические исследования, направленные на изучение работы мозга, показывают, что человеческое познание представлено двумя частями: чувственной и рациональной (Рубинштейн: www). Чувственное познание определяется восприятием и представлением. Под восприятием понимается активная деятельность организма по сбору информации об окружающей среде при непосредственном контакте с реальным миром. То же самое можно сказать и о представлениях, отличающихся от восприятия тем, что возникающий образ берётся уже из памяти, он менее чёткий по сравнению с образом, формирующимся в результате восприятия (Лекторский 2001: 119; Чувственное...: www). Отметим, что в основе всякого восприятия лежат ощущения, однако это вовсе не означает, что их совокупность составляет восприятие. Интересно, что ощущения, с которых и начинается восприятие, не рассматриваются в качестве одного из видов познания, они, несомненно, составляют его неотъемлемую часть, но, тем не менее, не являются познанием. Ощущения – это информация, получаемая организмом из окружающей среды в результате работы органов чувств, рецепторов; это основа восприятия. Познание начинается именно с восприятия,

процесса, который предполагает переработку ощущений для дальнейшего формирования образа (Леонтьев: www). Так, сенсорика является основным толчком, материалом для рациональных операций. По данным физиологических исследований, известно, что, например, человеческий глаз способен воспринимать большое количество информации, поступающей через зрительный канал, однако благодаря работе мозга, человек может гибко и быстро обрабатывать полученный образ, сводя его сначала к «упрощённому» изображению, отбрасывая все «лишние» детали. Очевидно, что на данном этапе достаточно сложно интерпретировать информацию, однако он необходим, поскольку без него в сознании произошёл бы так называемый информационный взрыв от того количества информации, которое находится вокруг человека. Следующим этапом распознавания образа считается создание конкурирующих, неподдающихся одному объяснению изображений с последующим их соотносением с прошлым опытом человека и окончательной конкретизацией образа (Линдсей, Норманн 1974: 20-22). Существуют различные взгляды на проблему того, посредством каких операций происходит создание образа. Не останавливаясь подробно на каждой из теорий, обозначим лишь основные положения. Одной из известных считается гештальт теория, постулирующая построение образа по подобию некоторой структуры, каркаса. По У. Найссеру сбор информации идёт по определённым схемам, когнитивным картам, расположенным иерархически относительно друг друга по степени общности. Одни из этих схем заложены в человеке с рождения, другие приобретаются в процессе жизни (Найссер 1981; Лекторский 2001: 125). Теория фреймов констатирует фреймовую специфику работы сознания с поступающей информацией. Под фреймом понимается «структура данных для представления стереотипной ситуации» (Минский 1979: 7). На протяжении жизни у человека формируются определённые фреймы знания, когнитивные схемы или структуры, которые представляют базу для обработки информации, обеспечивая возможность отбора релевантных/нерелевантных элементов и последующего обобщения для постижения глобального смысла получаемой информации. Они содержат не только основную, типическую информацию, ассоциирующуюся с тем или иным явлением, объектом, но и потенциально возможную. Это позволяет моделировать новую ситуацию с использованием уже известных данных. Важно отметить, что когнитивные модели состоят из ограниченного количества частей и отношений, позволяющих структурировать неограниченное множество образов, событий и восприятий (Johnson 1987; Mark, Frank 1996). Проиллюстрировать сказанное можно следующим примером:

(1) *NASA administrator Lawrence Ekstrom was a giant of a man, ruddy and gruff, like an angry Norse god... This guy was no Martha Stewart* (Brown: www).

Перед читателем предстаёт образ пылающего гневом бога – великана, которому противопоставляется некая Марта Стюарт. Так, не имея представления о том, кто есть данная личность, читатель всё же понимает, что эта аллюзия составляет контраст одному из героев произведения, Лоренсу Экстрому. Наличие характерной в такого рода контексте

конструкции *This was no...* активирует в сознании когнитивную схему, позволяющую интерпретировать полученную информацию как контрастную. Действительно, Марта Стюарт – весьма успешная личность, бизнес магнат, телеведущая, добрая, сияющая улыбка которой знакома многим американским телезрителям.

Таким образом, процесс восприятия не ограничивается суммой ощущений. Восприятие предполагает сложную переработку информации сознанием человека, где поступающие из окружающей среды данные сравниваются, соотносятся со схемами, картами, фреймами (в зависимости от того, какой когнитивной теории придерживаться).

Человеческое познание, начинаясь с ощущений и восприятия, переходит на уровень мыслительной деятельности, для которой характерна абстрактность и обобщённость (Рубинштейн 1998: 249). Большая часть деятельности по обработке поступающей информации основывается на базовых мыслительных операциях. Прежде всего, это сравнение, являющееся элементарной формой познания, свойственной как человеку, так и животному. Данная мыслительная операция напрямую связана с практической деятельностью, со способностью человека и животного к самосохранению, потому как именно в сравнении, в сопоставлении вещей и явлений выявляются тождества и различия, необходимые для ориентации и существования в мире (Божеева 1986: 26). Более глубокое познание, в результате которого вскрываются существенные признаки, связи и закономерности, происходит благодаря анализу, синтезу, абстракции и обобщению (Рубинштейн 1998: 261).

Человеческому познанию, как уже было отмечено выше, свойственна высокая степень избирательности, направленность процесса отражения на жизненно важные объекты действительности (Губанов 1986: 179). Так, в своей работе «Психические явления и мозг», Д.И. Дубровский отмечает: «Живая система производит отбор значимых для неё внешних воздействий, область которых определяется в целом наследственно фиксированной программой, а в данном временном интервале – доминирующими потребностями» (Дубровский 1971: 177). Избирательность чувственного отражения у человека определяется тремя уровнями детерминации:

- 1) структурно-генетической;
- 2) адаптационно-физиологической;
- 3) социально-личностной.

Сущность структурно-генетического уровня заключается в том, что в результате биологической эволюции и антропогенеза органы чувств адаптировались к внешней среде, приобрели анатомо-физиологическое строение, позволяющее им иметь высокую чувствительность к какому-либо виду энергии. Именно генетическая обусловленность позволяет относительно постоянно и устойчиво отражать окружающий мир. В любой анализаторной системе существуют внутренние нервные и гуморальные механизмы, которые регулируют чувствительность, адаптируют сенсорную систему к всевозможным внутренним и внешним изменениям, позволяют наиболее адекватно воспринимать действительность (Губанов 1986: 179-184).

Адаптационно-физиологическая детерминация предполагает два способа физиологической настройки органов чувств: 1) перцептивные движения и 2) изменение числа функционирующих рецепторных элементов. Под перцептивными движениями принято понимать движения рецепторных аппаратов и органов чувств, каждый из которых имеет мускульную массу и обладает афферентной иннервацией, позволяющей производить необходимые настройки, поиск, операции наведения и прослеживания. Перцептивные движения обеспечивают полноту восприятия, идущего от отражения простых свойств анализируемого объекта и завершающегося их соединением в окончательный образ. Сущность второго способа настройки органов чувств заключается в важной способности организма как полноценной системы производить саморегуляцию и самонастройку, подключая или отключая, усиливая или снижая работу тех или иных элементов. Так, при восприятии того или иного объекта органы чувств, в зависимости от силы и качества внешнего воздействия, функционируют не всеми своими составляющими, а лишь теми, которые необходимы для адекватного отражения явления. Данная настройка сенсорного аппарата необходима и для анализа мозгом поступающей извне информации: пропущенная через органы чувств она «передается» в мозговой центр, где после первичной обработки снова «возвращается» и пропускается через заново настроенный сенсорный аппарат, отправляющий её в этот центр. Данный процесс может происходить столь часто, пока организм не получит необходимую в конкретной ситуации информацию.

Социально-личностный аспект избирательности чувственного отражения объясняется тем фактом, что человек является существом не только биологическим, но и социальным, с определенными потребностями, целями, ценностями, убеждениями, положением на социальной лестнице и т. д. Именно такого рода вещи и определяют познавательную деятельность человека, её направление и в определённой степени конечный результат. Так, например, в субкультуре японских гейш перед принятием важного решения необходимо проконсультироваться с альманахом-календарём, включающим в себя сведения из области астрономии и астрологические прогнозы. Очевидно, что такого рода знания не нужны современному человеку европейского общества.

Избирательное познание предполагает два важных процесса: процесс отражения и оценки. «Под отражением в науке принято понимать свойство материальных систем в процессе взаимодействия запечатлевать и сохранять в своей структуре следы воздействия другой системы» (Неганов и др. 2004: 9). Познавая окружающий мир, человек не ограничивается лишь фактическими данными о том или ином явлении, объекте, он также даёт ему и оценку с точки зрения его значения для жизни. Отражение всегда происходит вместе с оценкой (Хапсировов 1972: 3). Так, сравнение, будучи элементарной формой познания, уже включает в себя оценку, так как для того, чтобы определить тождественность объектов, а затем в этой тождественности выделить различие, необходимо оценить сопоставляемые признаки. Оценка, по сути, есть сравнение и может быть выражена как эксплицитно, актуализируясь в слове, например:

(2) *That afternoon when I met so-and-so ... was the very best afternoon of my life, and also the very worst afternoon* (Golden, 1),

так и имплицитно, как в примере (3):

(3) *Here he grabbed Mameha, and you should have seen the astonished expression on her face when he dipped her toward the floor in what looked like a passionate embrace, and planted kisses all over her face. Everyone in the room cheered and clapped. Everyone except Hatsumomo, that is* (Golden, 378).

В данном отрывке оценка проявляется в поведении людей: одобрение происходящего выражается приветственными восклицаниями и аплодисментами, а негативное отношение – отсутствием подобного рода действий.

Анализируя языковую оценку, М.В. Ляпон даёт следующее определение: «Оценка – вербализованный (отражённый, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания или деятельности сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики» (Ляпон 1989: 24). Важным, на наш взгляд, является понятие «квалифицирующей деятельности», ещё раз подчёркивающей избирательный принцип человеческого познания, а также фреймовую специфику работы сознания с поступающей информацией.

Мыслительная деятельность связана с потребностями и интересами человека, поэтому эмоциональные моменты чувств, переживания человека по отношению к окружающему миру непосредственно входят в познавательный процесс и «окрашивают» его (Рубинштейн 1998: 256). Так, Л.С. Выготский писал: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» (Выготский 1956: 54). Единство отражательного и оценочного имеет своё обоснование и на физиологическом уровне. Для раскрытия данной взаимосвязи обратимся к сочинениям И.П. Павлова, посвященным исследованию работы человеческого мозга. Основная причина соприкосновения отражательного и оценочного заключается во взаимосвязи коры головного мозга и подкорки. Кора больших полушарий представляет собой совокупность анализаторов, непосредственно отвечающих за отражательные процессы и вызывающих определённые ощущения и восприятия при наличии некоторого предмета. Подкорка напрямую связана с деятельностью симпатической нервной системы и оценочным уровнем чувственного познания. Основным условием порождения эмоций является присутствие некоторого нервного возбуждения в коре головного мозга и его дальнейшего воздействия на подкорковые центры (Павлов 1951: 230; Хапсироков 1972: 31-33). Эмоция, по определению П.В. Симонова, «есть отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (её качества и величины) и вероятности (возможности) её удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретённого индивидуального опыта» (Симонов 1993: 189). Для того, чтобы лучше разобраться в том, какую роль играет кора головного мозга при возникновении эмоций, рассмотрим учение И.П. Павлова о динамическом стереотипе: «Нужно думать,

что нервные процессы полушарий при установке динамического стереотипа есть то, что обыкновенно называют чувствами в их основных категориях, положительной и отрицательной, в их огромной градации интенсивностей. Процессы установки стереотипа, довершения установки, поддержки стереотипа и нарушений его и есть субъективно разнообразные положительные и отрицательные чувства» (Павлов 1951: 230). Важно отметить, что одним из основных раздражителей в коре головного мозга, влияющего на возникновение эмоций, чувств, является слово. Чтобы слово произвело нервное возбуждение, его значение должно осознаваться на основе корковой деятельности. «Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, – писал И.П. Павлов, – связано со всеми внешними и внутренними раздражителями, приходящими в большие полушария, всех их сигнализирует, всех их заменяет и поэтому может вызывать все те реакции организма, которые обуславливают те раздражения» (там же: 429).

Таким образом, приходим к выводу, что человеческому познанию присуща выборочность восприятия, обусловленная не только социально-личностной детерминацией отражения, но и заложенная изначально на генном уровне. Познание всегда включает в себя два механизма: отражение и оценку, единство которых имеет своё обоснование главным образом на физиологическом уровне. Эмоции, порождаемые в подкорковой области, берут своё начало уже в окружающей действительности, откуда посредством органов чувств поступает определённая информация, подлежащая переработке в коре головного мозга. Полученная информация может вызывать нервные возбуждения, которые, распространяясь, приводят к возникновению эмоций в подкорке. Эмоции, в свою очередь, выражают оценочность, личностное отношение к определённым явлениям, ситуациям, объектам окружающей действительности, к себе и своей деятельности.

Библиографический список

1. Божеева З.А. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц компаративной семантики // Проблемы лингвистической семантики. Алма-Ата, 1986. С. 26-32.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
3. Губанов Н.И. Чувственное отражение (анализ проблем в свете современной науки). М., 1986.
4. Дубровский Д.И. Психологические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М., 1971.
5. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
6. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.koob.ru/books/common_psychology/leontjev_lekcii_po_obshej_psihologii.ra
7. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека (введение в психологию). М., 1974.
8. Лурия А.Р. Язык и сознание [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.koob.ru/luria/jazik_i_soznanie

9. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М., 1989.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
11. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
12. Неганов Ф.М., Файзуллин Ф.С., Ханов И.Н. Аксиологическая детерминация. Уфа, 2004.
13. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. III, кн. 2. М., 1951.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
15. Симонов П.А.: Информационная теория эмоций // Психология эмоций. М., 1993. С. 188-195.
16. Солсо Р. Когнитивная психология [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.koob.ru/solso_robert/kognitivnaya_psihologiya_solso
17. Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.
18. Чувственное и рациональное познание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.istina.rin.ru/philosophy/text/1350.html>
19. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago, 1987.
20. Mark D., Frank A. Experiential and Formal Models of Geographic Space // Environment and Planning. B., v.23, 1996. P. 3-24.
21. [СЭС] Советский энциклопедический словарь. М., 1990.

Список источников иллюстративного материала

1. Golden A. Memoirs of a Geisha. Vintage, 2005.
2. Brown D. Deception Point [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.greylib.align.ru/bookdetails.php?book=38&lang=1>

*Рассолова И.Н.
Барнаул*

МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

Проблема времени интересует человечество уже в течение нескольких тысячелетий. Время и пространство – это два фундаментальных понятия, которые лежат в основе представлений индивида об окружающем мире. Очевиден тот факт, что пространство неразрывно связано со временем, однако понимание времени как четвертого измерения не означает, что время утрачивает свою специфику, поскольку «временная координата определена физически совершенно иначе, чем пространственные координаты» (Эйнштейн 1955: 31), поэтому время и пространство – это разные формы бытия материи.

Время имеет физический, философский и языковой аспекты, «из которых первые представляют собой две стороны единого целого, а последний подчинен им, но имеет свою специфику» (Дешериева 1975: 111).

В физике время понимается как форма протекания природных процессов. Физический аспект времени включает в себя проблемы соотношения времени и материи, которые существуют реально, независимо от сознания человека. В философии существуют два принципиально различных определения времени: с материалистической точки зрения время – форма бытия материи, с идеалистической – форма человеческого

созерцания. Представление о времени сформировалось уже в древности, например, Демокрит считал, что время не связано с непосредственным существованием атомов, поскольку они вечны и неизменны, оно связано лишь с движением атомов и с их соединением в пространстве (Левкипп-Демокрит: www). По И. Ньютону, время существует объективно и понимается как самостоятельная сущность, не связанная с какими бы то ни было вещами и процессами. Следует отметить, что И. Ньютон отождествлял объективное с абсолютным, а субъективное – с относительным. Абсолютное время И. Ньютон именуется длительностью, а относительное – постигаемой чувствами мерой продолжительности, употребляемой в обыденной жизни (например, час, день, месяц, год) (Ньютон 1989: 30). Согласно И. Ньютону, время мыслится как увлекающий за собой поток, в который погружены все процессы. На смену данной концепции пришло учение о времени и пространстве, выраженное в теории относительности А. Эйнштейна (Эйнштейн 1955), возникшей на основе исследования электромагнитного поля и электромагнитных воздействий и подтверждающей единство философского и физического аспектов времени. Данная теория опровергла учение об абсолютном времени и установила, что свойства времени не являются неизменными и тождественными себе, а различны в зависимости от конкретных материальных процессов и связаны с относительной скоростью движения материальных тел. Время и пространство неотделимы от процессов, происходящих в физическом мире, однако единого временного порядка во Вселенной нет, поскольку существует множество времен, соответствующих разным движениям и точкам пространства (Моисеева 1991: 156).

Представляется, что современный подход к пониманию времени допускает существование различных моделей и концепций времени. Рассмотрим некоторые из них.

1. Циклическое vs. линейное время

В человеческом сознании сосуществуют два представления о времени: циклическое – последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов»: смена дня и ночи, времен года, хозяйственной деятельности, поколений и т. д., и линейное – однонаправленное поступательное движение. Эти представления могут противопоставляться как «наивное» и «естественно-научное» (Яковлева 1991: 45). Первобытные люди уже умели различать прошедшее, настоящее и будущее время и оперировали ими в своей практической жизнедеятельности – планировали будущее, опираясь на прошлое. Одновременно формировались представления о границах реального существования индивида: рождении и смерти. Особую значимость первобытный человек придавал настоящему времени и считал возможными постоянные превращения прошлого в настоящее (Файнберг 1977: 128-135). Будущее представлялось как повторение прошлого. Циклическая модель времени находит своё отражение в языке, например,

(1) ... *for Nicole the years slipped away by clock and calendar and birthday, with the added poignance of her perishable beauty. Even this past year and a half on the Zugersee*

seemed wasted time for her, the seasons marked only by the workmen on the road turning pink in May, brown in July, black in September, white again in spring (Fitzgerald, 157-158).

Для Николь, героини книги Ф.С. Фитцджеральда «Ночь нежна», характерно цикличное восприятие времени с быстро проходящими годами, повторяющимися днями рождения, сменяющимися друг друга временами года и изменениями в природе, а также в жизни и внешнем облике людей, за которыми она наблюдала. Идея повторяемости в данном случае подчеркивает монотонность и однообразие жизни, быстротечность времени.

Циклическая модель времени может быть представлена и в поэтическом тексте. Одним из примеров служит отрывок из стихотворения Р. Саутвела “Time Goes By Turns”:

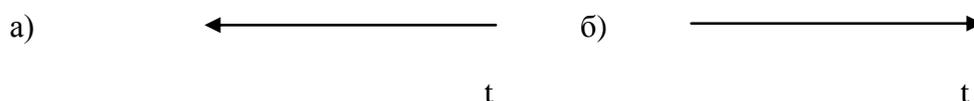
(2) *The lopped tree in time may grow again,
Most naked plants renew both fruit and flower;
The sorriest wight may find release of pain,
The driest soil suck in some moist'ning shower.
Time goes by turns, and chances change by course,
From foul to fair, from better hap to worse* (Southwell, 61).

Данный пример является яркой иллюстрацией смены жизненных циклов не только в природе, но и в жизни человека, где за печалью следует радость, а за взлётами – падения.

Неповторимость будущего свойственна только линейному времени. При формировании представления о линейном времени происходит «отчуждение» времени от наполняющих его событий, что ведет к осознанию времени как «чистой длительности» (Ньютон 1989: 30). Такое время свободно от заполняющих его событий и отвлечено от субъективного фактора, поэтому можно сказать, что линейная модель времени представляет собой модель абстрактного времени, в которой время одномерно и необратимо, что можно схематически изобразить в виде прямой линии, направленной в ту или иную сторону: из будущего в прошлое (а) и из прошлого в будущее (б):

Схема 1.

Направленность времени

Важнейшими характеристиками линейного времени являются однократность, неповторимость, необратимость, направленность, а для циклического времени свойственны многократность, повторяемость, обратимость, а также отсутствие идеи начала и конца.

2. Время как субстанция vs. система отношений между событиями (субстанциональная и реляционная концепции)

Субстанциональная концепция времени рассматривает время как нетелесную субстанцию, которая существует в мире, так же как и пространство или вещество, однако не зависит от них (Молчанов 1975: 82). Время как субстанция или вещество может быть измерено, подтверждением чего служат многочисленные примеры, зафиксированные в языке:

(3) *Lily measures time from the fire now; there is only before and after* (Dawson, 122);

(4) *Ergo, you have plenty of time to see the Louvre before we get zapped* (Segal, 18);

(5) *Judge Atlee spent eight days in 1995 holding court in the small town of Kosciusko ...* (Grisham, 238).

Как правило, время измеряется в секундах, минутах, часах, днях, сутках, неделях, месяцах, годах, столетиях, тысячелетиях и т. д., однако за единицу измерения может приниматься какой-либо иной предмет (или явление), выраженный в языке существительным, не имеющим темпоральной семантики (Гилёва 2002), как, например, в следующих предложениях:

(6) *Three newspapers and four coffees later he was almost fully awake* (Grisham, 161);

(7) *One potato later, Sheila mentioned, "Evelyn called ..."*

"Yeah," he said after another potato, "it is flattering, isn't it?" (Segal, 119);

(8) *It took one hour and two drinks for the edginess to relent* (Grisham, 241).

Существительные *newspapers, coffee, potato* приобретают способность обозначать временные промежутки в сочетании с языковыми единицами, обладающими темпоральной семантикой, такими как наречие *later* (at a later time, afterwards (LDELС, 740)) и предлог *after* (following in time; later than (LDELС, 19)). В некоторых случаях (пример (8)) встречаются сочетания традиционных средств измерения времени (*one hour*) и лексических единиц, не имеющих темпоральной семантики (*two drinks*).

В соответствии с реляционной концепцией время понимается как система отношений между событиями. Оно связывается с движением тел и рассматривается как проявление их свойств, например,

(9) *When I can hold a stone within my hand*

And feel time make it sand and soil, and see

The roots of living things grow in this land,

Pushing between my fingers flower and tree,

Then I shall be as wise as death ... (Eberhart, 48).

В данном отрывке время представлено как форма координации материальных объектов и явлений действительности, как некая изменяющая сила, которой подвластно всё в мире.

3. Время как движение vs. время как состояние (динамическая и статическая концепции времени)

Динамическая концепция признает объективность временных отношений, а также идею «течения» времени. Все события окружающего мира подразделяются на прошлые (уже не существующие, но существовавшие в действительности), настоящие

(существующие реально) и будущие (еще не существующие, но которые, возможно, будут существовать). Будущие и прошлые события непрерывно меняют свое положение относительно настоящего периода времени. Будущие события через момент настоящего уходят в прошлое. Только события настоящего обладают подлинным бытием, что можно проиллюстрировать с помощью старинной пословицы, переведенной на английский язык с санскрита:

- (10) *For yesterday is but a dream,
And tomorrow is only a vision.
But today well lived
Makes every yesterday a dream of happiness,
And every tomorrow a vision of hope.
Look well, therefore, to this day* (Sanskrit Proverb, цит. по (Keys)).

Статическая концепция времени рассматривает все события (прошлые, настоящие и будущие) как реально существующие одновременно, и различие между ними состоит лишь в их положении во временном многообразии, которое упорядочивается отношением «раньше – позже, чем». Такое отношение устанавливает раз и навсегда данный и неизменный порядок между событиями. Отношения «раньше – позже» существуют также и в динамической концепции, однако, они всего лишь отражают объективное течение времени, которое не признается сторонниками статической модели времени. Различия между прошлым, настоящим и будущим в статической концепции можно соотнести с разными точками пространства, и «наше сознание, двигаясь по своей мировой линии от прошлого к будущему, только «наталкивается» на различные события, встречается с ними» (Молчанов 1990: 113). Момент встречи переживается сознанием как «настоящее время». Иллюстрациями статической модели времени являются примеры с машинами времени и путешествиями во времени.

Статическая и динамическая концепции времени «перекликаются» с моделями времени как Пути человека и как Потока времени.

4. Время как Путь человека vs. как Поток времени

В античном представлении времени (при статичной картине мира) прошлое расположено перед человеком, а будущее позади него, за его спиной. Такое понимание времени можно объяснить известностью прошлого и неизвестностью будущего.

Динамичная картина мира представляет время в виде потока или реки: прошедшее уходит от нас вдаль, к линии горизонта, и там постепенно скрывается, а будущее надвигается из-за спины и обрушивается на нас «внезапно, когда оно «разразится» настоящим над нашей головой» (Степанов 1997: 126). Поток времени представлен движением природных веществ – воды или воздуха. Однако не только события внешнего мира, но и субъективные переживания человека происходят во времени. Время – поток, который «упорядочивает события физического мира, протекает через человеческое сознание и вынуждает его приспособляться к этому порядку» (Рейхенбах 1962: 11).

Формирование модели будущего времени можно представить двумя способами:

1) субъект восприятия неподвижен, а события настоящего постепенно уступают место событиям, приходящим из будущего, например,

(11) *“Time you commenced to learn black magic,” she said. “I’m getting mighty old. The day is coming when you’ll have to carry on.”* (Haynes, 13);

(12) *Tomorrow, and tomorrow, and tomorrow,
Creeps in this petty pace from day to day ...* (Shakespeare, 45).

2) субъект восприятия движется во времени навстречу будущим событиям (Иванова 1961: 17; Clark 1973: 50; Lakoff, Johnson 1980: 44):

(13) *Having watched her go through a difficult year of moods, inexplicable surliness, uneven friendships, I assumed it was adolescent growing pains, something to be endured probably for two or three years at least* (Read, 109-110).

Первый способ моделирования будущего времени подчёркивает идею движения времени из будущего в настоящее. Время понимается как река, постепенно приближающаяся к субъекту восприятия.

Что касается второго способа моделирования будущего, то он характерен для того периода времени, когда было введено христианство, так как только тогда человек стал свободным в выборе пути и предпочел идти в невидимое будущее для достижения поставленных целей. «Мы движемся «вперед» – навстречу будущему, приближаясь не только к цели, но и к старости, и ощущаем также каждый взгляд назад как взгляд на нечто минувшее, ставшее уже историей» (Шпенглер 1993: 335). Таким образом, личность, идущая вперед из прошлого в будущее, является центральной фигурой модели Пути нового человека (с момента введения христианства).

5. Время реальное vs. время перцептуальное

Время недоступно непосредственному чувственному восприятию: оно невидимо, неслышно, неосяземо, оно не имеет ни запаха, ни вкуса (Арутюнова 1999: 681; Красухин 1997: 62). Однако каждому человеку знакомо чувство времени, связанное со сменой ощущений, переживаний, воспоминаний. Такое время относится к сфере восприятия и отражения внешнего мира отдельным индивидом и называется перцептуальным. Тесная связь перцептуального времени с внутренним миром человека привела к отрицанию существования объективного времени, не зависящего от нашего восприятия. Такой подход присутствует уже у Августина Блаженного: «В тебе, душа моя, измеряю я время. ... Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило» (Августин 1999: 310). Феноменологическая концепция времени представлена в работах И. Канта, Дж. Уитроу, М. Хайдеггера (Кант 1964: 141; Уитроу 1964: 64; Хайдеггер 1993: 401). Однако такое понимание времени вызывает сомнение, поскольку перцептуальное время не является первичным, оно связано с протеканием реальных процессов и, следовательно, с реальным временем (Мостепаненко 1969: 13), основой которого является объективно

существующий внешний мир. Следовательно, объективность времени является его важнейшей характеристикой. Кроме того, реальное время абсолютно, потому что является всеобщей формой бытия материи (нет ни одного процесса, события, которое могло бы происходить вне времени). Время одномерно, поскольку порядок смены состояний любых явлений или событий может быть представлен в виде одного математического ряда или одной геометрической линии, и необратимо, так как временной ряд всегда строится от прошлого к будущему, а не наоборот. Время и прерывно, и непрерывно, поскольку объекты, вещи возникают и уничтожаются. Еще одно важнейшее свойство времени – длительность, которая «представляет последовательность сменяющихся друг друга моментов, выражающих последовательность вещей, событий, состояний» (Ярская-Смирнова 1969: 24). Никакой процесс не может произойти в реальном мире сразу, он обязательно длится во времени.

Ход времени в объективном мире остается неизменным, однако в восприятии человека время может растягиваться и казаться бесконечным:

(14) *There was total silence in the room for an endless amount of time ...* (Steel, 42), останавливать свой ход или, наоборот, ускоряться и проходить незаметно:

(15) *For him time stood still and then every few years accelerated in a rush, like the quick re-wind of a film* (Fitzgerald, 157).

Различия в восприятии времени обусловлены многочисленными факторами, такими как ситуация общения, состояние нервной системы, специфика выполняемой работы, возраст, здоровье, эмоции, фантазии и т. д.

Таким образом, следует признать существование перцептуального времени, связанного с восприятием окружающего мира, и объективного времени, которое не соотносено с человеком и зависит от порядка смены состояний реальных объектов и явлений, вращения Земли вокруг собственной оси и движения Земли вокруг Солнца и репрезентируется через секунды, минуты, дни, месяцы, года.

В заключение отметим, что рассмотренные в данной работе модели времени не отрицают, а дополняют и конкретизируют друг друга, подчёркивают многогранность и разносторонний характер такого сложного понятия, как время.

Библиографический список

1. Августин А. Исповедь. СПб., 1999.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Гилева Е.П. Когнитивные основы неграмматической представленности концепта времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
4. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С.111-117.
5. Иванова И.П. Вид и время в современном языке. Л., 1961.
6. Кант И. Сочинения. В 6-ти томах. Т. 3. М., 1964.

7. Красухин К.Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 62-77.
8. Левкипп-Демокрит: учение о познании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.nsc.ru>
9. Моисеева Н.И. Время в нас и время вне нас. Л., 1991.
10. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990.
11. Молчанов Ю.Б. Проблема времени и диалектика // Вопросы философии. 1975. №8. С. 81-91.
12. Мостепаненко А.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969.
13. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М., 1989.
14. Рейхенбах Г.Р. Направление времени. М., 1962.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
16. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964.
17. Файнберг Л.А. Представления о времени в первобытном обществе // Советская этнография. 1977. №1. С. 128-135.
18. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
19. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
20. Эйнштейн А. Сущность теории относительности. М., 1955.
21. Яковлева Е.С. ВРЕМЯ и ПОРА в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 45-51.
22. Ярская-Смирнова В.Н. Время и пространство. Саратов, 1969.
23. Clark H.H. Space, Time, Semantics, and the Child // Cognitive development and the Acquisition of the Language. Academic Press, 1973. P. 27-63.
24. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. The University of Chicago Press, 1980.
25. [LDELIC] Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1998.

Список источников иллюстративного материала

1. Dawson J. Maggie. Scepter, 1998.
2. Eberhart R. Ruminations // In the Realm of Beauty. М., 1967.
3. Fitzgerald F.S. Tender is the Night. Wordsworth classics, 1993.
4. Grisham J. The Summons. A Dell Book, 2002.
5. Haynes B. Slave Girl. Scholastic Book Services, 1973.
6. Keys M. Last Chance Saloon. Penguin Books, 2000.
7. Read M.H. The Least One. Herald Press, 1989.
8. Segal E. Man, Woman and Child. A Panther Book, Granada, 1980.
9. Shakespeare W. Macbeth // In the Realm of Beauty. М., 1967.
10. Southwell R. Time Goes by Turns // In the Realm of Beauty. М., 1967.
11. Steel D. The Promise. Sphere, 2008.

*Романова Т.А.
Барнаул*

СИНКРЕТИЗАЦИЯ СМЫСЛА В СТРУКТУРАХ С КАУЗАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Окружающий мир существует в постоянном развитии, и изменение по всему спектру сущего является, пожалуй, единственной постоянной характеристикой бытия. Время, недоступное для непосредственного восприятия органами чувств, неизбежно влияет на объекты действительности, одновременно сохраняя и изменяя их, что является непременным условием их дальнейшего существования и развития (Хайдеггер 1993: 392,

Арутюнова 1999: 681). Наблюдение существующих в мире изменений приводит к формированию и выделению концепта «изменение состояния», содержащего информацию обо всех возможных типах изменений, происходящих в природе.

Широта содержания концепта «изменение состояния» определяет существование многообразных языковых средств, обладающих возможностью передавать различные типы и способы изменений. Помимо лексических единиц, напрямую выражающих значение изменения (*alteration, to change*), можно выделить также грамматические способы (*She has done it*), а также некоторые средства словообразования (*disappear*). Особый интерес представляет группа широкозначных глаголов, выражающих изменение состояния в случае их функционирования в структуре **V-Adj** (*become, get, grow* и т. д.). Выступая в качестве элемента данной структуры, глаголы не являются самостоятельными, требуя после себя дополнительного компонента для передачи определенного смысла, например:

(1) *They became silent when the guest entered* (Grisham: www).

В семантической классификации данные глаголы принадлежат к группе глаголов изменения состояния (Кравченко 1980: 76-88).

К связочным глаголам, обладающим возможностью репрезентировать ситуацию изменения, также относят глагол *make* (Грамматика... 2001: 339), который в данном значении также не является полнозначным и требует после себя дополнительного элемента для передачи определенного значения. В самом общем виде предложения, содержащие глагол *make*, можно представить в виде модели **N-V-N/Pr-Adj/V**, где глагол *make* имеет значение каузации.

Анализ и сравнение ситуаций, представленных моделями **V-Adj** и **N-V-N/Pr-Adj/V** позволяет заметить определенное различие глубинных смыслов рассматриваемых структур. На первый взгляд, обе модели передают изменение состояния какого-либо объекта или явления, однако расширение модели за счет включения в нее объекта воздействия (каузации) не просто изменяет исходную конструкцию, но и модифицирует содержание в том плане, что в ней отражается иная денотативная ситуация, в которой присутствуют субъект воздействия, объект воздействия, обозначен воздействующий фактор и характер воздействия, в то время как в конструкциях **V-Adj** ни причина изменения состояния, ни воздействующий субъект не обозначены, и изменение как бы замыкается в рамках объекта. Сравним:

(A) *He went mad.*

(B) *It made him go mad.*

В случае (A) передается изменение состояния объекта, и эта структура свернута в инфинитивную группу и включена в более распространенную модель (B), как в нижеследующих примерах:

(2) *I lived with a man once who used to make me mad that way* (Jerome: www).

В данном примере инфинитивная группа является средством номинации нового признака (*mad*), а также характера воздействия (*make*), в результате которого произошло изменение состояния. Также в структуре предложения представлен объект воздействия (*man*).

Таким образом, использование каузативных конструкций имеет целью помимо констатации факта изменения состояния обозначить причину, вызывающую эти изменения. В ситуациях изменения состояния, обозначенных в каузативных структурах, на первый план выходит причина изменения состояния объекта. При этом языковая репрезентация причины изменения в структуре предложения является обязательной для передачи структурой определенного смысла:

(3) *People who have tried it, tell me that a clear conscience **makes you** very **happy and contented*** (Jerome: www).

В данном предложении причина изменения состояния передается сочетанием *a clear conscience*, и ее отсутствие в структуре предложения лишило бы его возможности передавать законченную ситуацию.

В отличие от каузативных структур, в ситуациях изменения состояния, представленных посредством модели **V-Adj**, в центре внимания стоит сам факт изменения состояния, часто без указания его причины. Причина изменения чаще всего восстанавливается из контекста:

(4) *Finch said, "I know, I know. But I've got clinics tomorrow, remember? For Dennis's sake I can't take too many more days off before the expedition."*

*Suzy launched herself out of the booth and locked her arms around her friend. Her face **turned serious** at the last word* (Thomas, 6).

В данном примере причиной изменения состояния героини (*turned serious*) является сообщение о предстоящей экспедиции, о которой упоминается в предыдущем предложении.

Некоторая симилятивность каузативных конструкций и конструкций типа **V-Adj** проявляется в том, что каузативная конструкция, как и глаголы изменения состояния, требует после себя дополнительного компонента для создания завершенности смысловой составляющей. При этом усечение предложения до элементарной модели **Subject-Predicate** приводит к тому, что рассматриваемые конструкции утрачивают возможность репрезентации содержательно оформленной ситуации:

(5) *This repetition **made Jack uneasy**. He looked at the twins and then back at Ralph* (Golding: www) → **This repetition made...*

(6) *As he entered the hotel the halls had seemed unnaturally bright; when he left he realized that it was because it had already **turned dark** outside* (Fitzgerald, 89) → **It had already turned...*

Таким образом, на синтаксическом уровне данные конструкции представляются структурно близкими, однако абсолютно не идентичными. Различие между каузативными конструкциями и конструкциями **V-Adj** с составным именным сказуемым становится очевидным, если представить сравниваемые конструкции с помощью схемы взаимодействия семантического и синтаксического уровней предложений:

(7) *She decided against opening the anchovies, because their saltiness would only **make** them more **thirsty*** (McCammon: www).

(8) *His hands were turning cold and he was rooted to the floor, unable to move* (Kellogg, 65).

Схема 1.

Взаимодействие синтаксического и семантического уровней предложений

A) (7)

семантический уровень		причина	
	<i>their</i>	<i>saltiness</i>	<i>would make them more thirsty</i>
синтаксический уровень		подлежащее	

B) (8)

семантический уровень		изменяющийся объект	
	<i>his</i>	<i>hands</i>	<i>were turning cold</i>
синтаксический уровень		подлежащее	

В примере (7) субъектную позицию занимает член, представляющий причину изменения состояния. Изменяющийся объект занимает в структуре предложения позицию дополнения. В примере (8) субъектная позиция замещается компонентом, представляющим изменяющийся объект, при этом причина изменения в структуре предложения может быть не выражена, или не является обязательной для реализации глаголом своего смысла. Наличие описанных различий в соотношении семантического и синтаксического уровня свидетельствует о разнородности сравниваемых моделей в плане отражения денотативной ситуации и фокуса ее восприятия субъектом речи.

Итак, ситуации изменения состояния, репрезентируемые моделью **V-Adj**, в плане передачи характера отношений «объект – признак», и модель **A-V_{be}-B** сближаются функционально. Тем не менее, попытка аппроксимативного перифраза модели **V-Adj** с использованием связочного глагола *be* дает следующий результат:

(9) “*It’s getting late, Dona Ana thinks you already in bed.*” (Stratton, 88) → “*It is late, Dona Ana thinks you already in bed.*”

В случае с каузативной конструкцией подобную субституцию произвести не представляется невозможным:

(10) “*Wouldn’t that make them more eager to fight?*” (McCammon: www) → **“Wouldn’t that is them more eager to fight?”*

Применяемый прием подтверждает сделанный вывод относительно того, что модель **V-Adj** передает ситуацию «объект – признак», в то время как каузативные конструкции передают ситуацию «причина – следствие».

Ситуации изменения состояния, представленные каузативными структурами, имеют в своем развитии следующие ступени:

(A) (B) (C)

(11) *In truth, Cooper made everyone in the organization nervous* (Sheldon: www).

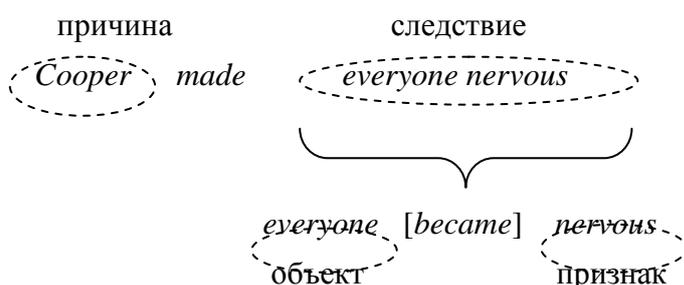
– (A) производит определенные действия;

- (B) попадает в поле действий (A);
- действия (A) влияют определенным образом на (B);
- (B) приобретает состояние (C) под влиянием действий (A).

Последняя стадия ситуации передает изменение состояния объекта (B) и приобретение им признака (C), что соответствует ситуации «объект – признак». Поэтапное представление ситуации изменения состояния, представленное каузативной конструкцией, показывает, что каузативная конструкция включает в себя модель **V-Adj**, выражающую изменение состояния, в свернутом виде, что представлено на Схеме 2:

Схема 2.

Алгоритм развертывания каузативного смысла

Одновременно с глаголом *make* в традиционной грамматике выделяются глаголы *have* и *get*, способные функционировать в конструкции **N-V-N/Pr-Adj/V** для передачи каузативного смысла. Анализ ситуаций, содержащих значение каузации, показывает, что данная группа глаголов не является закрытой и может расширяться за счет включения в нее других глаголов, способных употребляться в качестве элемента рассматриваемой модели. В примерах

(12) *There are two things that will **drive a boy crazy**... and I have given up one of them* (Capote, 48);

(13) *Even though the sweater made a bulky barrier, the intimacy **startled him silent*** (Crosby, 35);

(14) *Brutus **undid the double locks on his cell door and ran it open*** (King: www)

глаголы *drive*, *startle* и *run* также передают характер воздействия, результатом которого явилось новое состояние объекта (*crazy*, *silent*, *open*).

Таким образом, рассматриваемая модель, в структуру которой входит глагольный элемент, содержащий значение каузации, является средством номинации двух процессов, связанных причинно-следственной связью. С одной стороны, с помощью каузативного глагола происходит указание на наличие определенной связи между двумя объектами (процессами или явлениями), при этом, один объект является причиной изменения состояния второго объекта. Одновременно с этим, адъективный компонент данной модели указывает на новое состояние объекта, приобретенного в результате воздействия на него со стороны другого объекта.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис / Н.А. Кобринна, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. СПб., 2001.
3. Кравченко А.Ф. Некоторые вопросы семантической классификации глаголов, употребляемых в современном английском диалоге // Некоторые вопросы глагольных категорий германских языков. Пятигорск, 1980. С. 76-89.
4. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Список источников иллюстративного материала

1. Capote T. The Grass Harp. Moscow, 1974.
2. Crosby S. The Baby Gift. Spain, 2000.
3. Fitzgerald F.S. Tender Is the Night. Moscow, 1983.
4. Golding W. Lord of the Flies [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mafia.ru/library>
5. Grisham J. The Firm [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mafia.ru/library>
6. Jerome J.K. Three Men in a Boat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mafia.ru/library>
7. Kellogg M. Tell Me That You Love Me, Junie Moon. New York, 1968.
8. King S. Green Mile [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mafia.ru/library>
9. McCammon R.R. Swan Song [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mafia.ru/library>
10. Thomas R. White. Great Britain, 2000.
11. Sheldon S. If Tomorrow Comes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mafia.ru/library>
12. Stratton R. Castles in Spain. Canada, 1974.

*Семенчина Е.Н.
Барнаул*

НЕФИНИТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ АКТУАЛИЗАЦИИ

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Причинно-следственные отношения – это те отношения, которые определяют жизнеспособность физического мира, влияют на все изменения в мире биологическом, детерминируют характер отношений мира социального, составляют основу психологического мира человека, то есть, по существу, создают одну из значимых основ существования любой системы. Эти отношения обычно передаются в виде редуцированной модели «причина → следствие», однако в зависимости от характера системы включают разного рода компоненты, расширяющие и конкретизирующие объем понятия. Так, например, ни одно следствие не может актуализоваться только при наличии причины, поскольку для его реализации требуются определенные условия. В области психологии в эту модель включается компонент «мотив», в развитии социальной системы важное значение приобретают такие показатели, как «стимул», «предлог», «повод» и т. д. То есть, причина является необходимым, но не единственно достаточным триггером, или толчком к инициации и осуществлению всего происходящего как в нас самих, так в мире

вокруг нас. Для «мыслящей природы» значимым является фактор интенциональности, преднамеренности обусловленного действия.

Все указанные, равно как и любые иные отношения в дихотомии отношений «человек – мир», передаются системными средствами языка в выполнении одной из основных его функций – репрезентативной. Наиболее явными, эксплицитными экспонентами причинно-следственной связи являются единицы лексической номинации:

(1) ... *when he kissed me at the schoolroom door, I could feel tears upon his cheeks ... I was too young to realize that this was an omen. How could I have known that I would **cause** him to shed far more bitter tears?* (Segal)

(2) *During the Korean War, postmortems of young men had shown that the American diet **produced** advanced arteriosclerosis by the age of seventeen* (Crichton).

(3) *The reputation of Petra Mayhew **ensured** that top make-up and hair people would be happy to collaborate on the Esteem campaign* (Franklin).

Наиболее рекуррентно в актуализации причинно-следственных отношений представлены сложные синтаксические образования. Поскольку характер связи между двумя пропозициями по существу определяется на смысловом уровне, в сложносочиненном предложении она может быть как обозначена, так и не обозначена формально. Равным образом это относится к простой последовательности предложений:

(4) *She was like the plague, she infected you. I didn't want her around. **So** I asked her to please leave...* (Crichton).

(5) *So **this idea** that mental processes caused disease seemed to **have retrogressive aspects**. No wonder **doctors hesitated to pursue it*** (Crichton).

В сложноподчиненных предложениях формальными маркерами являются союзы и наречия, оформляющие подчинительную связь.

(6) *For the small-time investor, the risks attached to such stocks may outweigh the potential of reward, **therefore** more and more investors are demanding the combination of stockmarket performance with a high level of security* (Kinsella).

(7) *They had to talk about something, **because** neither would mention what was really on his mind* (Grisham).

Трансформационная процедура свертывания пропозициональной формы в нефинитную конструкцию дает возможность подстановочной замены полного предикатного выражения передающим его смысл словосочетанием:

(8) ***Because of the hearing**, it's to my advantage to remain unemployed for a few days* (Grisham).

(9) *The commentator was saying that it was an exploit that would go down in military history. Not only **because of the distance involved**, but **because of the brilliant planning** that had saved all but one of the hostages at the cost of only two soldiers' lives* (Segal).

В теории парадигматического синтаксиса такой тип предложений получил статус осложненного предложения, которое рассматривается как предложение, имеющее минимум две предикативные линии, одна из которых является ведущей, а другие

составляют полупредикативное расширение предложения, причем последнее выражено либо полностью, либо частично слитно с полнопредикативной линией конструкции в результате деривационной трансформации слияния (Блох 1983: 346). Основным способом выявления причинно-следственных отношений в осложненных предложениях является их трансформация в развернутые конструкции с различными причинными маркерами: *because of*, *due to*, *for somebody's sake*, выражающими каузальные отношения пропозиционального содержания.

В ряде случаев семантика каузальности содержится в коннекторе, как, например, в союзе *because* (*because – for the reason that*), прилагательном *due* (*due to – caused by something*) и наречии *therefore* (*therefore – for that reason*):

(10) *She knew that his good looks were **due to** his youth* (Maugham).

Использование простых аналитических приемов обратной трансформации и субституции позволяет эксплицировать характер отношений как причинно-следственных: *due to his youth = “because he was young”*.

Аналогичная ситуация выявляется в примере, приводимом ниже:

(11) *This was **due to** racial prejudice and racial distrust more than anything else* (Puzo).

Еще один экспонент причинно-следственной зависимости представлен предложно-именным сочетанием *for somebody's sake*:

(12) ***For Arthur's sake** I would try anything, though cooking wasn't as simple as I'd thought* (Atwood).

Дефиниционный анализ сочетания показывает наличие в его семантической структуре сем каузативного семантического поля (*for the sake of = because of, for the reason that*). Это позволяет провести адекватный исходному варианту перифраз нефинитной конструкции, и перевод ее в полнопредикативное выражение: “**Because** [I wanted to please Arthur], I would try to do anything”.

Рассмотрим еще один пример:

(13) ... *it was probably **through forgetfulness** that she left them [doors and windows] open* (Robinson).

В данном случае показателем каузативной связи является предложно-именная группа *through forgetfulness*, в которой основную смыслообразующую функцию выполняет предлог *through*. Одним из значений данного предлога (возможно, в случае с предлогами более правомерно говорить не о полнозначном содержании, а об их индексальной функции), согласно словарным дефинициям, является значение причинности: *through = “indicating the cause or reason of something happening”*. Для носителей языка не составляет трудности конвертировать данную структуру в полнозначную пропозициональную форму: “*She left doors and windows open **because she had forgotten** to close them”*.

Последовательность операций может быть представлена следующим алгоритмом: *through [her] forgetfulness = “she was forgetful”*; *she was forgetful = “she had forgotten to do it”*.

Трансформация предложений со свернутыми непредикативными структурами в полнопредикатные служит диагностирующей процедурой установления их статуса и позволяет установить тот факт, что все экспликации компонентов причинной зависимости соответствуют двупропозициональной модели, включающей компоненты «А» (причины) и «В» (каузируемого данной причиной следствия).

Проведенный анализ языковых фактов позволяет заключить следующее.

1. Пользователь языка определяет характер причинно-следственных отношений в высказывании независимо от формы экспликации, на основе фоновых знаний «прототипических» ситуаций развертывания событий от причины к следствию.
2. Язык обладает широким арсеналом форм экспликации этого типа внеязыковых отношений, включая собственно номинативные единицы, синтаксические конструкции и служебные (реляционные) слова.
3. Осложненные предложения на глубинном уровне соответствуют полипредикативному построению с точки зрения его пропозициональной структуры, то есть соотносимы с двумя референтными ситуациями.
4. Структуры со свернутой формой выражения причинно-следственных отношений используются как средства компрессии, позволяющие сделать высказывание более лаконичным.
5. В нефинитных структурах актуализация семантики причинности осуществляется по двум каналам: через активизацию понятийного аппарата и введением формальных маркеров, индицирующих этот тип связи (наречий, союзов, предлогов).

Библиографический список

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник для студентов филологических факультетов университетов и факультетов английского языка педвузов. М., 1983.

Список источников иллюстративного материала

1. Atwood M. Lady Oracle. New-York, 1978.
2. Crichton M. A Case of Need. A Signet Book, 2000.
3. Crichton M. Travels. Ballantine Books, 1996.
4. Franklin C. Woman in the Mirror. Harper Collins Publishers, 2006.
5. Grisham J. The Chamber. A Dell Book, 1995.
6. Grisham J. The Broker. A Dell Book, 2005.
7. Kinsella S. Confessions of a Shopaholic. Black Swan, 2009.
8. Robinson M. Housekeeping. New-York, 1981.
9. Segal E. Man, Woman and Child. Granada Publishing Ltd., 1981.
10. Segal E. The Acts of Faith. Bantam Books, 1993.
11. Puzo M. The Godfather [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.fictionbook.ru/ru/author/puzo_mario/the_godfather/

СИСТЕМНЫЕ И АКТУАЛИЗАЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАТЕГОРИИ АППРОКСИМАТИВНОСТИ

Языковая деятельность познающего объективный мир субъекта основывается на способности человека воспринимать, оценивать и именовать фрагменты действительности во всём их разнообразии и многогранности. Акт номинации представляется как сложный когнитивный процесс, предполагающий движение мысли от восприятия объекта к выявлению его сущности и классовой принадлежности и далее к выбору имени и собственно именованию в речи. При этом язык, как сформированная репрезентативная знаковая система, в силу своего назначения должен обладать набором номинативных единиц именованного всего сущего. Вместе с тем, в ходе осуществления познавательного процесса человек проникает во все более глубинную природу явлений, определяющую их характер, взаимную зависимость, качественные различия, внешнюю обусловленность изменений и т. д. Как показывают факты знания человека о мире, далеко не всегда явления, объекты и их свойства четко встраиваются в уже сформированную картину мира, составляя основу лишь для неопределенного представления о них. С другой стороны, факты языка свидетельствуют о том, что в арсенале номинативных единиц не всегда можно найти единицу точного соответствия объекту, как, например, в следующих случаях:

(1) *“Maddy, I am right in the middle of something now ... I am concerned. I am not giving in. I’ve got a business to run and wages to pay, not to mention a new campaign to launch.”* (Franklin)

(2) *About half way between West Egg and New York the motor way hastily joins the railroad...* (Fitzgerald).

Если в первом примере оказывается трудным дать определение ситуации, в которую попала героиня, во втором – ситуация ясна, но признак определяется приблизительно. Такая неопределенность, расплывчатость составляет смысловое наполнение категории аппроксимативности.

Аппроксимативность передает степень приближенности содержания знака сущности именуемого объекта (признака). В качестве определения характера и статуса категории аппроксимативности необходимо отметить следующее. Известно, что одним из критериев квалификации языковых категорий является их основание, которое определяется в диалектическом единстве мира и познающего этот мир индивида (Трунова 1991, Трунова 2003: 42). Если основание языковой категории находится в области познаваемого мира, категория является онтологической по основанию. Если категория передает характер, способ, существо познания мира индивидом, она является по основанию антропоцентрической. В этом плане можно говорить о том, что категория аппроксимативности по своему основанию – антропоцентрическая. Поясняя свою точку

зрения, заметим, что в окружающем нас мире (биологическом, равно как и социальном) все точно определено его существом. Неопределенность, приблизительность кроется в степени познания мира, его объектов, явлений, их свойств, зависимостей, взаимодействия, условий проявления и реализации и т. д. Сравним следующие примеры:

(3) *I was baptized in blood. My own blood. This is not a Jewish custom. **It is merely a fact of history*** (Segal).

(4) *In the waning hours of a presidency that was destined to arouse less interest from historians than any since perhaps that of William Henry Harrison (**thirty-one days** from inauguration to death), Author Morgan huddled in the Oval Office...* (Grisham).

В обоих случаях актуализируется определенность: в первой – ситуативная, во втором – количественная. Соответственно и неопределенность может быть неопределенностью ситуации, собственно объекта, свойства, количества:

(5) *She was one of **the few women** photographers to be working in the higher echelons of image manufacture* (Franklin).

(6) *... but we met you here **about a month ago*** (Fitzgerald).

Категория аппроксимативности реализуется на основании противопоставления «точность – приблизительность». Поскольку объектом номинации является окружающая человека действительность, в которой все точно и определено (существующие объекты, их признаки, отношения, в которые вступают объекты), источник приблизительности, неточности лежит в сознании осознающего мир субъекта. Именно воспринимающий и именуемый объекты действительности человек наделяет эти объекты признаком точности (используя точные имена объектов), либо приблизительности (прибегая к средствам аппроксимации).

Будучи антропоцентрической по основанию, по доминантной функции эта категория является когнитивной, то есть указывает на то, насколько известен или точно обозначен объект коммуникации. На этом основании можно говорить, что категория аппроксимативности является «близким соседом» категории детерминации, в том смысле, что, во-первых, она так же, как категория детерминации, указывает на определенность/неопределенность (скорее, на неопределенность), во-вторых, в ее состав входят языковые единицы с семантикой неопределенности, в том числе, неопределенные местоимения. Различие между ними состоит, видимо, в том, что при аппроксимации мы имеем дело с неопределенностью класса, к которому относится объект, а в конструкциях со значением неопределенности – с неопределенным представителем определенного, установленного класса (Шкот 1990: 8):

(7) *TRANSLTR's processing something very advanced. The filters have never seen anything like it. I'm afraid, TRANSLTR may have **some virus*** (Brown).

В рассматриваемом примере сочетание *some virus* передает значение неопределенности, неизвестности, неидентифицируемости объекта, относящегося к классу компьютерных вирусов. Однако принадлежность к данному классу является

вполне определенной, и все сочетание может быть интерпретировано как «какой-то неизвестный вирус», но не «что-то неизвестное». Осуществляя исследовательский прием замещения, можно проверить адекватность интерпретации: (7.1) *I'm afraid, TRANSLTR may have sort of virus*. Сочетание *sort of virus* также имеет аппроксимативный смысл. Однако приблизительность в данном случае связана с неуверенностью говорящего в правомерности причисления именуемого объекта к классу компьютерных вирусов, и все сочетание может быть интерпретировано как «что-то вроде вируса».

Другая языковая категория, с которой соотносима аппроксимация – это категория модальности в ее субъективном плане, поскольку обе эти категории базируются на знании/незнании объекта обозначения, отражая его (знания) разные стороны: одна с точки зрения выражения знания или мнения, другая – с позиций характера знания (точное, выверенное, подтвержденное, приблизительное). По существу, при аппроксимации субъективная модальность (мнение, предположение, отсутствие категоричности в высказывании) имплицитно. Тот факт, что это, хотя и соотносящиеся, но все-таки разные категории, подтверждается расхождениями в системе категориальных экспонентов и их одновременной встречаемостью в речевой актуализации:

(8) *“My dear old Basil, you are much more than an acquaintance.”*

“And much less than a friend. A sort of brother, I suppose?” (Wilde, 88)

В данном примере, во-первых, присутствует аппроксимативная номинация характера межличностных связей. В подтексте имплицитно, что отношения являются более близкими, чем просто дружественными, поскольку в стереотипном (прототипическом) представлении кровное родство более значимо. Вместе с тем в данном случае кровного родства нет, хотя, судя по высказыванию, отношения чрезвычайно близкие, устойчивые и крепкие, то есть приближающиеся к родственным по определенным показателям. На этом основании автор использует аппроксимативное выражение *a sort of brother*. С другой стороны, говорящий не уверен в высказываемом суждении. Эта неуверенность передается с помощью модуса *I suppose*, что подчеркивает предположительность высказываемой точки зрения.

Отсутствие формализованных (грамматизированных) средств выражения значения приблизительности ставит вопрос о категориальном статусе явления аппроксимации. Согласно наличию кластера языковых экспонентов: лексических (полнозначных), лексико-грамматических (занимающих переходную ступень в процессе формализации репрезентантов значения) и описательно имплицитных семантику приблизительности, представляется правомерным определить аппроксимативность как семантическую категорию. При этом необходимо отметить вариативность смыслов в рамках обозначенной семантики, включающих:

- размытость признаковых показателей:

(9) *I always had the impression that he approved of me and wanted me to like him with some harsh, defiant wistfulness of his own* (Fitzgerald);

- степень (меру) проявленности признака:

(10) ... the judge postponed the hearing for two hours until the demand for seating could be organized and **somewhat prioritized** (Grisham);

- приближенность к нормативной степени проявленности признака, недостижимость предела проявленности:

(11) ... she nodded at me **almost imperceptibly** (Fitzgerald);

- количественную неточность:

(12) *“What I mean, Maddy, ... is that I want **a couple of weeks** to get this one [problem] right. I am sick of having to sandwich creative decisions between meetings with accountants, bank managers and agents.”* (Franklin)

Интересно отметить, что в рамках актуализации может происходить смысловое смещение с передачи количественного признака на качественный, когда имеется в виду не «сколько» (объектов), а «какие» из них не поддаются точному определению:

(13) *She ... had acquired a reputation for feisty, sparky, reportage-style images. Petra liked her women to party all night and then pull on **a few designer togs** for an impromptu shoot* (Franklin).

Таким образом, можно заключить, что любой объект или признак предстают как качественно обозначенные в силу того, что они обладают определённым набором признаков, позволяющим отграничивать их от других объектов и признаков. Набор признаков и степень их проявленности могут варьироваться в некоторых пределах, в рамках которых количественные изменения могут приводить к качественным. На этом основании определяется связь категории аппроксимативности с категориями количества (онтологическая по основанию грамматическая категория) и качества (антропоцентрическая по основанию понятийная категория), поскольку приближительность именованного отражает вариативную эквивалентность между именем и означиваемым референтом в качественном и количественном аспектах, а так же «в степени (мере) проявления признака относительно денотата употребленного имени» (Шкот 1990: 8). Кроме того, категория аппроксимативности коррелирует с категорией интенсивности в плане качественно-количественной градации проявленности признака.

В коммуникативном плане, с прагматической точки зрения актуализационные показатели могут имплицировать неуверенность говорящего в характере передаваемого признака, невозможность определить его характер, желание скрыть точную информацию, невысокую значимость точности:

(14) *It was a historic election; never before had an incumbent president received **so few electoral votes. Three to be exact...*** (Grisham).

Структурная организация языковых средств выражения аппроксимативной семантики представляет собой лингвистический конструкт – функционально-семантическое поле. Степень смещения экспонентов обозначенной семантики от центра поля к периферии задается семантикой аппроксиматора.

В ряде случаев категорию аппроксимации представляют в рамках прототипической модели (Rosch 1973, 1975, Lakoff 1973). Такой подход аргументируется необходимостью подбора и градации признаков по степени значимости и степени проявленности. Он существенно отличается от традиционного, в рамках которого для того, чтобы правильно именовать объект, необходим жесткий список значений, в соответствии с которым объект и будет назван (Демьянков 1994: 34). При прототипическом подходе к процессу номинации и значению слова значение определяется как структурированный набор признаков, каждый из которых, не являясь абсолютным, но, имея определенный вес, занимает фиксированное место в иерархии признаков. Описание значения включает описание прототипа как эталонного представителя категории и периферии как допустимых отклонений от прототипа (Кронгауз 2001: 89). В ракурсе представленности критериального кластера признаков такой подход оправдан, если только иметь в виду, что прототипическая категория для системы языка представляет артефакт (Трунова 2003).

Обозначив общие характеристики категории аппроксимации, в заключение еще раз подчеркнем значимость этой категории в силу передаваемого ее экспонентами отражения характера мировосприятия и мироосмысления. Суть явления аппроксимации определяется в двуединстве актуализации процессов когнитивности и номинации и выявляется либо в невозможности формирования четкого представления (об объекте и признаке), либо в отсутствии номинативной единицы, передающей сформированное представление.

Библиографический список

1. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М., 1994. С. 32-86.
2. Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.
3. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул-Новосибирск, 1991.
4. Трунова О.В. Человек воспринимающий и полагающийся: природа содержательного дуализма категории модальности // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. Москва-Иркутск, 2003. С. 29-56.
5. Шкот И.Л. Аппроксиматоры в современном английском языке // Вестник Киевского университета. Серия Романо-германская филология. Киев, 1990. №13. С. 60-63.
6. Lakoff G. Hedges: A Study of Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic, 1973. Vol. 2.
7. Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology, 1973. Vol. 4. №3. P. 328-350.
8. Rosch E. Cognitive Reference Points // Cognitive Psychology, 1975. Vol. 7. №4. P. 532-547.

Список источников иллюстративного материала

1. Brown D. Digital Fortress [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/braun_dyen/digital_fortress/
2. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. Wordsworth Edition Limited, 1993.
3. Franklin C. Woman in the Mirror. Harper Collins Publishers, 1999.
4. Grisham J. The Broker. A Dell Book, 2005.
5. Segal E. Acts of Faith. Bantam Books, 1993.
6. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. М., 1979.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(на примере романов Дж. Доусон, Д. Лоджа, Н. Хорнби)

Каждый текст – это продукт деятельности языковой личности автора, который выбирает языковой материал, структурирует содержание произведения по своему усмотрению. Автор (говорящий или пишущий) волен выделить, усилить всё высказывание или определённый фрагмент теми средствами, которые кажутся ему наиболее приемлемыми в данное время, в данном месте. Система интенсифицирующих (усиливающих высказывание) средств в каждом языке разнообразна, и автор обладает большой свободой при их выборе. Использование средств интенсификации служит автохарактеристикой говорящего, любой текст является отражением личности автора.

Выбор интенсификаторов может зависеть от множества факторов, в числе которых:

- ситуация коммуникации и её участники;
- цель коммуникации;
- авторские предпочтения при обращении к средствам усиления содержания высказывания;
- языковая мода;
- профессиональная, социальная, половая принадлежность говорящего и слушающего.

Важную роль в процессе поиска и, в итоге, использования интенсификаторов служит мастерство и изобретательность автора, его индивидуальность и своеобразие. Так, современная британская писательница Джил Доусон в романе *Magpie* использует глаголы в форме настоящего времени на протяжении всего повествования, даже там, где традиционно используются формы прошедшего времени. Такой приём усиливает восприятие читателем всего произведения, приближает его к герою, ставит его рядом, тем самым заставляя переживать те чувства, которые переживаются героем произведения. Джил Доусон использует курсив для того, чтобы выделить поток мыслей главной героини. Многочисленные сравнения, метафорические обороты, переключения с разговорной речи на нейтральное повествование и обратно оживляют текст, вызывают повышенный интерес читателя, желание разобраться в ситуации, пережить её вместе с героями и уяснить жизненный урок.

Дэвид Лодж в романе *Nice Work*, в отличие от Джил Доусон, использует в повествовании глаголы как в видо-временных формах прошедшего времени, так и в формах настоящего времени, легко переключаясь с одних форм на другие там, где возникает необходимость интенсифицировать протекание процесса размышления главных героев. Использование аллюзий – любимая «игра» авторов периода постмодернизма, и

Д. Лодж с удовольствием играет в эту игру с читателем, отсылая его к произведениям Ч. Дикенса, Е. Гаскел и др. Курсив и написание слов и целых предложений заглавными буквами используются Д. Лоджем, чтобы указать на эмоциональное состояние говорящего (размышляющего) героя произведения: удивление, гнев, нерешительность, рассеянность. Графические способы интенсификации высказывания всегда действенны, так как они зрительно притягивают и заставляют мысленно остановиться и сконцентрировать внимание на том, на чем автор сделал акцент.

Ник Хорнби в своём произведении *About a Boy* изображает жизнь простых лондонцев посредством погружения в повседневные ситуации общения, при помощи использования разговорной лексики, слэнга и разговорных формул в многочисленных диалогах. Автор использует графические, морфологические, синтаксические, стилистические интенсификаторы, однако средства интенсификации на лексическом уровне особенно выразительны.

Различная степень интенсификации высказывания может выражаться при помощи лексических единиц, принадлежащих одному синонимическому ряду. Особенно ярко на протяжении всего романа Н. Хорнби использует коллоквиализмы, принадлежащие одному синонимическому ряду для того, чтобы указать на то, что у кого-то «не все в порядке с головой»: *go (be) nuts, be weirdo, be daft (potty, barmy)*. Например:

(1) *Every time he thought about this, it came back to the same problem: there were only two of them, and at least – at least – one of them was nuts* (Hornby, 119).

Данное высказывание демонстрирует умение автора сочетать использование нескольких средств интенсификации (разговорную лексику, превосходную степень сравнения прилагательного, графическое выделение слова, особое структурирование всего предложения) с одной целью – усилить высказывание, вызвать у читателя определенные ассоциации.

Большую часть средств интенсификации на лексическом уровне составляют усилительные наречия, прилагательные и слова-интенсификаторы. Н. Хорнби использует данные средства как в самом повествовании, так и в диалогических ситуациях. Наиболее частотными из подобных единиц являются: *bloody, clueless, pretty, completely, actually, rather, really*. Рассмотрим следующий пример:

(2) *“Are you listening to me?”*

“Yes, but... I’m not sure there’s very much I can do at the moment. We’ve come for lunch, and Will... that’s my dad, I call him Will, because, anyway ... he’s talking to Rachel, that’s your mum – ”

“If...ing know it’s my mum.”

“– downstairs, and to be honest he’s really pretty keen, and who knows? She might be keen on him, so –”

“SHE’S NOT KEEN ON HIM!” Ali suddenly shouted. “SHE’S ONLY KEEN ON ME!” (Hornby, 198)

В данном диалоге использование усилительного прилагательного и наречия-интенсификатора в позиции перед прилагательным увеличивает качественно-

количественный компонент семантики интенсифицируемого прилагательного и высказывания в целом. Кроме того, написание всего предложения заглавными буквами демонстрирует эмоциональное состояние говорящего, его гнев и негодование. Очевидно, что средства интенсификации одного уровня, взаимодействуя с интенсификаторами другого уровня, способствуют ещё большему усилению высказывания и его экспрессивности.

Одним из распространенных средств интенсификации высказывания на лексическом уровне являются усилительные сравнительные обороты и фразеологизмы. Н. Хорнби использует их в своем повествовании, чтобы придать высказываниям ироничность, представить описываемое событие с позиций сарказма, юмора. Например:

(3) *If he'd known it was all going to end so well, he wouldn't have been so panicky when Will found him at the bus stop. He would have just winked at Will like a wise old owl, and said, "Wait and see."* (Hornby, 200)

(4) *"All I'm saying is, it might not turn out to be the sort of relationship you want it to be. In my experience romances don't develop in this way. This looks more like pet and owner rather than boyfriend and girlfriend."* (Hornby, 205)

Подобные сравнения не могут оставить читателя равнодушным, они вызывают улыбку, понимание парадоксальности ситуации.

Таким образом, использование средств интенсификации в произведениях современных британских авторов Д. Доусон, Д. Лоджа, Н. Хорнби, с одной стороны, разнообразно и уникально, как уникальна сама личность автора, а с другой стороны, идентично и сопоставимо, так как несмотря на всё многообразие языковых средств интенсификации высказывания, можно утверждать, что это многообразие не безгранично. Тем более, если произведения различных авторов принадлежат к одному периоду, отражают один и тот же этап в развитии человечества, написаны в одном жанре – они неизбежно будут иметь точки соприкосновения.

Список источников иллюстративного материала

1. Hornby N. About a Boy. London, 2000.

Смоля М.С.
Барнаул

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ОСТРОВНОМ НЕМЕЦКОМ ГОВОРЕ

В диалектных вариантах немецкого языка, как и в литературном немецком языке, различают три степени сравнения имени прилагательного: положительную, сравнительную и превосходную.

Не все имена прилагательные могут образовывать степени сравнения. Данная грамматическая категория присуща только так называемым качественным именам прилагательным. Под таковыми понимаются имена прилагательные, которые обозначают

признаки предметов и событий, обусловленные самой их природой (цвет, форма и т. д.), и другие их характеристики, связанные с размером, протяженностью, интенсивностью и т. д. (Вольф 1978: 9). Другими словами, качественные прилагательные выражают непосредственно воспринимаемые признаки предмета, в отличие от относительных имен прилагательных (Москальская 1961: 258).

Анализ значений имен прилагательных в речи носителей смешанного верхненемецкого говора показывает, что данная часть речи представлена следующими семантическими группами прилагательных, которые могут образовывать степени сравнения:

I. Имена прилагательные, обозначающие общие свойства и качества предмета:

[ʃe:n] – *schön*, [ra:f] – *reif*, [ʃtarx] – *stark*, [ku:t] – *gut*, [ʃvi:r] – *schwer*, [ʃlɛçt] – *schlecht*, [taer] – *teuer*, [fɛst] – *fest*, [fri:] – *frisch*, [ra:n] – *rein*, [klo:r] – *klar*.

Такие прилагательные приписывают денотату свойства и качества, характерные для определенного этапа его существования.

II. Имена прилагательные, обозначающие качества предмета, воспринимаемые органами чувств, в связи с чем различаются:

1. Имена прилагательные, обозначающие качества предмета, воспринимаемые зрением:

1) прилагательные с семой [цвет]: [rou] – *rot*, [kɛlp] – *gelb*, [kri:n] – *grün*, [va:s] – *weiß*, [pʊnt] – *bunt*, [ʃvarts] – *schwarz*, [plao] – *blau*;

2) прилагательные с семой [свет]: [hɛl] – *hell*, [ˈtʊnkəl] – *dunkel*;

3) прилагательные с семой [форма]: [rʊnt] – *rund*, [ˈɛkix] – *eckig*;

4) прилагательные с семой [размер]: [krou] – *groß*, [kla:n] – *klein*, [laŋ] – *lang*, [ti:f] – *tief*, [tik] – *dick*, [hou] – *hoch*, [pra:t] – *breit*, [ˈnidrix] – *niedrig*.

2. Имена прилагательные, обозначающие вкусовые ощущения: [ˈpitər] – *bitter*, [ˈsa:ər] – *sauer*, [zi:s] – *süß*, [ˈsaltsiç] – *salzig*, [saftiç] – *saftig*.

3. Имена прилагательные, обозначающие температурные и тактильные ощущения:

а) имена прилагательные, обозначающие температурные ощущения: [kalt] – *kalt*, [varm] – *warm*, [ha:s] – *heiß*;

б) имена прилагательные, обозначающие тактильные ощущения: [va:x] – *weich*, [ho:rt] – *hart*.

4. Имена прилагательные, обозначающие качества предмета, воспринимаемые слухом: [ʃtil] – *still*, [la:˚t] – *laut*, [ˈla:zə] – *leise*.

III. Имена прилагательные, обозначающие возрастные характеристики: [juŋ] – *jung*, [ˈalt] – *alt*.

IV. Имена прилагательные, обозначающие внутренние качества человека и его умственные способности: [pe:s] – *böse*, [frou] – *froh*, [fa:˚l] – *faul*, [klu:x] – *klug*, [krou] – *grob*, [ˈlustix] – *lustig*, [ˈfla:ziç] – *fleißig*.

V. Имена прилагательные, обозначающие социально-статусную характеристику: [ra:x] – *reich*, [ˈarm] – *arm*.

VI. Имена прилагательные, обозначающие временной промежуток: [fri:] – *früh*, [ʃpɛ:t] – *spät*.

Имена прилагательные, входящие в состав вышеперечисленных групп, относятся к качественным именам прилагательным и образуют степени сравнения.

Положительная степень сравнения имени прилагательного является в исследуемом островном немецком говоре, как и в литературном немецком языке, исходной, на основе которой образуются сравнительная и превосходная степени сравнения имени прилагательного. Положительная степень сравнения имен прилагательных служит для констатации факта: определенного качества, которым обладает тот или иной предмет в определенный момент времени.

В атрибутивном словосочетании имя прилагательное в положительной степени сравнения употребляется либо без сопровождающего слова, либо после определенного и неопределенного артиклей, после притяжательного, указательного, неопределенного, отрицательного местоимений:

(1) [tɛs va:r tox `krouzər `huŋgər] – *Das war doch großer Hunger.*

(2) [nox tɛm `ʃtar ʏə `rɛ ʏə va:r `ɛs varm] – *Nach dem starken Regen war es warm.*

(3) [to ʃta:n `ɑ:n `kla:nəs pɛt] – *Da stand ein kleines Bett.*

(4) [to `is ma:n `li:vəs ha:˚s] – *Da ist mein liebes Haus.*

(5) [ʼin tɛr ʃtup hot nox k ʃta:nə `teras `pra:də pɛt] – *In der Stube hat noch dieses breite Bett gestanden.*

(6) [`vɛl ʏə `ku:də fra: va:r si] – *Welche gute Frau war sie!*

(7) [`jɛdər `krouzə hou p va:r ʃe:n] – *Jeder große Hof war schön.*

(8) [`iç hun ka:n ʃe:nəs kla:t] – *Ich habe kein schönes Kleid.*

Сравнительная степень имени прилагательного употребляется при сопоставлении качественных характеристик двух и более предметов и образуется синтетически, супплетивно или аналитически.

Синтетически сравнительная степень имени прилагательного образуется с помощью суффикса -ər: [`fri:ər] – *früher*, [`lɛŋgər] – *länger*, [`vɛrmər] – *wärmer*, [`kɛ:ldər] – *kälter*, [`ʃe:nər] – *schöner*, [`ʃvi:rər] – *schwerer*, [`kle:nər] – *kleiner*, [`ɛ:ldər] – *älter*, [`taerər] – *teurer*, [`krouvər] – *grober*, [`fri:ər] – *frischer* и др. У односложных имен прилагательных происходит изменение корневых гласных [a], [o], [u] на [ɛ], [e], [i], сопровождающаяся процессом их делабиализация. В ряде случаев, если основа прилагательного оканчивается на -ər, происходит диссимиляция: [`zɑ:vər – `zɑ:vənər] – *sauber – sauberer*, [ʃvi:r – `ʃvi:nər] – *schwer – schwerer*.

В исследуемом островном немецком говоре присутствует одно имя прилагательное, сравнительная степень которого образуется супплетивно: [`pɛsər] – *besser* (от [ku:t] – *gut*).

Сравнительная степень имени прилагательного может описываться аналитической конструкцией, состоящей из наречий [mɛ:r], [nox mɛ:r] – *mehr, noch mehr* или [`vɛni ʏər],

[nox`veniʏər] – *weniger, noch weniger* и прилагательного в положительной степени сравнения: [mɛ:r kalt] – *mehr kalt*, [mɛ:r ʃtarx] – *mehr stark*, [mɛ:r zi:s] – *mehr süß*, [mɛ:r kla:n] – *mehr kleiner*, [ˈveniʏər ˈtuŋkəl] – *weniger dunkel*, [ˈveniʏər zi:s] – *weniger süß* и др.

При сопоставлении качественных характеристик двух и более предметов в сравнительной степени используется союз [vi:] – *wie*, который выражает значение наречия “als” литературного немецкого языка: [fi:l ˈɛ:ldər/ [ˈ]e:nər/ houʏər vi: ˈiç] – *viel älter /schöner/ höher als ich*, [ˈriçtiç ˈfɛ:lər vi: ˈiç] – *richtig fauler als ich*, [fi:l ʃtɛrʏər vi: tu] – *viel stärker als du* и др.

В качестве усилителей признака того или иного предмета, выражаемого прилагательным в сравнительной степени, выступают слова типа [ka:r net] – *gar nicht*, [fi:l] – *viel*, [ˈriçtix] – *richtig*, [rɛçt] – *recht*, [ʃe:n] – *schön*, [ˈʌ:riç] – *wirklich (sehr)*, [ʃtarx] – *viel (stark)*. Например: [ka:r net ˈlɛŋgər] – *gar nicht länger*, [fi:l ˈkɛ:ldər] – *viel kälter*, [ˈriçtix ʃe:nər] – *richtig schöner*, [rɛçt ˈhɛlər] – *recht heller*, [ʃe:n ˈkle:nər] – *schön (viel) kleiner*, [fi:l ˈɛ:ldər vi: ˈiç] – *viel älter als ich*, [ˈʌ:riç ˈrɛ:fər] – *wirklich reifer*, [ʃtarx ˈtaerər] – *viel (stark) teurer*, [ˈʌ:riç ˈkri:nər] – *wirklich grüner*, [ka:r net ʃtilər] – *gar nicht stiller*, [ˈriçtiç ˈfɛ:lər vi: ˈiç] – *richtig fauler als ich* и др.

В атрибутивном словосочетании сравнительная степень имени прилагательного выступает с неопределенным артиклем, отрицательным местоимением [ka:n] – *kein*, притяжательным местоимением:

(9) [tɛs ˈis ˈʌ:nə ˈvɛrmərə ʃtu:və] – *Das ist eine wärmere Stube.*

(10) [tɛs ˈis ka:n ˈpʊntərəs kla:t] – *Das ist kein bunteres Kleid.*

(11) [tɛs ˈis ˈma:nə ˈkle:nərə ˈtoʏdər] – *Das ist meine kleinere Tochter.*

Превосходная степень имени прилагательного показывает наивысшую степень владения предметом тем или иным качеством и образуется синтетически, аналитически или супплетивно. Для синтетического способа образования превосходной степени имени прилагательного в изучаемом островном немецком говоре применяется суффикс *-st*: [tɛr / tɛs / ti ʃe:nstə] – *der (das, die) schönste*, [tɛr / tɛs / ti ˈkri:nstə] – *der (das, die) grünste*, [tɛr / tɛs / ti ˈkle:nstə] – *der (das, die) kleinst* и др. Имена прилагательные, основа которых оканчивается на *-r*, также принимают суффикс *-st*, при этом *-r* синкопируется: [tɛr ˈza:fstə] – *der sauberste*, [tɛr ʃvi:stə] – *der schwerste* и др. Суффикс *-əst* принимают имена прилагательные, основа которых оканчивается на *-t*: [tɛr / tɛs / ti ˈkɛ:ldəstə] – *der (das, die) kälteste* (от [kalt] – *kalt*), [tɛr / tɛs / ti ˈɛ:ldəstə] – *der (das, die) älteste* (от [ˈalt] – *alt*). Корневые гласные [a], [o], [u] односложных имен прилагательных меняется на [ɛ], [e], [i].

В исследуемом островном немецком говоре выявлено одно имя прилагательное, которое образует превосходную степень супплетивно: [tɛr / tɛs / ti ˈpɛstə] – *der (das, die) beste*, [ˈam ˈpɛstə] – *am besten*.

В некоторых случаях превосходная степень имени прилагательного образуется при помощи словообразовательного элемента *aller-*, которое имеет усилительное значение:

[`unsər `alər`ʃe:nstə ha:s] – *unser schönstes Haus*, [ti `alər`pɛstə `tra:zə] – *die beste Straße*, [tɛr `alər`kɛldəstə ta:x] – *der kälteste Tag*, [ti `alər`tikstə fra:] – *die dickste Frau* и др.

Неизменяемая (несклоняемая) форма имени прилагательного в превосходной степени является аналитической конструкцией, включающей элемент [am] – am и прилагательное в превосходной степени: [`am `ʃe:nstə] – *am schönsten*, [`am `eldəstə] – *am ältesten*, [`am `kre:stə] – *am größten*, [`am `ʃtɛrʏstə] – *am stärksten* и др.

В атрибутивном словосочетании имя прилагательное в превосходной степени употребляется как изменяемая форма после определенного артикля, притяжательного, указательного местоимений: [tɛs `kre:stə lant] – *das größte Land*, [ti `ʃtɛrxstə fra:] – *die stärkste Frau*, [tɛr `ʃtɛrxstə vɪnt] – *der stärkste Wind*, [da:n `taeərstə ha:s] – *dein teuerste Haus*, [tɛs `pʊntəstə kla:t] – *das bunteste Kleid*, [ti `alər`tikstə fra:] – *die dickste Frau*, [ʃetərəs `houhstə ha:s] – *jedes höchste Haus*, [ti `fri]əstə milç] – *die frischste Milch*, [`ma:nə `pɛstə `ʃvɪstər] – *meine beste Schwester* и др.

Таким образом, в исследуемом островном немецком говоре имя прилагательное имеет три степени сравнения, которые образуются синтетически, аналитически и супплетивно. Для усиления качества предмета наряду с именем прилагательным в определенной степени используются слова-усилители: наречия, словообразовательные элементы. В отличие от литературного немецкого языка, в речи диалектоносителей широко распространены формы имен прилагательных, степени сравнения которых образованы не только синтетически, но и аналитически.

Библиографический список

1. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М., 1978.
2. Москальская О.И. Структурно-семантические разряды слов в составе части речи // Вопросы германского языкознания. Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. М., Л., 1961. С. 251-261.

Стрельцова Я.А.
Барнаул

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА

(к постановке проблемы)

Конфликт – наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий. Ситуация конфликта возникает при столкновении во внутреннем мире субъекта двух или более несовместимых желаний, идей, побуждений. Такая ситуация становится критической, когда для человека невозможно ни разрешить этот конфликт, ни найти компромисс, ни поступиться чем-либо, ни проигнорировать эту ситуацию. Причинами внутреннего конфликта могут быть противоречия информационного характера, расхождение мнений, стрессовые ситуации. Основной психологической проблемой здесь становится проблема выбора, которая решается формированием

ценностного сознания. Ценности (в отличие от потребностей) изначально, сами по себе, не обладают силой, порождающей интенции, но они могут вызывать эмоции и чувства, которые уже регулируют социальное поведение, в том числе и вербальное. Таким образом, рассмотрение вопроса языковой экспликации внутреннего конфликта предполагает изначально определение данного явления в рамках психологии, философии, теории ценностей и социально-поведенческой проблемы выбора.

В психологии существуют различные определения понятия «конфликт», но в основном психологи единодушны: в основе всякого конфликта лежит противоречие, т. е. такое положение, при котором нечто одно исключает другое (Галоян: www). Причем это противоречие должно быть значимым для индивида. Именно в такой ситуации конфликт сопровождается большим психологическим напряжением. Основными типами конфликтов можно считать социальные (проявляются между определенными группами общества и в противопоставлении общества индивиду), межличностные и внутренние, то есть такие, когда конфликт развивается из внутренних противоречий индивида.

Во внутриличностном конфликте один участник, непосредственно тот, кто его переживает. В этом переживании сталкиваются психологические факторы внутреннего мира личности (потребности, мотивы, ценности, чувства), кажущиеся или являющиеся несовместимыми. Внутриличностный конфликт определяется как острое негативное переживание, вызванное борьбой структур внутреннего мира личности, отражающее противоречивые связи с социальной средой и задерживающее принятие решений (Ратников 2001).

В качестве примера можно привести ситуацию отношений двух главных героев романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» – мистера Дарси и Элизабет Беннет. Основой внутреннего конфликта этих двух молодых людей являются конвенции общества, в котором они существуют, задающие критерии классовой принадлежности, границы допустимого в отношениях между молодыми людьми в рамках понимаемого приличия (предубеждения), а также их собственная гордость, не позволяющая сделать шаг навстречу любимому человеку. Такой разрыв в желаемом и конвенционально допустимом проявляется в их поведенческих реакциях (эпизод первой встречи Элизабет и Дарси), в манере общения (колкости в диалоге), во внутренних переживаниях, которыми Элизабет делится с Джейн в моменты откровений. Такое противоречие принципиально разрешимо, и автор романа показывает пути его разрешения, демонстрируя также психологическое состояние и работу личности в стремлении его разрешить и выйти из ситуации стресса.

Выделяется несколько типов внутриличностного конфликта (Гоноболин 1973, Леонтьев 2004). Это конфликты, обусловленные:

- моралью и нравственностью (основываются на понимании сущего и представлении о должном);
- рассогласованностью биологических потребностей и социально определяемых норм;

- постановкой цели и ее достижением (стремление к самоактуализации и реальный результат);
- расхождением между особенностями структуры личности и мотивами поступков (известно, что поведение человека чрезвычайно сложно мотивировано даже в своих простейших проявлениях);
- необходимостью выбора.

Ситуации внутреннего конфликта достаточно рекуррентны. Именно поэтому они так широко прослеживаются не только в художественных произведениях психологического плана, но описываются всегда с целью более полного представления героев. Так, например, все образы, созданные в рассказе Ф. О’Коннора «Мой Эдипов комплекс», вырисовываются на фоне внутренних конфликтов. Маленький герой произведения Лари переживает фрустрацию оттого, что с возвращением отца с войны (о чем они постоянно молили Бога) внимание мамы не может быть направлено только на него (расхождение между тем, что существует, и тем, что, по мнению мальчика, должно быть), оттого, что его желания больше быть с мамой теперь неисполнимы (расхождение между потребностями и возможностями). Мама также переживает внутренний дискомфорт, потому что перед ней стоит проблема выбора: кому из ее «мужчин» отдать предпочтение. Все эти внутренние переживания проявляются, прежде всего, в общении:

(1) *“Mummy,” I said that night when she was tucking me up, “do you think **that if I prayed hard God would send Daddy back to war?**” She seemed to think about for a moment. “No, dear,” she said with a smile. “I don’t think he would.” “Why wouldn’t he, Mummy?” “Because there isn’t a war any longer, dear.” “But, Mummy, couldn’t God make another war, if He liked?” “He wouldn’t like to, dear. It’s not God who makes wars, but bad people” “Oh!” I said. **I was disappointed** about that. I began to think that God wasn’t quite what he was cracked up to be (O’Connor: www).*

Автор также описывает поведенческие реакции, используя прием ретардации, что демонстрирует нарастание напряженности конфликта:

- (2) *“Sssh! Dear” she **whispered**. “Don’t wake up Daddy.” <...>
 “Don’t wake up Daddy!” she **hissed angrily**. <...>
 “Go to sleep at once, Larry!” she **said sharply**. <...>
 “Daddy wants to sleep. Now, **do you understand that?**” I understood only too well. **I wanted to talk, he wanted to sleep** – whose house was it, anyway?” (O’Connor: www)*

Выбор определяется как внутреннее решение, принимаемое человеком практически в каждый момент жизни. Вычленение приоритетности в ситуации выбора всегда создает внутреннее напряжение, поскольку из двух часто равнозначных вещей в силу разных обстоятельств только одной приходится отдавать предпочтение. В этом случае в конфликт вступают желания и потребности, и выбор зависит от того, что позволяет в определенный момент времени произойти чему-то одному и не произойти чему-то другому. Более всего выбор затруднен у людей, плохо осознающих и сопоставляющих свои желания и

потребности или стремящихся уйти от необходимости выбора. Именно такой предстает перед нами героиня рассказа американской писательницы К. Шопен «Пара шелковых чулок» миссис Соммерс, которая случайно нашла 15 долларов и оказалась перед выбором, как рациональнее потратить эту сумму (Chopin: www). Динамику развития внутреннего конфликта героини автор передает с помощью разных языковых средств и текстовых приемов. Внутреннее состояние героини описывается как амбивалентное: с одной стороны, она предвкушает удовольствие от задуманных покупок (*anticipation, persistence and determination*), с другой, сомневается в правильности решения (*an all-gone limp feeling, need to gather strength and courage*), с третьей – проявляет достаточную уверенность в необходимости поступить наперекор жизненным потребностям, сделав себе маленькую побрякушку (*a feeling of assurance*).

Очевидным становится присутствие противоречий в ситуации принятия решения, поскольку сначала героиня хочет потратить деньги на покупку необходимых вещей для детей. Однако реальные потребности подавляются желанием поддаться искушению и соблазну потратить данную сумму в свое личное удовольствие, удовлетворив которое она испытывает *feeling of importance such as she had not enjoyed for years*, хотя ей и не удалось осуществить *proper and judicious use of the money*.

Внутренний конфликт имеет и внешнее проявление: *she is in a dreamy state, faint and tired; it made her restless and wakeful; she had actually forgotten to eat any luncheon at all; hectic blotches came suddenly into her pale cheeks; she was fastidious, was not too easily pleased*. Все это и есть показатели внутреннего конфликта. Состояние внутренних противоречий выражается не только описательно, но и с помощью стилистических приемов: *she felt like reveling for a while in the luxury; future like some dim, gaunt monster; laughed at the comedy and wept; What a very small parcel it was!*

Разрешение этого конфликта представляет собой *выбор* героини, который она делает без предварительно выстроенной логической цепочки: *she was not going through any acute mental process or reasoning with herself, nor was she striving to explain to her satisfaction the motive of her action. She was not thinking at all, some mechanical impulse freed her of responsibility*. Внешне выбор оказался для героини таким же легким, как и то, насколько легко деньги попали ей в руки (случайно). Вместе с тем, внутренняя борьба очевидна в ее метаниях, смене настроения, что собственно и характеризует напряженность как показатель растущего конфликтного состояния. Однако когда выбор сделан, ситуация упрощается, снижается напряжение и наступает состояние удовлетворенности, как у данной героини, позволившей себе чуть-чуть расслабиться и уйти от каждодневных проблем и забот.

Проведенный краткий анализ материала позволяет говорить о том, что внутренний конфликт, переживаемый человеком, обычно проявляется и внешне: в поведении, манере общаться, даже в том, как он одет. Все эти проявления находят определенную языковую репрезентацию. При этом они могут быть представлены в прямой номинации,

описательно-нейтрально, с использованием стилистических приемов, а также выражены в тексте со всеми особенностями эмоциональной окраски: в инверсиях, интенсификаторах, недосказах, при помощи графических средств. Совокупность используемых автором приемов передачи внутреннего конфликта представляется как конвергентный прием, позволяющий создать наиболее полную эмоциональную характеристику героя.

Библиографический список

1. Галоян С.В. Психология конфликта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/56886>
2. Гоноболин Ф.Н. Психология. М., 1973.
3. Ратников В.П., Голубь В.Ф., Лукашова Г.С. Конфликтология: Учеб. для вузов. М., 2001.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность // Психология личности. М., 2004.

Список источников иллюстративного материала

1. O'Connor F. My Oedipus Complex [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.geocities.com/cyber_explorer99/foconnoroedipus.html
2. Chopin K. A Pair of Silk Stockins [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etext.lib.virginia.edu/etcbn/>

Тронько С.С.
Барнаул

ФРАГМЕНТ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО КОНЦЕПТА *TOD*

Настоящая статья посвящена фрагменту ассоциативно-семантического поля концепта *TOD*, актуализованному ядерной лексемой *der Tod*. Концепт, являясь мыслительным образованием, может объективироваться в ходе анализа различных текстов, которые как когнитивно-концептуальные системы отражают значимые для автора смысловые образования. Концепт художественного текста есть единица этой системы, которая значительно отличается от соответствующего концепта в языковой картине мира. Анализ художественных текстов позволяет выявить такие признаки концепта, которые нельзя выявить на основании лексических и фразеологических единиц, а также пословиц и поговорок. Отдельная единица языка, значение которой включает в себя определенный набор сем, приобретает в контекстном окружении другие коннотации, а порой даже – абсолютно противоположное значение.

Для того чтобы определить, какое место занимает тот или иной концепт в сознании носителей языка и культуры, необходимо проследить функционирование данного концепта в ситуации действительности, где данный концепт является ключевым.

Тема смерти является основной в произведениях о войне, где авторам с достоверностью и психологической убедительностью удается описать быт солдат, судьбы людей, надломленных войной, варварство, безразличие к чужой, а порой и к своей собственной боли.

Художественная речь строится на основе концептуальных ассоциативных полей, с точки зрения структуры представляющих собой сеть отношений между ключевым словом и его употреблениями, актуализирующими те или иные компоненты значения исходного слова.

Ассоциативно-семантические поля (далее АСП) актуализируют системные компоненты лексического значения, а также скрытые смыслы семантики слова. Н.С. Болотнова определяет АСП как «концептуально объединенные лексические элементы на основе их эстетических значений, то есть системных текстовых качеств слов» (Болотнова 1994: 40). В поле включается совокупность вербальных репрезентантов концепта в тексте, связанных парадигматически и синтагматически. Таким образом, АСП – это объект научной абстракции, представляющий собой многомерную систему актуализаторов концепта в художественном тексте и позволяющий реконструировать фрагмент художественной картины мира. Круг сочетаемости актуализаторов концепта *TOD* позволяет осуществить выбор способа описания АСП – от формы к содержанию, т. е. от средств и способов оформления к представлениям и идеям. Это обусловлено неопределенно большим количеством идей, составляющих представление о смерти, их рассредоточенностью между актуализаторами разной семантической квалификации (ядерной и периферийной семантики) и неотчетливостью этих идей.

Анализируя концепт *TOD* на материале произведений разных авторов о двух мировых войнах XX века, мы пришли к выводу, что отношение к смерти на войне едва ли объясняется индивидуальным авторским восприятием этого явления. Скорее здесь выражается позиция авторов как коллективного наблюдателя эмоций, чувств и отношений между людьми, вынужденными существовать в условиях войны.

При изучении обнаруженных контекстов употребления ядерной лексики *der Tod* (643 употребления) в произведениях военной тематики общим объемом 4155 страниц было выявлено, что ее смысловое пространство задается также такими смысловыми доминантами указанных текстов как жизнь, война, страх, нужда, спасение, свобода, долг и т. д. Идея смерти актуализируется здесь прежде всего посредством целостных символических переосмыслений и через комбинацию традиционных и нетрадиционных символов и метафор.

Метафорические и символические комплексы формируют множество микрополей в субполе ядерной лексики *der Tod*. Основными из них являются микрополя *TOD – LEBEN*, *TOD – KRIEG*, *TOD – ANGST*, *TOD – FREIHEIT*, *TOD – SINN*, *TOD – RETTUNG*, *TOD – GEWOHNHEIT* и *TOD – PFLICHT*.

TOD вступает в сложные отношения символической антонимии с *LEBEN*. Микрополе *TOD – LEBEN* представлено 108 контекстуальными употреблениями, что объясняется экзистенциальной сопряженностью этих двух концептов, невозможностью их существования друг без друга. О смерти говорят там, где есть жизнь; думая о жизни, сталкиваются с мыслями о смерти. В произведениях военной тематики жизнь и смерть

рассматриваются как две противоположности в единстве, распоряжаться которым – значит распоряжаться всем миром, существованием человека в нем. Возможностью такой манипуляции в военное время наделяет человека оружие в его руках: „*Die Waffe gab einem die Macht, die unbeschränkte, die gottgleiche Macht über Leben und Tod*“ (Seghers (b)). Власть человека над жизнью и смертью делает его пустым, непонятным для других, превращает его в ничто: „*Und niemand konnte ihn ansehen, wer er in Wirklichkeit war. Noch immer ein Mann mit der Waffe, noch immer ein Herr über Leben und Tod*“ (Seghers (b)). Однако жизнью и смертью, душой и телом людей распоряжаются чаще всего не солдаты, а те, кто заставляет их взять оружие в руки и отправиться на фронт: „*Torsten lässt keinen Blick von diesem pausbäckigen, gepflegten Menschen, der hier über Tod und Leben entscheidet*“ (Bredel). „...*Herr über Menschen sein, Leib und Seele beherrschen...*“ (Seghers (a)). Имена этих отъездивших, ухоженных господ известны всем, хотя и не называются в произведениях.

На войне речь идет о выборе между жизнью и смертью, который редко зависит от самой личности: „*Allzuoft schon hatte er erfahren, dass der Mensch vor die Wahl zwischen Leben und Tod gestellt, sich im letzten Augenblick für das Leben entschied, ...*“ (Apitz) и решается каким-либо обстоятельством или силой: „...*was dann zu geschehen hat, Genossen, das entscheidet über Leben und Tod. Und wir müssen leben!*“ (Apitz); „*Was sollte dieser noch in dem Verlies, wenn jede Stunde die Entscheidung über Leben und Tod bringen könnte?*“ (Apitz). Человек может знать о том, что кем-то решается его судьба, и ожидание жизни или смерти становится еще мучительней для него: „*Wenn man zum Warten verurteilt ist, zu einem echten Warten auf Leben und Tod, von dem man im voraus nicht wissen kann, wie es ausgeht und wie lange es dauert, Stunden oder Tage, dann ergreift man gegen die Zeit die seltsamsten Maßnahmen*“ (Seghers (a)).

С другой стороны, между жизнью и смертью существует граница, переход через которую означает саму смерть: „...*Wenn er auf einer Scheide lebte, nur auf dem dünnen Grenzstrich zwischen Leben und Tod, den die kleinen Leute verzweifelt meiden*“ (Seghers (b)); „...*die Straße, die für die kommende Nacht die Grenze zwischen Leben und Tod abgeben würde, dachte Hans völlig glücklich: Sie nehmen mich wieder auf...*“ (Seghers (b)). Находясь на этой границе, человек начинает взвешивать смысл того и другого, стараясь оправдать свое решение: „*Die Scheide zwischen Leben und Tod, auf der man allein in ununterbrochener Spannung stand. Wofür das Leben? Wofür der Tod?*“ (Seghers (b)). Иногда, находясь на грани между жизнью и смертью, человек начинает ощущать их борьбу между собой: „*Leben und Tod vergaß er, die sich in ihm balgten*“ (Seghers (a)); „*Höfel fühlte, wie das Leben den Tod abwehrte*“ (Apitz). Однако граница существует не только между жизнью и смертью, но и они сами могут стать границей, препятствием между людьми, между членами одной семьи: „*Mehr als der Tod trennt uns das Leben, dachte Helgert*“ (Hofé).

Когда граница между жизнью и смертью исчезает, то смерть сама наполняется жизнью: „*Der Tod war unentrinnbar, er spürte ihn körperlich – als sei der Tod selbst etwas Lebendes...*“ (Seghers (a)), а порой жизнь выходит за рамки смерти, тогда речь начинается

идти о загробной, вечной жизни, существование которой подвержено сомнению, так как ее никто не видел: „*Glauben Sie an ein Weiterleben nach dem Tode?*“ ... „*Ich war in den letzten Jahren zu sehr mit dem Weiterleben vor dem Tode beschäftigt*“ (Remarque (a)). Игра со значениями предлогов *nach* и *vor* в последнем предложении подчеркивает бытийную норму того, что жизнь все же первична по отношению к смерти.

Кроме того, устойчивые сочетания *auf Leben und Tod*, *in Leben und Tod* становятся также средством для выделения интенсивности какого-либо признака: „*Es war ein Entschluß auf Leben und Tod*“ (Apitz); „... *ging es... um eine geheimnisvolle, magische Kraft, die zwei von Ewigkeit zu Ewigkeit füreinander bestimmte Menschenherzen sich begegnen ließ und sie in Leben oder Tod vereinte*“ (Hofé). В первом случае подчеркивается важность решения, во втором – устойчивость отношений двух любящих сердец, их неразлучность в жизни и даже после нее.

Микрополе **TOD – KRIEG** (23 употребления) является лейтмотивом всех произведений о войне, в которых подчеркивается, что война – это смерть. Однако войну можно предотвратить, а смерть – нет, она существовала и будет существовать всегда: „...*So wie die Welt mit dem Krieg! Sie hofft auf das nächstemal. Aber niemand kann ihn verhindern.*“; „*Den Krieg schon... Den Tod nicht*“ (Remarque (a)). Война является той силой, которая несет с собой бесчисленное множество смертей и позволяет человеку смотреть на смерть как на обыденное явление. Смерть, рассматриваемая в повседневной жизни как печальное событие, на войне воспринимается спокойно или даже равнодушно: „*Später, im Kriege, habe ich dann unzählige Tote gesehen und kaum mehr dabei empfunden*..., *aber diesen ersten habe ich nie vergessen, so wie man alles Erste nicht vergisst*“ (Remarque (b)).

Микрополе **TOD – ANGST** (94 употребления) репрезентуется прежде всего описанием самого «ужасного страха», страха перед смертью: „...*der Angst der Ängste, der Todesfurcht*...“ (Remarque (b)). Война в целом наполнена страхами, оправданными и неоправданными ею: „*Alles ist Angst*“, *wiederholt Isabelle*. „*Hast du nie Angst?*“ „*Ich glaube schon. Ich hatte sehr oft Angst im Kriege.*“; „...*Das ist vernünftige Angst. Ich meine die ohne Namen*“ (Remarque (b)). Взрывы, пожары, страх смерти и смерть, крики о помощи во время войны лишают ее монотонности и однообразия: „*Man hätte die Tage einförmig nennen können, wenn sie nicht von Bomben und Brand gefüllt gewesen wären, von Todesangst und von Tod, von Hilferufen und zerfetzten Gliedern*“ (Seghers (b)). Война рассматривается как «смесь» из страха смерти, отвращения и спиртного, помогающего бороться с тем и другим: „*Der ganze Krieg ist ein Gemisch von Todesangst und Ekel und Schnaps*“ (Thürk). Инстинкт страха смерти и ненависти помогает людям бороться и защищать свою жизнь: „*Die von ihrem Haufen gesonderten Leute wehrten sich, als man sie durch die Bretterwand stieß, aus einem Instinkt von Todesfurcht und von Haß*“ (Seghers (b)). Страх пронизывает все органы тела человека, лишает его дара речи: „...*nach dem mühlenartigen Geklapper, das sein Herz jetzt machte, wo es doch selbst in der Todesangst noch viel stiller schlug als ein Vogelflügel*“ (Seghers (a)); „*Ausgewachsene starke Männer... stammeln vor Todesangst*“ (Seghers (a)).

Однако не все на войне заражаются страхом смерти: „Sie sind nicht angesteckt worden, von Machtgier nicht, von keinem Zipfel von Macht, von keinem Befehl und von keiner Todesangst“ (Seghers (b)). Некоторым удается преодолеть страх перед всем, что мешает жить и влечет за собой смерть: „Er hatte... die allgemeine Angst überwunden, die sich in das Leben einfrisst: die Angst vor der Polizei, die Angst vor Gefängnis, vor Schlägen, die Angst vor dem Tod“ (Seghers (b)). Тот, кто не боится смерти и врагов, считается храбрым: „Du hast keine Angst, wie heißt es, vor einer Welt von Feinden; du hast keine Angst vor dem Tod. Du bist tapfer...“ (Seghers (b)).

Страх перед смертью заставляет человека подчиняться воле других: „Er folgte dann auch, obwohl er ohnedies jede Minute vom Tod bedroht war, aus Todesangst Berndts Befehl, den Zimmering auszuhorchen“ (Seghers (b)). Также человек от страха перед смертью стремится спасти то, что, по его мнению, поможет ему выжить: „Wir wissen ja, dass die Leute, wenn sie die Angst des Untergangs ergriffen hat, die merkwürdigsten Dinge zu retten versuchen“ (Böll).

М. Хайдеггер назвал страхом пребывание в состоянии «поступательного движения в смерть» („Vorlauf in den Tod“), в котором развивается озабоченность сущностью своего бытия. «Бытие к смерти есть сущность страха» (перевод наш) (Heidegger 1957). В страхе смерть переживается как возможность, но не как смерть как таковая. Психологически страх перед смертью – это страх не перед реальностью, а страх перед существованием, перед неизвестным будущим. Чувство страха, в зависимости от его силы, медленно или быстро ведет человека к смерти: „Die Angst, das Entsetzen vor dem Schrecklichen hat ihn schon hundert-, schon tausendfach getötet“ (Bredel). Поэтому, когда человек умирает, он осознает, что страх смерти – это нечто негативное, мешающее жить, а сама смерть является кроткой и даже приятной: „Nur die Angst ist schlimm, vorher, aber das Sterben ist sanft“ (Noll).

Микрополе **TOD – FREIHEIT** представлено 37 контекстуальными употреблениями. В большинстве случаев речь идет о дизъюнктивном сочетании: *Freiheit oder Tod*. Эти два понятия идут рядом, если речь идет о войне, но они исключают друг друга: либо одно имеет место, либо другое. Оказавшись на войне, человек встает перед выбором – воевать или сдаться в плен; попав в плен, задается вопросом – свобода или смерть? „Das sei Beschluss! Dann aber beginnt der Aufstand. Freiheit oder Tod!“ (Apitz). Солдаты, сбежавшие из плена, знают, что у них только две альтернативы: свобода или смерть. „Jetzt gehen wir die letzte Strecke unseres Weges, Freiheit oder Tod!“ (Apitz). За свободу люди готовы пожертвовать жизнью: „...ich sterbe für die Freiheit, für die ich lebte und focht und der ich mich jetzt leidend opfre...“ (Hofé).

Однако есть случаи, когда смерть сама по себе воспринимается как свобода, поскольку она избавляет человека от того, к чему его обязывает и принуждает жизнь: „In diesem Augenblick erkannte ich die Freiheit des Todes und ihren ungeheuren Trost... Ich wusste, dass ich die Gnade hatte, mein Leben beenden zu können, wenn Helen stürbe, dass ich nicht allein zurückzubleiben brauchte...“ (Remarque (a)). Смерть становится свободой тогда, когда жизнь утрачивает смысл.

Микрополе **TOD – SINN** (27 употреблений) раскрывает суть взаимоотношений понятий смерти и смысла. С одной стороны, смерть кого-либо или своя собственная может рассматриваться как не имеющая смысла, необъяснимая: „*Er versuchte, ihr sein Herz auszuschütten, und erzählte von Zemtzkis sinnlosem Tod*“ (Noll). Смерть, как и жизнь, должна иметь смысл, тогда с ней можно согласиться и достойно принять: „...*Nein, nein und nochmals nein. Wenn ich sterbe, soll mein Tod einen Sinn haben. Dieser hier hat keinen Sinn*“ (Hofé). С другой стороны, речь идет о том, чтобы наполнить смыслом чью-либо жизнь после смерти близкого человека: „*Baum wollte greifbaren Ersatz für seinen gefallenen Sohn, einen Sinn für dessen Tod*“ (Hofé). Кроме того смерть людей в разных странах может быть наполнена разным смыслом, иметь иное значение: „*Mit ihnen wird kurzer Prozess gemacht, weil ja der Tod, wie ich eben schrieb, in diesem Land nicht eine Rolle spielt wie bei uns*...“ (Seghers (b)).

Микрополе **TOD – RETTUNG** актуализируется в 42 употреблениях. Только ужасы войны могут соединить в одном контексте столь противоречащие друг другу понятия. При этом естественным образом можно было бы говорить о возможностях спасения от смерти: „*Wer rettet euch mal wieder? Onkel Willy, der Umsichtige. Rettet euch vor Lungenentzündung und kühlem Tod*“ (Remarque (b)) Так, например, полученные на предыдущей войне физические и душевные раны защищают героя от смерти, присутствующей в настоящей войне: „*Er dachte darüber nach, wie ihn die Wunden des ersten Krieges vor dem Tod des zweiten beschützt hatten*“ (Seghers (b)). Однако в большинстве контекстов сама смерть выступает в роли защитника и спасителя: „*Georg wusste damals bereits, dass nur der Tod ihm helfen konnte. Er kannte die furchtbare Macht, die sich auf sein junges Leben geworfen hatte, er kannte aber auch seine eigene Macht, und er wusste jetzt, wer er war*“ (Seghers (a)). Смерть может творить благо, поскольку спасает человека от страданий: „*Doch der Tod war wohlätzig. Längst schon hatte er die schützende Hand auf das einst so fröhliche Herz gelegt*...“ (Apitz). Человек сам начинает желать смерти, поскольку он не в силах терпеть и выносить всех ужасов войны: „*Und in den Tagen werden die Menschen den Tod suchen und nicht finden... und werden begehren zu sterben, und der Tod wird von ihnen fliehen*...“ (Noll).

В микрополе **TOD – GEWOHNHEIT** (24 употребления) речь идет о том, что на войне человек повсюду видит смерть, он боится ее, но, тем не менее, постоянно думает о ней, стараясь понять ее сущность: „*Sie dachte jetzt oft an den Tod. Was war das?... So gut wie gar nichts oder alles? War es ein Schatten oder die Ewigkeit selbst?*“ (Seghers (b)). Среди проблем, которые тревожат не находящегося в зоне боевых действий человека, есть мысли о возможной смерти родных, близких или своей собственной: „*Ihre Gedanken... umfassten sekundenlang kräftig und klar alles, was noch in Betracht kommen konnte, selbst die Möglichkeit des Todes* (Seghers (a)). Люди привыкают к смерти, также как они привыкают к нужде, болезням, голоду и т. д.: „*In einer für uns unbegreiflichen Weise ist diese Rasse an Lumpen und Elend gewohnt und an Seuchen und Hunger und sogar an den Tod*“ (Seghers (b)). Привычка думать о смерти заставляет человека больше ценить, лучше чувствовать жизнь

и держаться за нее: „...Ich bin gewohnt, vor Speeren gegen Speere zu stehen und, rings umgeben von dem drohenden Tod, das mutige Leben nur doppelt rasch zu fühlen...“ (Hofé). Затем в один прекрасный момент человек начинает осознавать, что привычка к смерти – это нечто придуманное сознанием человека для того, чтобы поставить его выше самой смерти: „Mancher entdeckte, dass er sich die Gewöhnung an den Tod, der all die Jahre hinter ihm gestanden hatte wie ein Posten mit dem Gewehr, dass er sich die Gewöhnung nur eingebildet hatte, dass es ein Trugschluss gewesen war, erhaben über den Tod zu sein“ (Aritz).

Микрополе **TOD – PFLICHT, OPFERBEREITSCHAFT** (32 употребления) представлено актуализацией таких смыслов как долг, патриотизм, жертвенность. Будучи на войне, некоторые люди не понимают, для чего они воюют, и ради чего погибали их предки: „Diese Menschen müssen erst begreifen, für wen sie hier sterben, für wen ihre Vorfahren auf allen möglichen Kriegsschauplätzen gefallen sind“ (Hofé). Однако большинство из них осознает, что они готовы умереть за свое отечество, свою нацию, вождя и т. д.: „Den Sturmführer Ellerhusen, den Standartenführer Ellerhusen, den hatte er verehrt, für den wäre er in den Tod gegangen“ (Bredel); „Alle würden in jeder Stunde bereit sein, den Opfertod für Großdeutschland zu sterben“ (Hofé). Люди начинают понимать это либо перед своей отправкой на войну: „Seit damals das Flugblatt an ihn gekommen war, hatte das Sterben etwas anderes bedeutet, als hätte es mehr mit dem Leben als mit dem Tod zu tun... Er hatte sich vorher eingebildet, das Vaterland brauche ihn dringend“ (Seghers (b)), либо уже на самой войне, когда они добровольно жертвуют своей жизнью: „Die Freiwilligen nahmen den Tod auf sich“ (Aritz); „Er habe in treuer Pflichterfüllung für Führer, Volk und Vaterland sein Leben geopfert“ (Thürk). Мысль о долге перед своей Родиной, о необходимости героической смерти ради других внушают солдатам военные чины. Однако далеко не все готовы жертвовать своей жизнью: „Von heldenmütigem Opfertod auf Rudomino zugunsten seines Abteilungskommandeurs hielt Leutnant Arlt gar nichts“ (Hofé). Познав ужасы войны, многие признают, что те, кто говорит о героизме и готовности отдать свою жизнь за кого-то, лгут: „...Weil es nicht stimmt, dass sie begeistert in den Heldentod gehen wollen wegen solcher Ziele“ (Hofé); „Er glaubt denen nicht, die für eine politische Partei bewusst und stolz in den Tod gehen. Er hält sie für Lügner und Heuchler...“ (Bredel). Согласно их мнению, смерть вдали от Родины не является чем-то великим и героическим: „Diese verdammten Heldenbriefe, dachte er. Jeder, der schreibt, dass der Tod hier draußen, tausend Kilometer von der Heimat entfernt, etwas Großes und die Krone der Pflichterfüllung bedeutet, der lügt!“ (Hofé). На войне не может быть героизма или исполнения долга, это просто те условия, которые вынуждают человека стремиться выживать и спасать своих близких.

Таким образом, обращение к текстовой реализации концепта *TOD*, представленного ядерной лексемой *der Tod*, обогащает не только информативную, но и ценностную составляющую исследуемого концепта, подчеркивает его ассоциативную связь с такими концептами как *LEBEN*, *KRIEG*, *ANGST*, *FREIHEIT*, *SINN*, *RETTUNG*, *GEWOHNHEIT* и *PFLICHT*.

Библиографический список

1. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
2. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemeyer, 1957.

Список источников иллюстративного материала

1. Apitz B. Nackt unter Wölfen. Berlin, 1975.
2. Böll H. Mein trauriges Gesicht. Moskau, 1968.
3. Bredel W. Die Prüfung. Berlin, 1976.
4. Hofé G. Roter Schnee. Berlin, 1972.
5. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt. Berlin, 1980.
6. Remarque E.M. (a) Die Nacht von Lissabon. Berlin, 1976.
7. Remarque E.M. (b) Der schwarze Obelisk. Sankt-Petersburg, 2005.
8. Seghers A. (a) Das siebte Kreuz. Berlin, 1971.
9. Seghers A. (b) Die Toten bleiben jung. Berlin, 1973.
10. Thürk H. Die Stunde der toten Augen. Berlin, 1970.

*Федоткина И.В.
Барнаул*

К ВОПРОСУ ОБ АРГУМЕНТАТИВНОМ И СУГГЕСТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СУПЕРЛАТИВНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Человек качественно и количественно выделяет предметы окружающей действительности, сопоставляет и сравнивает их. Эта мыслительная операция сравнения, в основе которой лежит ключевой принцип установления тождества предметов самим себе и их отличия друг от друга, предполагает формирование не только предметно-логического значения языковых единиц, но и их оценочного аспекта. Для выражения наивысшей оценки, которая характеризуется самой высокой степенью проявления признака предмета по отношению к другим предметам – носителям данного признака, используется понятие суперлативности. Суперлативность тесно связана с семантической категорией экспрессивности и эмоциональностью. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка и выступает как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию высказывания (БЭС 2000: 591), цель которого – произвести впечатление на адресата. Эмоциональность связана с чувствами и эмоциями говорящего по отношению к предметам, событиям, явлениям в процессе их оценки говорящим. Эмоциональность, экспрессивность и оценочность выступают показателями категории интенсивности и выполняют функцию усиленного воздействия на адресата в функциональном аспекте (Туранский 1990: 50). Таким образом, семантически суперлатив может включать в себя целую палитру смысловых оттенков и оценочных значений и способен выражать не только качества, объективно присущие предмету, но также и приписываемые ему субъектом. Следовательно, логично предположить, что суперлативность как составляющая категории

интенсивности обладает аргументативным и суггестивным потенциалом и придает тексту воздействующую направленность.

К текстам, обладающим такой направленностью, принадлежат статьи рекламного характера, опубликованные в туристических буклетах, брошюрах, проспектах и специализированных журналах типа *Geo*, *National Geographic* и т. п. Жанр таких материалов характеризуется гибридность (смешанностью), в нем совмещаются особенности художественного, научного, публицистического стилей и представлены различные типы информации: когнитивная, апеллятивная, эмоциональная и эстетическая.

Информационно-публицистические статьи рекламного характера представляют особый интерес с точки зрения изучения механизмов воздействия, а также в плане использования в них широкого спектра воздействующих средств, основанных на эксплуатации мотивов и потребностей, значимых для адресата. В большинстве случаев речевое воздействие в текстах, имеющих рекламную направленность, представляет собой когнитивные процедуры – операции со знаниями, цель которых изменить картину мира адресата с помощью рациональных либо эмоциональных аргументов, способствующих принятию адресатом необходимого для адресанта решения. Рациональные приемы аргументации апеллируют к сознанию и актуализируют логические выводы. Среди них выделяют аксиологические стратегии, в основе которых лежит семантика и прагматика оценки (Бардина 2004), а также рекламную аргументацию в рамках дедуктивной логики, базирующейся на энтимеме (силлогизме, в котором не выражена в явной форме какая-либо его часть) и эпихейреме (силлогистическое умозаключение, посылками которого являются энтимемы) (Нагорная 2003, Дудина 2006). Эмоциональная аргументация опирается на механизмы внушения и выражается в приемах, направленных на использование сложившихся у адресата стереотипов и знаний о мире. Аргументативные стратегии предполагают эксплицитные и имплицитные приемы убеждения (Баранов 1990: 42). Многие исследователи (Дудина 2006, Нагорная 2003, Пирогова 2001 и другие) признают имплицитность одной из важнейших категорий текстов рекламного характера. Имплицитные приемы осуществляют скрытое воздействие на адресата и вследствие этого обладают значительной убедительностью. Вместе с тем имплицитная информация может обладать большим манипулятивным потенциалом в силу своей способности описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира и интерпретировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную оценку.

Разновидностью речевого манипулятивного воздействия является суггестивное воздействие, которое принципиально отличается от аргументации. Языковая суггестия допускает логические противоречия, так как апеллирует к иррациональному и эмоциональному (А.К. Киклевич, Л.Н. Мурзин, И.Ю. Черепанова и другие).

Прагматическая направленность текстов рекламного характера может влиять на действия и мнения адресата, передавать максимум информации и диктовать выбор языковых средств разных уровней – фонетического (аллитерация, ассонанс, рифма и т. д.), лексического (метафора, метонимия, антитеза и т. д.), синтаксического (повторы, инверсия, актуализация темы и ремы и т. д.) (Шидо 2002 и другие). Мы полагаем, что языковые единицы различных уровней, актуализирующие явление суперлативности, обладают текстообразующими потенциями, то есть способностью особым образом формировать семантическую структуру текста и актуализировать его прагматический потенциал. В связи с этим целесообразно выявить корпус разноуровневых языковых единиц, которые несут в себе сему суперлативности, определить их системный потенциал, механизмы и способы их актуализации, а также стратегические возможности суперлатива придавать тексту воздействующую направленность.

Традиционно на морфологическом уровне такого рода единицами являются словообразовательные аффиксы *arch-*, *extra-*, *hyper-*, *mega-*, *multi-*, *over-*, *poly-*, *super-*, *ultra-*, которые способствуют усилению интенсивности признака не только прилагательного, но и существительного и глагола вследствие того, что практически каждая часть речи имеет свои потенциальные возможности выражения градационного признака. Наряду с упомянутыми аффиксами, в которые лексический компонент суперлативности изначально инкорпорирован, на лексико-семантическом уровне сема высшей степени проявления признака легко эксплицируется посредством компонентного анализа в прилагательных *colossal* ('extremely great or large'), *fabulous* ('extremely good'), *gorgeous* ('very beautiful'), *grand* ('very impressive'), *magnificent* ('very impressive and beautiful'), *marvellous* ('extremely enjoyable and exciting') (MED) и многих других, а также в сочетаниях прилагательных с интенсификаторами (*enormously*, *entirely*, *extraordinary*, *highly*, *magnificently*, *very*, *stunningly* и другими).

На синтаксическом уровне наиболее приспособлен к эксплицитному аргументированию и обладает семантикой воздействия речевой акт утверждения в составе предикатной конструкции с именной частью, выраженной прилагательным или наречием в суперлативе: "*Washington is known as "the Evergreen State", and visitors expect to see forests. Once the forests were the most fabulously thick and tall ones in the country...*" (Spring, 7). Однако особый интерес вызывает экспликация скрытых аргументативных и суггестивных стратегических возможностей суперлатива, придающих тексту экспрессивно-воздействующий и ярко оценочный характер. Будучи насыщенными предикатными конструкциями, в том числе и такими, в которые входит суперлатив, тексты публицистических статей рекламного характера могут быть исследованы в плане построения пропозиций (макропропозиций в терминологии Т.А. ван Дейка) для создания эффекта предвкушения удивительного и увлекательного. «Признавая особую

направляющую роль макропропозиций, следует предположить, что пользователи языка стремятся вывести релевантную макропропозицию из отрывка как можно скорее, ... начинают строить макрогипотезы уже после одного предложения или части этого предложения» (Дейк 1989: 63). В качестве примера можно привести следующий отрывок, открывающий перед читателем перспективу многообещающего и захватывающего путешествия: *“The North American continent is a multifaced piece of business as nature in her obsession for infinite variety ever fashioned. From the brittle arctic latitudes to the subtropical warmth of the southern United States is a land mass with such a variety of personalities that it would seem to reflect nature’s extravagant inventiveness to a greater degree than anywhere else on earth”* (Lewis, 7). Еще пример – завораживающее приглашение окунуться в таинственный мир океана: *“Behind the eerie eyes of a Caribbean reef squid lies intelligence, for squid and their kin have the largest brains of all invertebrates. Some embody delicate beauty; others conjure sea monsters. All have mastered a great talent: to change their appearance in flash”* (National Geographic).

Так как ментальная операция сравнения лежит в основе познания мира, исследование суперлативности может быть интересно в аспекте как мотивированности единиц и уровней языковой системы, актуализирующих значение высшей степени признака, так и выявления принципа иконичности в образовании ее форм. При исследовании динамических характеристик предложений, то есть с точки зрения расположения в нем информации, может быть применена теория актуального членения предложения.

Итак, мы полагаем, что суперлативность как составляющая категории интенсивности обладает потенциалом для организации смыслового пространства текста, имеет суггестивную направленность и выступает фактором оценочности и экспрессивности в текстах рекламного характера. Следовательно, суперлативность имеет все предпосылки стать объектом всестороннего исследования в плане системных, функциональных и прагматических особенностей.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990. С. 40-52.
2. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материале политической риторики и социально-бытового общения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
3. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Дудина Е.П. Аргументация как одно из средств речевого воздействия // Scripta Linguisticae Applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2001. С. 19-26.
5. Дудина Е.П. Семантика и функции лексико-грамматических единиц в рекламе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006.
6. Нагорная Е.В. Соотношение эксплицитной и имплицитной информации в рекламном дискурсе (на материале текстов печатной журнальной рекламы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

7. Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Scripta Linguisticae Applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2001. С. 209-227.
8. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
9. Шидо К.В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.
10. [БЭС] Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000.
11. [MED] Macmillan English Dictionary. Macmillan Publishers Limited, 2002.

Список источников иллюстративного материала

1. Lewis P.M. Beauty of Arizona. LTA Publishing Company, 1989.
2. National Geographic. August, 2004.
3. Spring B, Spring I., Fish B. Washington. Photographic Tour of the Evergreen State. Evergreen Press Limited, 1989.

*Филиппова Я.П.
Барнаул*

РАЗВИТИЕ ПОЛИСЕМИИ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Способность слова развивать новые значения и тем самым расширять свою семантическую структуру является его естественным свойством. Недаром многие ученые характеризуют многозначность как универсальное свойство естественных языков и отмечают, что большинство слов любого живого языка, имеющего длинную литературную традицию, являются словами полисемантическими (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, Е.С. Кубрякова и др.). Характеризуя словарный состав английского языка, нельзя не отметить, что многозначность является одной из его главных отличительных свойств. С начала 70-х гг. XX в. в лингвистике существует понятие «вездесущности полисемии в английской лексике» (ubiquity of polysemy), которое было введено американским исследователем Р. Лангакером. По его данным, около 60% слов, зафиксированных тезаурусом П. Роже, являются многозначными (Langacker 1973: 72).

Изучение особенностей развития лексической полисемии на базе дивергентных значений в рамках макросистемы национально-негомогенного языка, каким является английский, позволяет более детально рассмотреть процесс взаимодействия национальных вариантов на лексико-семантическом уровне, а также расширить наше представление о развитии макросистемы английского языка под влиянием культурно-специфических факторов. Под лексико-семантическими дивергентами понимаются регионально-маркированные значения в структуре многозначного слова, присущие определенному национальному варианту английского языка. Лексико-семантические

дивергенты различаются в плане содержания при общности в плане выражения (Швейцер 2003: 114). Задачей данной работы является изучение семантического потенциала многозначных слов, имеющих в своей семантической структуре дивергентные значения, имена лиц, развивающиеся в центральных вариантах английского языка (британском и американском), что дает определенное представление о возможных направлениях развития семантики многозначных слов, а также о роли культурного фактора в развитии многозначности слова в условиях национальной поливариантности языка. Для проведения настоящего исследования были проанализированы 467 полисемантов, отобранных из современных английских толковых словарей, содержащих лексико-семантические варианты со значением лица, маркированные как *British* и *American*. Анализу с целью установления их содержательных связей были подвергнуты свыше 1000 (1009) значений, 526 из которых – дивергентные значения с пометами *British* и *American*.

Лингвистические исследования последних десятилетий, как правило, сходятся в том, что многозначное слово представляет собой микросистему, значения в которой взаимосвязаны и взаимообусловлены (Прохорова 1980: 32). По словам Н.Ф. Алефиренко, большинство ученых считают, что «содержательная структура полисеманта представляет собой сетку взаимообусловленных смысловых элементов, находящихся друг с другом в достаточно сложных иерархических отношениях» (Алефиренко 2005: 192-193). Система значений полисеманта представляет собой иерархию значений, или семантическую парадигму, то есть совокупность значений слова как результат его семантического развития (Кустова 2004: 30). Как утверждает Е.В. Падучева, полисемант обладает так называемой «корневой лексемой», которая подобна корневой лексеме словообразовательного гнезда. Из этой «корневой лексемы» в результате определенных семантических преобразований могут быть получены новые значения (Падучева 2000: 359-417).

Формирование новых значений возможно благодаря наличию в семантике слова некоего потенциала, который, по утверждению современных ученых (М.В. Никитина, Г.И. Кустовой, Н.Ф. Алефиренко и других), присущ каждому слову и реализуется в отдельных словозначениях. Семантический потенциал слова, по мнению М.В. Никитина, зависит от богатства поля импликаций, т. е. от объема и содержания информационной ауры слова (Никитин 1997: 36-37). Итак, слово обладает особой энергией, которая позволяет его структуре развиваться, однако, по утверждению Г.И. Кустовой, обычно этот потенциал реализуется не всегда полностью и в подавляющем большинстве случаев неравномерно (Кустова 2004: 30). С данной точкой зрения перекликается мнение Н.Н. Болдырева, который полагает, что в слове фиксируется лишь часть концепта (Болдырев 2000: 40). Например, в семантической структуре существительного *booster* взаимодействуют четыре лексических значения:

1) a small quantity of a drug that increases the effect of one that was given before, so that someone continues to be protected against a disease;

2) something that helps someone or something to increase or improve, or to be more successful or confident;

3) a rocket that is used to provide extra power for a spacecraft to leave the Earth;

4) *American English*: someone who gives a lot of support to a person, organization, or an idea (LDCE, 162).

Данные этимологического и толкового словарей (CDE, COD) указывают на тот факт, что значение (3) (турбина) является «прародителем» трех других значений, образовавшихся от первоначального путем метафорического переноса (значение (1)), также путем метафорического переноса и генерализации смысла от значения (1) образуется значение (2), которое, в свою очередь, способствует образованию значения (4), которое развивается в результате сужения значения (2). Семантический потенциал рассматриваемой лексемы реализован относительно полно: в семантической структуре слова имеются производно-метафорические значения, а также два значения, связанных с исходными гипо-гиперонимическими отношениями.

Одним из путей реализации семантического потенциала слова является формирование дивергентных значений. Как отмечает Г.И. Кустова, «в парадигме слова могут обнаруживаться значения более «системные», предсказуемые, выводимые и «внесистемные», неожиданные» (Кустова 2004: 31). Неожиданными могут стать производные значения, удивляющие сопоставлением двух, казалось бы, несопоставимых концептов. Проиллюстрируем сказанное следующим примером: существительное *grunt* имеет в своей семантической структуре три значения, связанных разнообразными отношениями:

1) a short low sound that a person or animal makes in their throat;

2) *American English (informal)*: someone who does hard physical work for low pay;

3) *American English (informal)*: a soldier in the infantry (LDCE 2003: 718).

Очевидно в первом случае (значения (1) и (2)) элементы общности при сопоставлении двух концептов выделяются на том основании, что семантический потенциал слова позволяет установить ассоциации между «хрюканьем», коротким низким звуком, издаваемым животным, в частности свиньей, и человеком, выполняющим тяжелый, низкооплачиваемый, унижительный труд, положение которого подобно положению животного. Третье значение, по всей видимости, образовано от второго в результате сужения или специализации значения. При этом не имеющие никакой видимой объективной связи с первым значением значения (2) и (3) оказываются связанными в языке импликационными и классификационными типами отношений (в терминологии М.В. Никитина).

Развитие данных дивергентных значений в семантической структуре существительного *grunt* свидетельствует о наличии значительного семантического потенциала слова, который зависит от разных факторов. Такими факторами, по словам Г.И. Кустовой, являются устройство значения и характер ситуации (Кустова 2004: 31). Как

отмечает Г.И. Кустова, «противопоставляются энергетическая (физическая) сфера – сфера материальных объектов и «видимых», наблюдаемых, происходящих в пространстве и времени физических ситуаций..., и информационная сфера – сфера «невидимых», внутренних информационных процессов и состояний человека...» (там же: 31). Очевидно, что существительное *grunt* в своем первом значении (a short low sound that a person or animal makes in their throat) относится к энергетической сфере, то есть к сфере воспринимаемых объектов (явлений) окружающего мира, а его дивергентные значения развиваются в рамках «информационной сферы», подверженной определенному культурному влиянию.

Анализ материала показал, что исходные и дивергентные значения, имена лиц, называют материальные объекты действительности, воспринимаемые органами чувств, вследствие чего относятся к энергетической сфере, тогда как механизмы формирования производных значений относятся к сфере информационной, что обусловлено переосмыслением человеком исходного значения – процессом ментальным. Кроме того, образование дивергентных значений всегда детерминировано культурой, и в некоторых случаях установить семантическую связь между исходным и производным значением оказывается достаточно сложным.

Теория о семантическом потенциале слова демонстрирует стремление лингвистов установить принципы формирования новых значений, суть которых по большому счету заключается в том, что семантическая структура многозначного слова является своеобразным отображением работы сознания человека. По утверждению О.В. Труновой, это обусловлено тем, что «современная естественнонаучная и гуманитарная парадигмы ... определяются стремлением дойти до сути отношений человека с миром» (Трунова 2008: 361). По мнению М.А. Кронгауза, «лингвистическое значение непосредственно связано с действительностью» (Кронгауз 2001: 313).

Изменения, имеющие место в семантической структуре многозначного слова, неразрывно связаны с изменениями в культуре нации. В таких изменениях фиксируются очень важные особенности восприятия человеком действительности, то есть язык является одним из материальных объектов культуры и, соответственно, «объектным носителем ее духовной сущности» (Веллер 2003: 266).

Культура (в узком смысле – совокупность духовных ценностей народа) как интегративный образ человеческой жизнедеятельности неразрывно связана с языком, в формах которого получают закрепление способы и результаты общественно-исторического опыта. Как отмечает философ Е.И. Кукушкина, «в состав духовной культуры общества вся совокупность представлений, верований, привычек, установлений, традиций и т. д. входит, будучи зафиксирована в языковых значениях» (Кукушкина 1984: 179).

Лексика является наиболее динамичным элементом языка и в высокой степени подвержена изменениям в ходе развития общества, и именно по этой причине в ней отражается каждое, даже самое мельчайшее движение в жизни этноса (Крицберг 2001: 3).

Образование новых значений, по мнению многих отечественных и зарубежных ученых, является процессом, основанном на когнитивных механизмах работы человеческого сознания. Так, Дж. Тейлор указывает на отсутствие случайности в организации словозначений в определенное единство (Taylor 1988). Как утверждает Г.И. Кустова, «семантическая парадигма многозначного слова не является совокупностью случайных и непредсказуемых результатов семантического развития, так сказать, собранием пестрых дел» (Кустова 2004: 414).

В каждом национальном варианте языка лексика приспосабливается к нуждам нации, и в результате в семантической структуре слова появляются новые локально-маркированные значения. Таким образом, язык, в первую очередь его словарный состав, является отражением культуры страны, в нем проявляются и в определенной степени под его влиянием формируются особенности картины мира, характерной для данного языкового сообщества. Образование новых значений, связанное с культурно-социальными изменениями в жизни народа, осуществляется под влиянием экстралингвистических факторов. Изучая содержательные связи лексико-семантических дивергентов, бритуцизмов и американизмов, мы неизбежно обращаемся также к лингвистическим причинам изменения и развития семантической структуры слова, которые при всем своем многообразии в конечном счете сводятся к тому, что слово (как в языке, так и в речи) существует не изолированно, а в тесной связи с другими языковыми единицами. Вхождение каждой новой лексической единицы в систему языка сопровождается ее обязательным взаимодействием со значениями других слов. Более того, по словам И.В. Арнольд, «в самой природе слова, заключающего всегда обобщение не одного, а нескольких признаков предмета или явления, заложена неизбежность многозначности, т. е. некоторые из признаков одного понятия оказываются общими с ведущими признаками других» (Арнольд 1959: 55). По мнению М.М. Маковского, «ни одно значение немислимо в отрыве от внешнего окружения». В качестве такого окружения, по его словам, может выступать «как отдельная лексема, так и отдельное значение или несколько определенных значений в пределах одной или нескольких лексем» (Маковский 2006: 40).

Расширение семантической структуры слова (его семантическое развитие) неразрывно связано с «эволюцией концепта» (Алефиренко 2005: 143), что обусловлено спецификой когнитивной деятельности. Слово является двусторонней единицей языка, обладающей значением в языке и смыслом в речи, в связи с наличием ядра значения – интенционала и скрытого потенциала значения слова – импликационала. Характер интенционала и возможности импликационала определяют развитие новых значений в структуре слова. В связи с этим изучение особенностей развития полисемии на базе дивергентных значений в рамках макросистемы национально-негомогенного языка позволяет расширить наше представление о развитии макросистемы английского языка под влиянием культурно-специфических факторов, а также выявить определенные черты, характеризующие конкретные национально-культурные сообщества, пользующиеся

данным языком. По справедливому утверждению Э. Сепира, «язык является символическим руководством к пониманию культуры» (Сепир 2003: 132).

Для иллюстрации вышесказанного, приведем следующий пример: лексическая единица *anorak* имеет два значения: 1) *a coat with a hood, often waterproof* и 2) *British slang: a term for a person with an excessive and boring amount of knowledge on a particular subject* (LDCE, 45), образованное в результате метонимического переноса. Эти два значения взаимодействуют между собой в рамках семантической структуры данной лексемы как общеанглийское и регионально-маркированное, обладая различным статусом на уровне макросистемы английского языка в связи с использованием второго (дивергентного) значения только в британском варианте английского языка. Наличие локально-маркированного значения в британском варианте предопределяет возникновение лакуны в других вариантах английского языка, в частности в американском варианте. Однако в макросистеме английского языка лексическая единица *anorak* может рассматриваться как многозначная вследствие наличия в ее семантической структуре британского дивергентного значения. Ассоциации по смежности, использование названия предмета одежды для наименования лица, на базе которых осуществляется перенос имени, в данном случае являются вполне традиционными, однако содержание ассоциативных связей и мотивов имеет культурную детерминацию. Одна из версий, предложенная референтом-носителем языка и представителем британской культуры заключается в следующем: *“The association with anorak results from the most common and obvious example of this type of passion in Britain – men who spend their time watching, photographing, reading about, traveling by – trains. These men famously spend all their spare time on station platforms photographing trains – whilst wearing anoraks.”* Подобная реализация семантического потенциала слова становится возможной лишь в рамках определенной культуры.

Таким образом, формирование национально маркированных или дивергентных значений в семантической структуре слова в национальных вариантах английского языка представляет собой один из путей развития лексической полисемии в направлении актуализации семантического потенциала слова. Изучение содержательных связей общеанглийских и локально маркированных словозначений в структуре полисемантических слов в английском языке позволят выявить особенности реализации семантического потенциала слова в макросистеме поливариантного языка и их зависимость от национально-культурных факторов.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М., 2005.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1959.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.
4. Веллер М.И. Культура как знаковая система. СПб., 2003.
5. Крицберг Р.Я. Дивергенция региональных вариантов английского языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2001.

6. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. М., 2001.
7. Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М., 1984.
8. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
9. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 2006.
10. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
11. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М., 1983.
12. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 359-417.
13. Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в русском языке. М., 1980.
14. Сепир Э. Статус лингвистики как науки (The Status of Linguistics as a Science) // Языки как образ мира. М.- СПб., 2003. С. 127-138.
15. Трунова О.В. Лингвистические аспекты когниции // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике. Барнаул, 2008. С. 360-363.
16. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 2003.
17. Langacker R.W. Language and Its Structure. USA, 1973.
18. Taylor J.R. Contrasting Prepositional Categories: English and Italian. Rudzka. Ostin, 1988.
19. [CDE] Chambers Dictionary of Etymology. Robert K. Barnhart. New York: Chambers, 2006.
20. [COD] Concise Oxford Dictionary. Bombay: Oxford University Press, 1987.
21. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English. Italy: La Tipografica Varese, 2003.

*Храмова Т.Ю.
Барнаул*

СОГЛАСОВАНИЕ МЕСТОИМЕННЫХ КОРРЕЛЯТОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Важное явление, которое необходимо отметить в проявлении специфики представленности множественности в английском языке – это сдвиг в сторону плюрализации в осмыслении ряда слов и выражений. Помимо случаев с собирательными существительными в современном английском языке форма множественного числа также может употребляться и в местоимённых сочетаниях. В первую очередь данное явление характерно для неопределённых местоимений: *everybody, everyone, somebody, someone, anybody, anyone, nobody, no one*. Традиционные грамматики формулируют правило, согласно которому указанные местоимения соотносятся с личными, притяжательными и возвратными местоимениями единственного числа (Ganshina 1964: 111).

(1) *When all the glasses were filled, he raised his. "May you dwell forever in Amber," he said, "which endureth forever," and everyone raised **his** glass (Zelazny).*

В последние десятилетия, однако, в английском языке утвердилось их соотношение по согласованию с местоимениями множественного числа. Возможность такой дистрибуции зарегистрирована не только в текстах художественной литературы и

речи носителей языка, но и в словарях, а также в современных грамматиках (LDELС, WDEU, Alexander 2004). Безусловно, для этого есть основания, поскольку неопределённому местоимению в реальной действительности во многих случаях соответствует субъект в форме множественного числа, что подтверждается рекуррентностью формоупотребления:

(2) *The dinner was as well dressed as any I ever saw. The venison was roasted to a turn – and everybody said, **they** never saw so fat a haunch* (Austen).

(3) *But there was nothing tonight. It just looked like a garage where somebody was having a party: **elegant people standing in clusters, waiting for their cars*** (Crichton).

(4) *No one knew and no one really wanted to know who was the original Speaker. Ender was not inclined to tell **them*** (Card (b)).

В приведённых примерах сема множественности, присутствующая на понятийном уровне у местоимений *everybody*, *somebody*, *no one*, эксплицируется в соотнесённых с ними личных местоимениях *they*, *them*, имеющих с ними общий референт – это гости, присутствующие на обеде (пример (2)), люди, ждущие свои машины (пример (3)) и т.д. В данных случаях имеет место явление семантического согласования на фоне грамматической рассогласованности.

Анализ показывает, что неопределённые и отрицательные местоимения дают возможность обобщённого отображения в семантической структуре высказывания некоторого множества индивидов при сохранении за ними статуса индивидов, т. е. содержат имплицитную сему множественности, которая начинает требовать формального выражения. Рассмотрим следующий пример:

(5) *They laughed. The ones who didn't sleep naked stripped down; everyone bundled up **their flash suits** and followed Ender at a jog through the corridors to the gym. He put **them** through the obstacle course twice, then split **them** into rotations on the tramp, the mat, and the bench. "Don't wear yourselves out, just wake yourselves up." He didn't need to worry about exhaustion. **They** were in good shape, light and agile, and above all excited about the battle to come. A few of **them** spontaneously began to wrestle* (Card (a)).

В данном случае сема множественности, присутствующая в местоимении *everyone*, эксплицируется в рамках данного предложения в связанном с ним притяжательном местоимении третьего лица множественного числа (*their*), что является результатом плюрализации осмысления существительного, определяемого местоимением (*their suits*). Имплицитруемая сема расчленённой множественности эксплицируется и в последующих предложениях. Это выражается в употреблении множественных форм личного местоимения и местоимения в объектном падеже третьего лица (**they, their**). С учетом контекста, референт неопределённого местоимения *everyone* в данной ситуации можно описать как некоторое расчленённое множество объединённых в группу людей – отряд солдат. В данном случае внимание акцентируется на процессе тренировки солдат, которых Эндер распределил на различные тренажеры (*split them into rotations on the tramp*,

*the mat, and the bench; a few of **them** spontaneously began to wrestle*). Их характеристика как единого целого армейского подразделения становится нерелевантной в данной ситуации. Таким образом, местоимение *everyone* актуализирует сему расчленённой множественности и согласуется с коррелятами множественного числа. Рассмотрим ещё один пример:

(6) “*It seems to show **that someone knows more than we do about what goes on upon the moor,**” said Dr. Mortimer.*

“*And also,*” said Holmes, “***that someone is not ill-disposed towards you, since they warn you of danger.**”*

“*Or it may be that **they wish, for their own purposes, to scare me away.**”* (Doyle)

В анализируемом примере неопределённое местоимение *someone* встречается несколько раз, при этом в пределах одной коммуникативной ситуации варьируется тип согласования данного местоимения с его коррелятами. Наблюдается синтаксическое согласование в структурах нексуса (*someone knows, someone is not ill-disposed*), где местоимение *someone* согласуется с глаголами единственного числа третьего лица, а также в атрибутивной позиции (*that someone*), где неопределённое местоимение *someone* согласуется с указательным местоимением единственного числа. Наряду с этим, местоимение *someone* реализует и семантическое согласование в дистантной позиции с личным и притяжательным местоимениями множественного числа *they* и *their*. В данном случае имеет место ранее нигде не отмеченное явление «смещения референта». Оно объясняется следующим образом. Неопределённое местоимение *someone* семантически определяется как «кто-то **один** из некоторого **множества** людей» (причем этот «один» персонально является неизвестным, равно, как и «множество», в которое он входит, является неизвестным количественно). Поэтому говорящий, обозначая неизвестного человека, пытающегося предупредить другого человека об опасности, прибегает к формальному согласованию местоимения *someone* как в местоименных сочетаниях, так и в структуре нексуса. Вместе с тем тот факт, что количественно объект не определен, а в семантике местоимения *someone* присутствует сема множественности, дает основание согласовывать его со всеми коррелирующими единицами по линии множественного числа. Языковые факты такого рода позволяют высказать предположение о системной семантической амбивалентности неопределённых местоимений в отношении представления множественности/единичности обозначаемого ими объекта, что представляет собой «шифтерный триггер» для актуализационного согласования.

Явление актуализационной амбивалентности неопределённых местоимений требует рассмотрения характера их системной семантики. Дефиниционный анализ местоимения *someone* (*somebody*) показывает следующее: *somebody* – ‘an unknown person’. Данная дефиниция в плане, значимом для настоящей работы, маркирует единичность объекта, поскольку интерпретирующее существительное стоит в единственном числе. Кроме того, неопределённый артикль в английском языке филогенетически определяется

как единица, восходящая к числительному *one*. Однако, поскольку местоимение *somebody* является производным, необходимо в рамках семантического расширения определить значения компонентов, составляющих семантику всего слова:

- some* – a number of people or things;
- an amount of something;
- the number or amount is not known;
- a number of..., but not all;

number – amount of something that can be counted;

all – the complete quantity, the whole of.

Прием семантического расширения показывает наличие в импликационале значения данного местоимения семы множественности (*quantity, all, the whole of*). Это позволяет заключить, что актуализационные особенности слова предопределяются его системным семантическим потенциалом.

В настоящее время наблюдается сильная тенденция предпочтительной интерпретации этого типа местоимений в терминах расчлененной множественности, что с одной стороны проявляется в характере согласования, а с другой – подтверждается их соотносительностью с личным местоимением третьего лица, множественного числа. Фактором, способствующим возведению этого явления в статус нормы, является феномен «политически корректного» общения.

(7) *Well, no one really **knows** until **they** get there, do **they**, but I know I'll be in Slytherin, all our family have been – imagine being in Hufflepuff, I think I'd leave, wouldn't you?* (Rowling).

(8) *But nobody will take me if I don't know anything, will **they**? Let me learn something, and then you can get rid of me all the sooner and get a soldier you can really use* (Card (a)).

Приведенные примеры (6), (7), (8) демонстрируют возможные позиции согласования анализируемых местоимений и подтверждают закономерность: чем больше интервал между ядерным элементом и адьюнктом, тем больше вероятность семантического согласования. Анализ показывает, что с неопределёнными и отрицательными местоимениями в атрибутивной позиции и конструкции нексуса возможно только синтаксическое согласование, в то время как в дистантной позиции возможны все типы согласования. Приведём ещё несколько примеров:

(9) *“Somebody parked a million bucks here about an hour ago.”*

*“**That somebody** was me, and the money is yours.”* (Grisham)

(10) *Possibly somebody may take me for a Dutchman; in which **they** are mistaken* (Defoe)

(11) *He sent three younger boys to call everyone in, and made everyone else dress for battle as quickly as **they** could* (Card (a)).

В примере (9) синтаксическое согласование реализуется в структуре нексуса (*somebody was*) и атрибутивной позиции (*that somebody*). В дистантной позиции между

неопределённым местоимением и коррелирующим с ним личным местоимением наблюдается семантическое согласование (примеры (10), (11)).

Отметим, что в семантике местоимения *everybody* (*everyone*) сема множественности на шкале «интенционал – импликационал» находится фактически в интенционале, поскольку выявляется не опосредованно, а в первой словарной дефиниции:

every – every person;
– all people.

Рассмотрим еще один пример:

(12) “*Petra, you know the worst thing I've ever done. Achilles was dangerous, I knew it, and I still went away and left Poke alone with him. She died for it. That burns in me every day of my life. Every time I start to feel happy, I remember Poke, how I owe my life to her, how I could have saved her. Every time I love somebody, I have that fear that I'll betray them the same way I did her.*”

“*Why are you telling me this, Bean?*”

“*Because you betrayed Ender and I think it's eating at you.*” (Card (b))

В анализируемом примере реализуется семантическое согласование: местоимение *somebody* актуализирует сему множественности, которая эксплицируется в соотнесённом личном местоимении в объектном падеже *them*. В данном примере референт местоимения *somebody* является обобщенным – это все те девушки, в которых влюбляется Бин и страх предать которых он каждый раз испытывает. Можно предположить, что автор не употребляет возможное в данной ситуации местоимение третьего лица единственного числа (*her*), поскольку именно местоимение *they* является маркером множественности, присутствующей на понятийном уровне. Данная множественность подчеркивает многократность, повторяемость данной ситуации, что ясно из конситуации, на итеративность также указывает повторение выражения *every time*.

Обратим внимание на следующий пример:

(13) *I see that you understand me perfectly. I dare say you are intelligent enough for your work. What we want now **is activity – activity*** (Conrad).

В данном примере в качестве подлежащего выступает придаточное, вводимое относительным местоимением *what*, которое в свою очередь согласуется с предикатом в форме единственного числа *is activity*, что является привычным и традиционным. Однако и здесь наблюдается изменение нормы, процесс «плюрализации». Например:

(14) *Well, when the revolution of crisis arrives, we shall be powerless, because we shall know nothing. And so, Ernest, let us not be deceived. England will never be civilised till she has added Utopia to her dominions. There is more than one of her colonies that she might with advantage surrender for so fair a land. What we want **are unpractical people** who see beyond the moment, and think beyond the day. Those who try to lead the people can only do so by following the mob* (Wilde).

В приведенном примере предикат стоит в форме множественного числа, наблюдается семантическое согласование. Местоимение *what* не имеет референциального

значения вне конситуации, идентифицировать его референт становится возможным в данной ситуации благодаря именной части сказуемого, которая выражена существительным в форме множественного числа, что оказывает влияние на активизацию семы множественности у местоимения *what*. Аналогичный случай наблюдается в следующем примере:

(15) *I took down the key and checked quickly beyond the wooden door to my right, discovering a large barrel of water, a dipper, and a variety of dishes, cups, utensils. Behind the other door were a few blankets and stacks of what were probably toilet **tissues** (Zelazny).*

Грамматическая рассогласованность наблюдается также в некоторых случаях с неопределёнными местоимениями *neither, either, none*.

(16) *There were many bright children, but none who were that much better than commanders already in place, who had graduated from Battle School many years ago (Card (b)).*

Данные местоимения также могут согласовываться с коррелятами в форме множественного числа. Указанные местоимения в большинстве случаев сопровождаются оборотом с предлогом *of*. Например:

(17) *The bridge, the dining room, the galley, the salon, the sleeping compartments – all were filled with people doing their best not to let their annoyance at the close quarters get out of hand. None of them were in the corridor now, however, and Jakt had already taped a sign to their door (Card (c)).*

В данном случае семантическое согласование поддерживается контекстуально: параллельным употреблением *all were / none were*, а также экспликацией множественности в личном местоимении *none of them*.

(18) *“Good. Then you’ll be on with your business about the Pattern, Corwin, and I will be about my own. This will take me some time, too. I must go to give my commanders orders concerning my absence now. Let us agree that neither of us commence anything of a final nature without checking first with the other.” (Zelazny)*

(19) *Both came slightly farther into the chapel. The Unicorn's head was lowered, horn pointed directly at me. The Serpent's tongue darted in my direction. “Uh, if either of you want this armor and stuff,” I ventured, “I certainly have no object” (Zelazny).*

В приведённых примерах анализируемые местоимения коррелируют с предикатами в форме множественного числа (*were, commence, want*), связь в структуре нексуса семантическая. Доминантной семой, определяющей тип согласования в данных случаях оказывается сема множественности адъюнктов (*them, us, you*). Значения ядерных элементов отходят на периферию. В анализируемых примерах релевантным оказывается пропозициональное значение: в примере (17) *none of them were in the corridor now* означает ‘they were not in the corridor now’; в примере (18) *neither of us commence anything of a final nature without checking first with the other* означает ‘we don’t commence anything of a final

nature without checking first with the other'; в примере (19) *either of you want this armor and stuff* = 'you want this armor and stuff'.

Заметим, что в примере (17) употребляется и местоимение *all*, которое также реализует семантическое согласование в предикатном комплексе. Неопределённое местоимение *all* активизирует сему множественности, свойственное данному местоимению значение совокупности, целостности ослабевает и уходит на второй план. Референтом местоимения *all* является поезд, однако акцент делается на его многочисленных помещениях (частях одного целого), где рассредоточились люди. На расчленённость референта также указывает перечисление (*the bridge, the dining room, the galley, the salon, the sleeping compartments*). Именно этим можно объяснить употребление предиката в форме множественного числа (*were filled*). Как уже отмечалось выше, в английском языке имена и структуры с собирательным значением способны отражать два диалектически связанных процесса: анализ и синтез. Местоимение *all* в данной ситуации отражает именно анализ (индивидуализацию), ведь при анализе содержание имени представляется некоторым набором элементов.

Проведенное исследование позволило выявить системную семантическую двойственность рассмотренных местоимений. Это свойство предопределяет их актуализационную амбивалентность, проявляющуюся в нормативно устоявшейся вариативной сочетаемости с коррелятивными им компонентами предложения по альтернативному типу формального и семантического согласования. Характер связи языковых экспонентов обусловлен когнитивно, поскольку в осмыслении отражаемой ситуации происходит «шифт», или «смещение референта».

Библиографический список

1. Alexander L.G. English Grammar. Longman, 2004.
2. Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M. English Grammar. M., 1964.
3. [LDELIC] Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1998.
4. [WDEU] Webster's Dictionary of English Usage. Springfield Massachusetts: Merriam-Webster, 1989.

Список источников иллюстративного материала

1. Austen J. *Pride and Prejudice*. Great Britain: Penguin books, 1994.
2. Card O.S. (a) *Ender's Game* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/card_ender_s_game.html
3. Card O.S. (b) *Speaker for the Dead* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/card_speaker_for_the_dead.html
4. Card O.S. (c) *Xenocide* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/card_xenocide.html
5. Conrad J. *Lord Jim. A Tale* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/conrad_jordjim.html
6. Crichton M. *Rising Sun* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/crichton_rising_sun.html
7. Defoe D. *The True-Born Englishman* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/defoe_d.html

8. Doyle A.C. The Great Adventures of Sherlock Holmes. Great Britain: Puffin Books, 1990.
9. Grisham J. The Rainmaker. New York, 1995.
10. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury Publishing, 2000.
11. Wilde O. The Critic as Artist [Электронный ресурс]. Режим доступа: [Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature](#)
12. Zelazny R. The Great Book of Amber [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/zelazny_the_great_book_of_amber.html

*Шацких Н.Н.
Барнаул*

ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Успешная коммуникация трактуется в лингвистических исследованиях как адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание. При этом подчеркивается, что в случае неуспешной коммуникации возможны **коммуникативный сбой** (недостаточно адекватная коммуникация, недостаточно полное взаимопонимание участников коммуникации) и **коммуникативный провал** (неадекватная коммуникация, полное непонимание коммуникантами друг друга). Коммуникативные сбои и провалы, иными словами, коммуникативные неудачи, достаточно частотное явление в общении людей, так как недопонимание, непонимание, неумение услышать, а также и неумение выразить мысль – почти неизбежные спутники естественного общения. Как известно, деятельность общения направлена на удовлетворение практических и коммуникативных целей. В случае коммуникативной неудачи не достигаются либо коммуникативные цели и задачи, либо практические, или все в целом.

Коммуникативные сбои (недопонимание) и коммуникативные провалы (непонимание) в актах вербальной коммуникации могут быть вызваны самыми разнообразными причинами и обстоятельствами, как внешними (экстралингвистическими), так и собственно языковыми. Целью нашего исследования является рассмотрение основных причин коммуникативных неудач, возникающих между участниками интеракции в процессе речевого взаимодействия.

В непонимании и недопонимании «повинны» оба партнера – и производящий, и воспринимающий дискурс. Индикатором того, что в общении произошел сбой, часто служит ответная реакция адресата, которая может вообще отсутствовать, точнее говоря, может быть внешне не выражена при помощи ответного речевого акта (адресат не услышал, не расслышал, не счел нужным отвечать, обиделся, оскорбился и т. п.), или же реакция может не соответствовать ожиданиям говорящего, что чаще всего и происходит.

Коммуникативные неудачи не всегда приводят к непониманию целого дискурса, реактивные реплики партнера с просьбой уточнить, разъяснить, дать дополнительную информацию в конечном итоге способствуют более или менее адекватному пониманию

коммуникантами друг друга, тем не менее, бывают и такие случаи, когда коммуникативная неудача ведет к полному прекращению контакта.

Причины коммуникативных неудач, как отмечает ряд исследователей (Н.И. Формановская, О.А. Бурукина, В.В. Красных, Е.А. Земская, О.Н. Ермакова, Е.Г. Борисова и др.), многообразны и многослойны. Охарактеризуем основные из них.

1. К коммуникативным неудачам нередко приводят различия в картинах мира, сформированных разными национальными культурами общающихся. Кроме того, коммуникативные сбои и провалы в речевом общении людей часто возникают вследствие несовпадения оценок объектов, явлений и фрагментов действительности участниками интеракции. Например: *“What a disgusting creature it is!” “Why do you find it disgusting? It’s my favourite guinea-pig”* (пример наш).

В свою очередь О.А. Бурукина отмечает, что причины и истоки взаимонепонимания коммуникантами друг друга во многом кроются в особенностях построения и функционирования человеческого сознания, которые проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, в существующей общей дихотомии сознания, разделенного на мужское (маскулинное) и женское (фемининное). Кроме того, существуют разнообразные типы национального сознания, складывающегося в рамках определенной культуры под воздействием традиционно-исторического, социолингвистического и других факторов, среди которых гендерный имеет немаловажное значение. В формировании и функционировании сознания большую роль играет и языковая картина мира конкретных наций и народностей. Однако непонимание возникает не только между представителями разных национальностей, но и разных социальных групп в пределах одной национальности, разных возрастных категорий и т.д. Коммуниканты порой не понимают самых обычных слов и выражений, употребляемых их собеседниками, и причина этого кроется не только и не столько в незнании каких-то значений того или иного слова, которое всегда можно узнать и запомнить, проблема значительно глубже и многоаспектнее. По мнению исследователя, основа непонимания (кроме всех прочих тривиальных причин, как то: незнание дополнительных значений слов, параллелизм мыслительного процесса и пр.) – это нетождественность коннотативных полей лексем, проявляющаяся в отсутствии части ассоциаций, импликаций, невербальных образов в сознании одного из коммуникантов, какой бы национальности он ни был. Так, одна и та же лексема в сознании разных людей может вызывать разные вербальные и невербальные ассоциации, которые, под воздействием ассоциативного возбуждения, влекут за собой новые ассоциативные ряды, выстраивающиеся в ассоциативную сеть. Именно нетождественность коннотативных полей, по утверждению данного автора, является одной из основных причин возникновения коммуникативных неудач в вербальной коммуникации (Бурукина 2000).

2. Успех коммуникации во многом зависит от степени адекватности пресуппозиций у участников интеракции, иными словами, от наличия «фонда общих знаний»

собеседников. Для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы партнеры по коммуникации обладали а) общностью знаний о мире в форме образов сознания, б) общностью знаний об используемом языке и общностью навыков речевого общения. Другими словами, совершенно очевидно, что для общения коммуникантам необходима общность знаковых средств и определенная общность социального опыта. И хотя последняя никогда не бывает полной, все-таки можно говорить о потенциальной возможности зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств собеседников, достаточной для адекватной коммуникации. Приведем пример коммуникативной неудачи, возникшей вследствие отсутствия общности социального опыта и «фонда общих знаний» у общающихся:

(1) *“This is eighteenth-century Venetian. Their colour was always luminous, Giangolini was the painter. He died young, you know. Not more than a dozen of pictures are known. And this is one.”*

The Lord of the Manor nodded. He could appreciate the value of rarity.

“One notices at a first glance the influence of Longhi,” Mr Bigger went on airily. “And there is something of the morbidezza of Rosalba in the painting of the face.”

The Lord of the Manor was looking uncomfortably from Mr Bigger to the picture and from the picture to Mr Bigger. There is nothing so embarrassing as to be talked at by someone possessing more knowledge than you do. Mr Bigger pressed his advantage.

“Curious,” he went on, “that one sees nothing of Tiepolo’s manner in this. Don’t you think so?”

The Lord of the Manor nodded. His face was a gloomy expression. The corners of baby’s mouth drooped. One almost expected him to burst into tears.

“It’s pleasant,” said Mr Bigger, relenting at last, “to talk to somebody who really knows about painting. So few people do.”

“Well, I can’t say I’ve ever gone into the subject very deeply,” said the Lord of the Manor modestly. “But I know what I like when I see it.” His face brightened again, as he felt himself on safer ground (Huxley, 7-8).

Отсутствие знаний в области живописи у одного из общающихся изначально ставит партнеров по коммуникации в неравное положение и помогает мистеру Биггеру выразить свое интеллектуальное превосходство над собеседником. Последний не может до конца понять смысл услышанного, не зная разницы жанров и стилей упомянутых художников, да и сами имена обсуждаемых живописцев он, пожалуй, слышит впервые в жизни.

3. Нарушения речевого поведения, этикетных стереотипов, несоблюдение социальных норм взаимоотношений и основных правил коммуникативного кодекса (принципов прагматики Г.П. Грайса и Дж. Лича) могут в значительной степени затруднять процесс коммуникации. Так, при нарушении максим вежливости может следовать побуждение к исправлению речевого поведения: *“You should be more polite”* или *“Don’t be so tactless”* или *“That’s not a very nice thing to say”* (примеры наши) и подобное.

Невежливо, а стало быть, неудачными репликами считаются такие, которые унижают партнера и его ближайшее окружение, то есть вторгаются в личную сферу, как, например, *“How could you be such a stupid fool?”* или *“You are crazy if you think you’ll ever see that money again”* (примеры наши). Однако нельзя забывать о том, что в ряде случаев правила коммуникации нарушаются намеренно с целью повышение экспрессивности речи. Прибегая к подобной рода тактике, говорящий стремится вызвать определенную эмоциональную реакцию у адресата или ввести его в определенное эмоциональное состояние, усилить воздействие передаваемого сообщения на мысли и чувства партнера по коммуникации, скорректировать речевое/неречевое поведение реципиента, повлиять на ход мыслей и состояние сознания собеседника, подвести его к определенным выводам, умозаключениям и т. д. и т. п. Примером может служить следующая ситуация:

(2) *“...What’s wrong with you, Julia?”*

“With me?”

“Yes. Why are you giving such a lousy performance?”

“Me?” That was the last thing she expected to hear him say. She faced him with blazing eyes. “You damned fool, I’ve never acted better in my life.”

“Nonsense. You’re acting like hell.” (Maugham, 201-202)

Разрыв отношений с бывшим любовником Томом Феннеллом причинил сильную душевную боль Джулии Ламберт и, как следствие, негативно повлиял на игру актрисы. Она больше не изображала на сцене любовь, страсть, страдание и муки, а переживала эти чувства в реальности, что сделало ее игру неестественной. Муж Джулии, Майкл, посмотрев очередной спектакль с участием жены, был неприятно удивлен увиденным. Он пришел в гримерную к Джулии, чтобы высказать свое мнение о представлении. Нарушая правила вежливой коммуникации (максимы такта, одобрения, симпатии), используя в своей речи коллоквиализмы и слова с эмоциональной и отрицательной оценочной коннотацией, Майкл достигает желаемого эффекта: Джулия была ошеломлена, так как не ожидала подобной оценки своего мастерства (*That was the last thing she expected to hear him say*), и пришла в ярость, что становится ясным благодаря невербальным средствам общения (*She faced him with blazing eyes*) и последовавшей с ее стороны речевой реакции (*“You damned fool, I’ve never acted better in my life”*). Майкл намеренно нарушил правила речевого поведения, чтобы повлиять на чувства Джулии, вывести ее из равновесия и заставить взглянуть на себя со стороны, дать ей понять, что никакие чувства и эмоции из реальной жизни не должны лишать ее самообладания и самоконтроля, не должны влиять на ее блестящее исполнение различных ролей и губить ее талант.

4. При коммуникативной неудаче могут быть нарушены условия места и времени коммуникации или же «помехи» могут быть вызваны присутствием третьего лица. В этом случае в ответной реплике корректируется неуместность речевого действия партнера: *“It’s not the right time to discuss it”* или *“Let’s talk about it a bit later”* (примеры наши) и т. п.

5. Нарушения канала связи также нередко относят к коммуникативным неудачам. Воспринимая нечеткую, неясную речь, адресат, как правило, старается скорректировать поведение партнера. Примерами могут служить высказывания: *“Could you speak a bit louder?”*, *“Speak up, please!”*, *“Could you speak a little more slowly?”* (примеры наши) и т. п.

Рассмотрим отрывок диалогического дискурса, демонстрирующий подобную ситуацию:

(3) *With lead in his heart and ice in his fingers, he dialed the number.*

Mrs Granger fetched Mr Granger. Yes, he taught at the school. He was the right man. What could he do for Mr Willison?

“It’s about tonight’s boxing tournament.”

“Sorry, what? The line’s bad.”

“Tonight’s boxing tournament...” (Wain, 71).

Набирая номер учителя школы, где учился его сын-подросток, Мистер Уиллисон хотел выяснить, действительно ли тот вечер в школе должно было состояться соревнование по боксу, или сын обманывает его. Но в середине разговора произошел коммуникативный сбой из-за плохой связи, и, пытаясь его устранить, учитель задает уточняющий вопрос *“Sorry, what?”*, объясняя, что собеседника плохо слышно.

6. Коммуникативная неудача может быть вызвана ощущением партнера как «не того» лица (по статусу, социальной роли, психологическим установкам и т. д.), то есть адресат может считать говорящего не вполне подходящей для общения кандидатурой. Подобное можно наблюдать при декларативных и директивных речевых актах, когда неуполномоченное лицо берет на себя больше коммуникативных и фактических прав – приказывать, требовать, инструктировать и тому подобное, – чем это представляется адресату. В этом случае ответные реплики адресата могут выражать недовольство партнером по коммуникации, например, *“How dare you talk to me like this?”* (пример наш).

7. Неправильная интерпретация речевой интенции в иницирующей реплике адресанта может вызвать неадекватную реакцию реципиента, может привести к изменению эмоционального состояния собеседника (как правило, в худшую сторону). Подобные неожиданные реакции адресата на речевой акт говорящего (непредвиденный перлокутивный эффект) представляют собой достаточно распространенный тип коммуникативной неудачи. Например: *“Why have you invited Tom to our dinner party?”* *“Are you against it?”* *“No, I’m actually not, I just wanted to know”* (пример наш). В данном случае вопрос воспринят как недовольство, или упрек, хотя продуцент не преследовал своей целью выражение подобного интенционального значения. Как показывает анализ фактического материала, специальные и разделительные вопросы в английском языке особенно часто могут истолковываться то как собственно вопросы, то как косвенные речевые акты, имеющие разнообразные иллокутивные цели. Приведем еще один пример, подтверждающий данные выводы: *“You’ve got that dictionary of mine, haven’t you?”* *“I’ll give it back to you tomorrow.”* *“It’s not necessary, you can keep it for a while, I just wanted to*

recollect whom I'd given it" (пример наш). В данной речевой ситуации адресат воспринимает разделительный вопрос как просьбу вернуть одолженный ранее словарь, однако говорящий не это имел в виду, задавая свой вопрос, он лишь хотел вспомнить, кому он мог дать словарь во временное пользование.

Нередко адресат, вычленивший интенцию говорящего, специально игнорирует его намерение и реагирует как будто неадекватно: *"I've bought a car!" "Have you got an increase in pay?"* (пример наш). Замысел говорящего – хвастовство, которое собеседник, видимо сознательно, игнорирует, перенося фокус внимания с автомобиля на прибавку к зарплате. Такой прием нередко используется в языковых играх, подробное описание которых можно найти в работах Л. Витгенштейна.

8. Многочисленные коммуникативные неудачи кроются в природе языковых единиц: многозначности слов и конструкций, неточной денотативной и референтной отнесенности номинаций, окказиональных образованиях и т. д. Рассмотрим некоторых из них.

Реализуемое значение многозначного слова, как правило, уточняется контекстом, просодиями, актуальным членением и другими уточняющими средствами, однако в некоторых случаях именно многозначность может стать причиной коммуникативного сбоя или провала. Проиллюстрируем сказанное примером из книги Э. Бомбек *"When You Look Like Your Passport Photo, It's Time To Go Home"*:

(4) *"Turn your wheels that way," I shouted.*

"Which way? I can't see you. That means nothing to me."

"Left. Turn them left."

"The trailer wheels or the car wheels left?" he shouted.

"Whichever ones make your back wheels straighten out."

"Is that better?"

"Right."

"Is that right as in OK, or right as in turn right? I can't see you in all this rain, you know." (Bombeck, 28)

В данном примере коммуникативный сбой вызван недостаточным пониманием контекстуального значения слова *right*, которое может быть интерпретировано либо как синоним слова *OK* со значением «хорошо/отлично/то, что надо/подойдет», либо как антоним к слову *left* («левый»), указывающему направление движения, с противоположным значением «правый». Недопонимание ведет к переспросу, когда адресат пытается выяснить, что именно собеседник имел в виду.

Кроме многозначности, омонимия и паронимия – частые источники коммуникативных неудач. Так, могут возникать трудности в понимании таких слов, как, например, *yolk – yoke, knight – night, piece – peace, scent – cent, sea – see* и т. д., особенно если микроконтекст не является достаточным для точного понимания того, что именно говорящий имеет в виду. Рассмотрим следующую ситуацию:

- (5) “*Waiter!*”
 “*Yes, sir.*”
 “*What’s this?*”
 “*It’s **bean** soup, sir.*”

“*Never mind what it has **been**. I want to know what it is now.*” (Антрушина 2000: 167)

В данном диалоге коммуникативная неудача является результатом неверного восприятия и понимания посетителем ресторана слова *bean*, которое он принимает за схожее по произношению слово *been* (причастие II глагола *to be*); данные слова являются омофонами, так как имеют одинаковое произношение, но разное написание.

Неоднозначность истолкования грамматической конструкции также может отрицательно сказаться на успехе коммуникации, как, впрочем, и неточная референциальная отнесенность, особенно при неясном использовании дейктических слов, или неточное указание на денотат, вызывающее двусмысленность. Проиллюстрируем данные положения примером: “*The sugar bowl is **over there**.*” “*Where?*” “*On the upper shelf*” (пример наш). В этом примере коммуникативный сбой объясняется недостаточно точным указанием на местонахождение сахарницы, то есть не вполне однозначным употреблением дейктического выражения *over there* в данной речевой ситуации.

Типичным источником коммуникативных неудач является употребление окказионализмов, придуманных слов, понятных узкому кругу лиц, жаргонизмов, диалектизмов и т. п., например:

(6) *THE FLOWER GIRL: Oh, sir, don’t let him charge me. You dunno what it means to me. They’ll take away my character and drive me on the streets for speaking to gentlemen. They – –*

THE NOTE TAKER: There! there! there! there! who’s hurting you, you silly girl? What do you take me for?

THE BYSTANDER: It’s aw rawt: e’s a gentleman: look at his bo-oots. She thought you was a copper’s nark, sir.

THE NOTE TAKER: Whats a copper’s nark?

THE BYSTANDER: It’s a – – well it’s copper’s nark, as you might say. What else would you call it? A sort of informer (Shaw, 14-15).

Автор пьесы «Пигмалион» Дж. Б. Шоу создает яркий образ своих персонажей в воображении читателя не только при помощи авторских ремарок и комментариев, но и при помощи живой, эмоционально насыщенной речи. В приведенном отрывке диалогического дискурса речь героев изобилует лексическими единицами, грамматическими структурами и вариантами фонетического оформления речи, характерными для разговорного стиля и лондонского диалекта кокни, что, в первую очередь, говорит о принадлежности героев к низшим слоям общества, поскольку подобная речь звучит безграмотно, с большими отклонениями от правил грамматики, правил словоупотребления, правильного произношения, а в письменном варианте – от правил орфографии и пунктуации. Особенности произношения вышеупомянутого диалекта

являются следующие: отсутствие звука [h] в начале слов, где это требуется (например “*ere*” вместо “*here*”), и наличие данного звука в инициальной позиции в словах, начинающихся с гласного звука, где его быть не должно (например, “*hangel*” вместо “*angel*”); замена дифтонга [ei] на дифтонг [ai] и звука [ŋ] на звук [n] в конце слова (примеры: “*tike*” вместо “*take*”, “*givin*” вместо “*giving*”). Неподготовленному носителю языка и особенно человеку, изучающему английский язык, понять подобную речь бывает очень сложно, а иногда и невозможно. Общение в подобном случае будет значительно затруднено, коммуникативные сбои и провалы практически неизбежны. Даже в описанной речевой ситуации коммуникантам не удалось избежать коммуникативной неудачи. Когда один из собеседников произнес жаргонное выражение “*a copper’s nark*”, означающее «доносчик», адресат речи, будучи человеком воспитанным и высоко образованным, не понял его, поэтому последовал вопрос о том, что это выражение значит, на что был дан уклончивый ответ “*a sort of informer*” – «что-то вроде осведомителя/информатора».

9) Наконец, еще одной причиной коммуникативных неудач в общении людей, в значительной степени затрудняющей процесс восприятия и интерпретации речи адресатом, можно считать наличие недосказанности, или смысловых (семантических) пропусков в передаваемом речевом сообщении. Приведем пример подобной ситуации:

(7) “*But what are you going to do with your money?*” asked the uncle.

“*Of course,*” said the boy, “*I started it for mother. She said she had no luck, because father is unlucky, so I thought if I was lucky, it might stop whispering.*”

“*What might stop whispering?*”

“*Our house. I hate our house for whispering.*”

“*What does it whisper?*”

“*Why – why,*” the boy fidgeted, “*why, I don’t know. But it’s always short of money, you know, uncle.*”

“*I know it, son, I know it.*” (Lawrence 1993: 31)

В рассказе Д. Лоуренса “*The Rocking-Horse Winner*” мальчик по имени Пол решил помочь родителям поправить тяжелое финансовое положение в семье, зарабатывая деньги на лошадиных скачках. Рассказ не совсем обычен, поскольку в нем происходят невероятные, мистические события. Дело в том, что у Пола был игрушечный конь-качалка, и мальчик раскачивался на нем до такой степени, что впадал в состояние близкое к исступлению, или сумасшествию. Выходя из подобного состояния, он, как правило, уже точно знал, какая из лошадей придет первой на будущих скачках и ставил на нее значительные суммы денег, приумножая свой капитал. При этом мальчику все время казалось (впрочем, как и другим членам семьи), что в доме постоянно слышатся голоса, напоминающие о том, что семья на грани полного разорения и нищеты. И, несмотря на то, что Пол поделился значительной частью заработанных средств с матерью, «шепот» в доме не только не прекратился, но с течением времени голоса, казалось, становились все громче, доходя до пронзительного крика.

В приведенном отрывке разговора мальчика с дядей, когда Полу был задан вопрос о том, каким образом он собирается распорядиться выигранными деньгами, мальчик ответил, что, прежде всего, он намеревается помочь матери и надеется, что теперь наконец-то «шепот» в доме прекратится. Дядя не смог понять, что его племянник имеет в виду под словом «шепот», поскольку поверхностная структура передаваемого Полем сообщения не содержит достаточного количества информации для правильной интерпретации того глубокого, скрытого смысла, который в нем действительно содержится.

Итак, бытование коммуникативных недоразумений и осечек в актах вербальной коммуникации в реальном живом общении людей почти неизбежно. Разновидности коммуникативных неудач множественны, причины их возникновения и способы их устранения разнообразны. Полного понимания между общающимися людьми, как указывал еще В. фон Гумбольдт, достичь невозможно (но стремиться к этому все-таки необходимо), поскольку язык обладает конечным набором способов отражения реальности, которая бесконечна и недискретна.

Библиографический список

1. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для студентов. М., 2000.
2. Борисова Е.Г. Деятельность адресата при понимании сообщения // Понимание в коммуникации. Материалы научно-практической конференции. М., 2003.
3. Бурукина О.А. Чужая душа – потемки // Форматы непонимания: Материалы рабочего совещания: Институт языкознания РАН, сектор психолингвистики и теории коммуникации / В.Н. Бадылев, Ю.А. Сорокин. М., 2000.
4. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
5. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001.

Список источников иллюстративного материала

1. Bombeck E. When You Look Like Your Passport Photo, It's Time to Go Home. New-York: Harper Paperbacks, 1991.
2. Huxley A. The Portrait // English Stories. Moscow, 1993.
3. Lawrence D.H. The Rocking-Horse Winner // English Stories. Moscow, 1993.
4. Maugham W.S. Theater. Moscow, 1979.
5. Shaw G.B. Pigmalion. Moscow, 1972.
6. Wain J. Manhood // English Stories. Moscow, 1993.

*Яшкин С.С.
Москва*

ПРИРОДА, СМЫСЛ И ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СЛУЧАЙНОГО

Существуя в мире «вещей» (более точно, конечно, объектов), обладающих некоторыми свойствами, человек познающий изначально создавал вещную пространственную картину мира. Однако наблюдение за характером отношений, определение причин, вызывающих изменения объектов, установление условий, в которых эти изменения происходят или могут произойти, привело к изменению характера этой

картины, ставшей событийной. Динамика событийности привлекла еще один показатель в картирование воспринимаемого – временной. Так, еще в VII-IV веках до н. э. в мудрствованиях (софия) и обобщениях мудрости (философия) рождалось знание об упорядоченном мире (космосе).

Наблюдения и обобщения наблюдаемого привели к заключению, что события могут «быть» неотвратимыми, или (в примитивной этимологии) «необходимыми», а могут «быть или не быть», то есть быть возможными или происходить случайно. Считается, что как событийный модус «случайное» было введено Иоанном Дунсом Скоттом (XIII век). Сущность случайного в философском плане определена Б. Спинозой (XVII век). В своем известном труде, созданном четыре века назад Б. Спиноза писал: «Случайной же какая-либо вещь называется по несовершенству нашего знания» (Спиноза: www). Определение понятия случайного через категорию знания привело к его толкованию в сугубо гносеологическом плане. Такая трактовка, однако, представляет лишь часть его содержания и, по всей видимости, не может быть только к этой части сведена. Данное заключение вытекает из следующего далее по тексту замечания, что о случайном нельзя судить в точных суждениях, поскольку событие воспринимается как случайное вследствие того, что в его осуществлении не очевиден порядок вызывающих его причин. Таким образом, случайное вводится в область онтологических отношений. Тем самым выявляется его двойственная природа, проявляющаяся в единстве онтологического и гносеологического. Как отмечается, в качестве ступеней познания случайное (равным образом, возможное, необходимое, невозможное) выступает в качестве гносеологической категории («категория» понимается здесь в философском терминопотреблении). Выступая в качестве формы знания об объективном мире, случайное (возможное, необходимое, невозможное) передает характер отношений в нем (Лагута 2000).

В логике случайное включается в систему модальных констант (Ивин: www, Трунова 1991), сопоставляясь возможному и противопоставляясь необходимому и невозможному. Содержание указанных констант раскрывается через интерпретацию в терминах причинно-следственных связей, оснований и условий свершения события или выполнения действия. Так, если необходимое происходит при любых обстоятельствах и его причинение подчинено закону детерминации, то возможное является таковым и проявляется лишь в силу определенных (но не всяких, не любых) обстоятельств. Содержательное наполнение случайного определяется через две составляющие. Во-первых, случайное имеет основание и причину не в самом себе, а вовне. Во-вторых, случайное представляет собой результат проявления несущественных, неустойчивых, единичных связей действительности (Эпштейн 2001). Поэтому случайное событие может произойти, а может и не произойти, в то время как, например, событие необходимое происходит обязательно.

Когда в обыденной жизни мы говорим «это произошло случайно», это означает, что на данный момент мы просто не можем установить и проследить действие некоторых

последовательно развивающихся и в определенный момент пересекающихся причин. Таким образом, можно признать, что объективное существование абсолютной случайности как ничем не детерминированного события, явления, процесса есть продукт нашего незнания причин того или иного явления. То есть, если встреча запланирована, она является необходимой, а если вы и ваш друг, заранее об этом не договариваясь, неожиданно столкнулись в переходе метро от станции «Библиотека им. Ленина» на станцию «Александровский сад» и при встрече решили ряд вопросов, вы скажете: «Какой удачный СЛУЧАЙ!», не задумываясь о том, что и этот случай был предопределен целым рядом предшествовавших событий, например тем, что вы вышли из дома на десять минут раньше, а вашего приятеля на полчаса задержал после лекции научный руководитель, а еще тем, что, вместо того, чтобы отправиться в библиотеку, как он планировал это сделать, ваш приятель, выполняя просьбу своего руководителя, решил сначала съездить в издательство на «Студенческой» и так далее.

Соответственно можно признать, что к необходимым относятся такие события, которые вытекают из существенных связей и которые осуществляются в стабильных условиях. Это не только и не обязательно такие глобальные явления, как движение планет по орбитам, механизм наследования у живых организмов, суточные ритмы, смена времен года, развитие новых технологий (Алексеев, Панин 2008), это могут быть ритуалы и культурные традиции, плановое совещание в начале рабочего дня, поездка за город в субботу, посещение концерта, консультация юриста, диспансерный прием у врача – любая обыденная деятельность, которую если даже и можно перенести или отложить, то выполнить все равно придется. К случайным относятся события, которые не планировались и происходят неинтенционально, ненамеренно. Их нельзя прогнозировать и нельзя предугадать, в отличие от событий возможных.

Случайное квалифицируется согласно некоторым критериям. Это может быть отношение субъекта к событию. На этом основании происходит разграничение внутренней и внешней случайности. Последняя вызывается, как правило, побочными, несущественными причинами. Это может быть характер воздействующих факторов: объективных, онтологически детерминирующих условий (объективная случайность) или волюнтаристских действий, нарушающих выполнение объективно действующих законов (субъективная случайность). Кроме того, как при всяком положении дел, происходящее может способствовать или затруднять свершение некоторых событий. Такие случайности являются благоприятными или неблагоприятными (Эпштейн 2001).

Как всякое иное существующее или мыслимое явление, свойство или отношение, случайное эксплицируется посредством языка. При этом, как представляется, язык обладает двумя формами экспликации: он либо именуется объект, признак, явление, действие, либо указывает на него, то есть индицирует. Первую функцию выполняют полнозначные лексемы, вторую – служебные языковые формы, прежде всего – грамматические. Рассмотрим некоторые примеры:

(1) *There is no **chance** that she may decide to change her mind* (Crichton).

Семантическая структура лексемы *chance* определяется при помощи приемов дефиниционного анализа и семантического расширения:

chance – ‘way things fall out, undesigned occurrence, absence of design or discoverable cause’ (здесь и далее все дефиниции даются по (COD) и (OALD));

fall out – ‘come to pass’;

design – ‘plan, intend, purpose’;

discover – ‘expose to view, reveal, make known’.

Сопоставление единиц первой ступени дефиниции и вариантов семантического расширения выявляет в интенционале семантической структуры анализируемой лексемы такие компоненты значения, как [незапланированность] (*undesigned*), [невывяляемая причина] (*absence of discoverable cause*), в импликационале – [временность], [краткосрочность] (*come to pass*), [отсутствие намерений] (*intend + not*), [невозможность познать] (*make known + not*). Таким образом, в слове содержатся все смысловые компоненты, раскрывающие содержание понятия «случайный»: ненамеренное действие или событие, происходящее по неизвестным, или не выявленным причинам.

Общее лексико-семантическое поле единиц со значением случайного выявляется при анализе эмпирического материала применением приема семантического выравнивания, проводимого следующим образом:

(2) *Has she been in an **accident**?* (Segal)

accident – ‘event without apparent cause; unforeseen, unintentional act; chance’.

В данном случае уже интенционал (дефиниции в первой ступени) лексемы *accident* содержит семантическую составляющую [случайный] – *chance*.

(3) *On each **occasion** they had called round to see them. James had done so at his father’s behest* (Jordan).

occasion – ‘incidental occurrence’;

incidental – ‘occurring by chance in connection with something else’.

Здесь сема [случайный] выявляется во второй ступени семантического развертывания и на этом основании в иерархии семантической структуры слова квалифицируется как относящаяся к сильному импликационалу.

В некоторых лексемах сема [случайный] выявляется в третьей или четвертой ступени семантического развертывания. Это требует ее отнесения к слабому импликационалу значения, то есть к тому типу, актуализация которого полностью детерминирована релевантным контекстом:

(4) *His other calls are to suppliers and code vendors, and they are all appropriate. ... No unexplained bank transfers, no **sudden** new purchases* (Crichton).

Лексема *sudden* в словарных дефинициях толкуется следующим образом:

sudden – ‘unexpected, abrupt, rapid, rare’;

unexpected – ‘not anticipated, unplanned, uncontrolled’;

anticipated – ‘foreseen because of regular character or occurrence’.

Сопоставление последней дефиниционной единицы с противоположной ей по смыслу приводит к следующему:

not anticipated – ‘not foreseen because of irregular, occasional character or occurrence’.

Следует отметить, что отнесенность слова к лексико-грамматическому классу, по-видимому, не имеет значения. Для сравнения приведем еще один пример:

(5) *I stare at the statement in puzzlement, wrinkling my brow and trying to think – and then suddenly, the truth dawns on me. It’s obvious. Someone else has been using my card* (Kinsella).

Уровень выявления в лексеме *sudden* (*suddenly*) семы [случайный] – уровень слабого импликационала. Это означает, что актуализация данной семы возможна только при наличии в контексте детерминирующих факторов. Так, в нижеследующем примере лексема *suddenly* актуализирует значение неожиданности, внезапности, в то время как сема [случайно] опускается на уровень негемпликационала:

(6) *“Louise, this is terrible news. But I don’t see why you wanted me to call you. I mean it’s been ten years since I last saw her.”*

Suddenly a silence on the line (Segal).

Именно уровень выявления семы [случайно] является критерием позиционирования лексической единицы в рамках лексико-семантического поля языковых экспонентов случайного, которое составляет сегмент более сложного функционально-семантического поля, в состав которого включаются словосочетания (например, *in case, in no way, at best, otherwise* и т. д.), модальные глаголы, контекстуально актуализирующие данное значение:

(7) *“How would he even know what this box contains?” “His bank stored it. He knew my grandfather. Maybe he knew things. He **might have decided** he wanted the Grail for himself* (Brown).

(8) *I was worried that I **might have to tell** you that you were a dead man* (Puzo).

В данном случае модальный глагол *might* передает значение действия, которое могло произойти, а могло и не произойти. Наличие слабой вероятности отличает значение случайного от значения возможного, которое также актуализируется данным глаголом в иных контекстах.

Значение случайного в английском языке выражают также некоторые формы косвенных наклонений:

(9) *Peter sat frozen, waiting for Pfeifer to pronounce sentence. He did so in a hushed tone **lest he disturb** the distinguished breakfasters* (Segal).

В теории языка форма *lest he should disturb* (американский вариант английского языка *lest he disturb*) образует структуру «предположительного» наклонения (*suppositional mood*). Не касаясь вопроса о терминологической неадекватности такого именованья, отметим, что значение случайного здесь выявляется путем использования приемов перифраза и перевода (*he **might** disturb / it **could** happen that*; чтобы **случайно** не побеспокоить). Установлено, что именно значение случайного является парадигматическим, системным значением этой формы (Трунова и др. 2008).

Значение случайного может имплицироваться и выводиться из общей ситуации, как в следующем примере, где речь идет о гибели женщины в дорожно-транспортном происшествии:

(8) “*Oh, Bobby, what a tragedy. Five days ago. Head-on collision. She was coming from a cardiac emergency. The whole town is in mourning* (Segal).

В заключение следует, прежде всего, отметить, что, живя в постоянном взаимодействии с миром, человек постигает особенности его бытования через установление отношений в нем. Эти отношения могут носить разный характер, но неизменными остаются отношения «причина – условие – следствие». То есть, всякая причина приводит к какому-то следствию. Следствие осуществляется в силу некоторых обстоятельств – условий. Необходимое следствие актуализируется при любых условиях. В языковой экспликации это обозначается оператором *always* и синонимичными ему выражениями. Возможное следствие вызвано развертыванием одной причинно-следственной цепи и актуализируется при некоторых известных условиях. В языковой экспликации это обозначается оператором *sometimes* и его коррелятами. Случайное может произойти и может не произойти. Актуализация случайного события становится возможной при совпадении нескольких причин и удовлетворении нескольких условий. Случайное находится в области действия возможного. Языковым оператором случайного является наречная лексема *accidentally*. Вхождение операторов *always*, *sometimes*, *accidentally* в область семантики модальных констант определяет новый ракурс их рассмотрения, обозначив переход от темпоральных смыслов в модальные.

Библиографический список

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2008.
2. Ивин А.А. Модальная логика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/ivina01/index.htm>
3. Лагута О.Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000.
4. Спиноза Б. Этика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vzms.org/spinoza.htm>
5. Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности. СПб., 1995.
6. Трунова О.В., Максимова Т.Д., Москаленко Н.В. Модальность: Косвенные наклонения в языке и речи. Барнаул, 2008.
7. Эпштейн М.П. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре [Электронный ресурс]. СПб., 2001. Режим доступа: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/fs_modality.html

Список источников иллюстративного материала

1. Crichton M. A Case of Need. Signet books, 2000.
2. Crichton M. Disclosure. Ballantine books, 1998.
3. Jordan P. Women and Love. Mira books, 2002.
4. Kinsella S. Confessions of a Shopaholic. Black Swan, 2009.
5. Puzo M. The Godfather. Pan Books, 1969.
6. Segal E. Doctors. Bantam Books, 1996.
7. Segal E. Man, Woman and Child. A Panther Book, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бастрыкина О.В.</i> Логическая структура сравнительных конструкций.....	3
<i>Бегаева О.Е.</i> Сущность и функции полусвязочных глаголов английского языка.....	8
<i>Бугаева О.Б.</i> Дивергенция прагматики разговорного слова и прагматики контекста как средство интенсификации оценочных смыслов в тексте британской прессы	13
<i>Булгакова Д. А.</i> Антропонимы в составе фразеологических единиц как аспект лингво-культурологического изучения имён собственных (на материале немецкого языка)	18
<i>Виноградова Н.Г.</i> Реализация семантики аксиологической оценки в синтаксических конструкциях	22
<i>Володченко Т.А.</i> Базовые понятия категории оценки: к постановке проблемы.....	30
<i>Гаськов М.В.</i> Проблема семантического анализа онимов: к обоснованию метода.....	34
<i>Герашенко А.М.</i> Создание реалистичной картины повествования как ведущая функция вставных текстов	39
<i>Германов С.Н.</i> Импликация семантики странного	43
<i>Жогова И.Г.</i> Образ vs образность: концептуальное содержание	48
<i>Жолобова Ю.С.</i> Структурная и содержательная характеристика метатекстовых элементов.....	55
<i>Заюкова Е.В.</i> Грамматический контекст интенциональной семантики.....	58
<i>Исаева И.П.</i> «Момент речи» и его роль в языковой репрезентации хрональных отношений ..	66
<i>Калинина О.Н.</i> Пропозиция как смыслоорганизующая основа предложения	70
<i>Келлер И.М.</i> Импликация признаков характеристик действия в семантической структуре глагола	76
<i>Кириллова Ю.Н.</i> Метафорическое моделирование современного немецкого спортивного дискурса	83
<i>Коваленко Е.В.</i> Деривация как способ порождения оценочных смыслов	89
<i>Козлова О.А.</i> Конвенциональность нормы в социо-культурном пространстве	96
<i>Кулакова Т.А.</i> Глагольная номинация итеративности	101
<i>Левицкая Е.В.</i> Фрагментарность в структурировании целостной картины мира (к постановке проблемы).....	105
<i>Леденева Е.М.</i> Роль иконического синтаксиса в создании образности художественного произведения.....	109
<i>Лопатина М.Ю.</i> Семантико-синтаксические особенности ядерных лексем со значением операционального предпочтения	115
<i>Провоторова М.А.</i> Роль оценки в формировании представления о воспринимаемом	124
<i>Рассолова И.Н.</i> Модели времени.....	130
<i>Романова Т.А.</i> Синкретизация смысла в структурах с каузативными глаголами	137

<i>Семенчина Е.Н.</i> Нефинитные конструкции актуализации причинно-следственных отношений в английском языке.....	142
<i>Сёмкина А.В.</i> Системные и актуализационные показатели категории аппроксимативности.	146
<i>Сергиенко Н.С.</i> Использование средств интенсификации в произведениях современной британской литературы (на примере романов J. Dawson, D. Lodge, N. Hornby)	151
<i>Смоля М.С.</i> О грамматической категории степени сравнения имени прилагательного в островном немецком говоре.....	153
<i>Стрельцова Я.А.</i> Языковые средства передачи внутреннего конфликта.....	157
<i>Тронько С.С.</i> Фрагмент ассоциативно-семантического поля немецкоязычного концепта <i>Tod</i>	161
<i>Федоткина И.В.</i> К вопросу об аргументативном и суггестивном потенциале суперлативности в информационно-публицистическом дискурсе	168
<i>Филиппова Я.П.</i> Развитие полисемии в аспекте реализации семантического потенциала слова в национальных вариантах английского языка.....	172
<i>Храмова Т.Ю.</i> Согласование местоименных коррелятов в современном английском языке.	178
<i>Шацких Н.Н.</i> Причины коммуникативных неудач в речевом общении.....	185
<i>Яшкин С.С.</i> Природа, смысл и языковая экспликация случайного	193